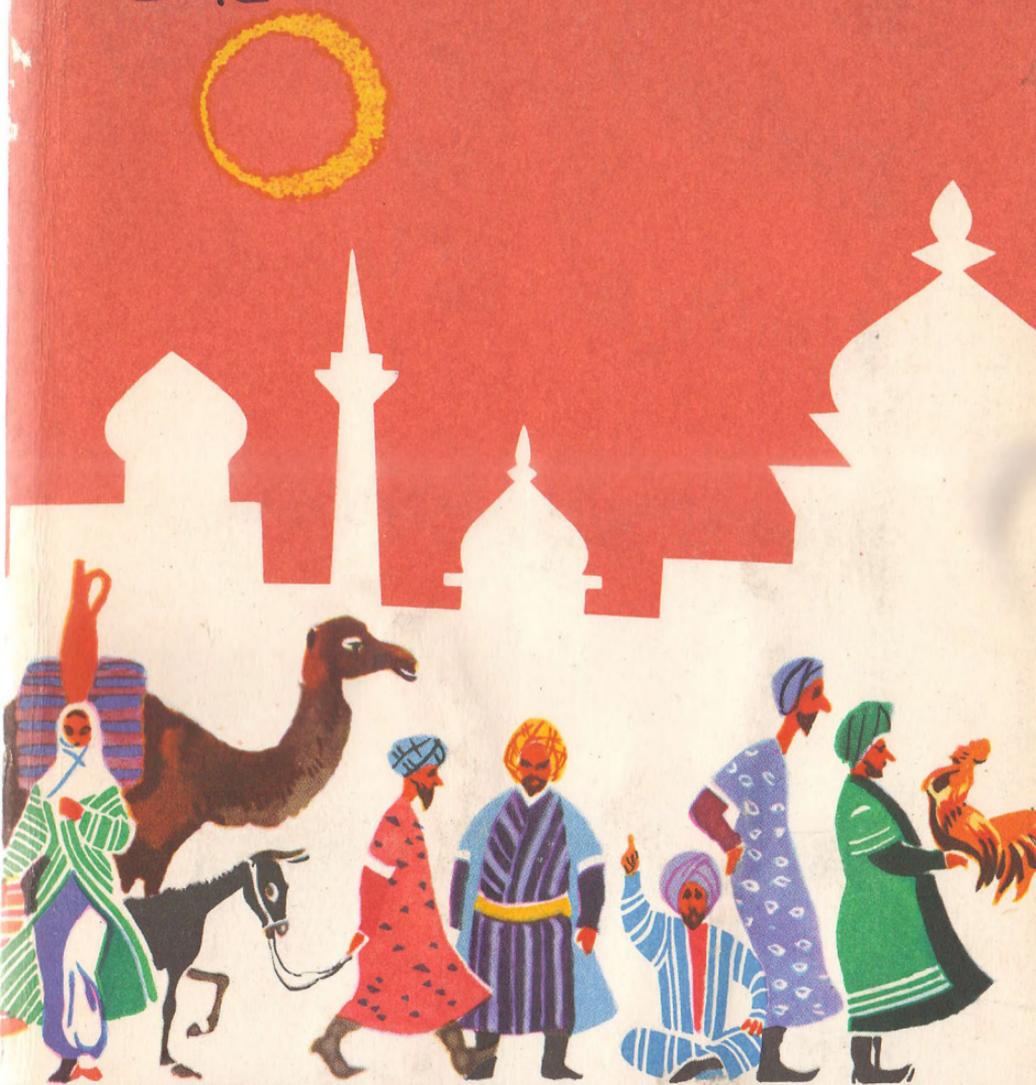
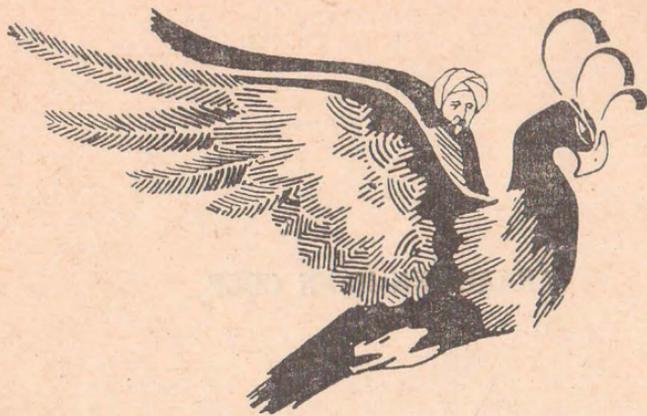

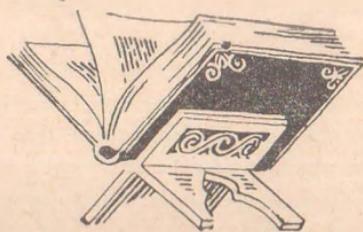
И (Иран)
С 42

Сказки
и фараона

Сказки Шерахана

Перевод с персидского

Э. Джалишвили и Н. Фарас

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1967

Ответственный редактор

Ю. Е. Борщевский

Художник

Г. Суцдарев

Сказки Исфахана. Пер. с перс. Э. Джалишвили
С42 и П. Фарас. Предвсл. Ю. Борщевского. Худож.
Г. Суцдарев, М., Главная редакция восточной
литературы издательства «Наука», 1967.

192 с. с илл. 100 000 экз. 51 коп.

«Сказки Исфахана» собраны в окрестностях одного из старинных иранских городов, древней столицы Ирана г. Исфахана. Как и в других персидских сказках, причудливая фантазия, неистощимая выдумка сочетаются в них с юмором, придавая сказкам неповторимый национальный колорит.

Сказки рассчитаны на взрослого читателя.

7-3-4
168-66

И (Иран)

СКАЗКИ ДРЕВНЕЙ СТОЛИЦЫ

Многовековая история Исфахана овеяна легендами, и город этот играл столь важную роль в жизни Ирана, что старая персидская поговорка «Исфахан несфе джехан» («Исфахан — половина мира») не должна восприниматься как проявление неумеренного местного патриотизма. Неизвестно, когда был основан этот город, расположенный в широкой и плодородной долине реки Зенде-руд — по одним преданиям, его заложил Кей Каус, первый царь мифической иранской династии Кейянидов, по другим — его построил «проклятый Александр, сын Филиппа» — так сказано в одной пехлевийской книге, написанной задолго до того времени, когда завоевавший Иран Александр Македонский был канонизирован и стал героем многочисленных персидских поэм и прозаических романов. Легенды и предания об Исфахане могли бы составить увлекательную книгу, пока, к сожалению, никем еще не созданную, но Исфахан персидских сказок, дошедших до нас в сравнительно поздних редакциях, — это Исфахан шаха Аббаса I Сефевиды, который в 1598 г. учредил здесь столицу Ирана и принялся деятельно застраивать и украшать город.

XVII век был эпохой расцвета Исфахана, который в то время конкурировал с Лондоном, самым населенным городом Европы, по числу жителей и по размерам, и превосходил его по обилию и величелию архитектурных сооружений.

На центральной Шахской площади — Мейдан-е шах, окруженной величественными мечетями, торговыми рядами и дворцовыми постройками, устраивались бои хищных зверей, игры в поло, а в торжественные дни толпы народа заполняли площадь и любовались различными зрелищами при свете десятков тысяч светильников, которые по вечерам зажигались на окружающих площадь зданиях.

В такие дни многочисленные кофейни были переполнены и сказочники улаждали публику преданиями из «Шах-наме», рассказами о бесконечных подвигах и странствиях Амира Хамзы и волшебными сказками, может быть, теми самыми, которые напечатаны в этой книге.

В XVIII в. город пережил катастрофу — был разграблен войсками афганцев — и уже никогда полностью не оправился, по в сказках сохранился цветущий, богатый Исфахан, по улицам которого бродит великий шах Аббас, «сказочный брат» знаменитого халифа Харуна ар-Рашида, до сих пор правящего в Багдаде «Тысячи и одной ночи».

Большинство приведенных здесь сказок собрано и издано в Исфахане, однако ими, конечно, не исчерпывается репертуар распространенных в этом городе сказок. Нельзя сказать также, чтобы эти сказки были известны только в Исфахане, — многие из них скрывались и записывались не только в разных местностях Ирана, но и в Средней Азии, Индии и других странах, где был распространен персидский язык.

Иран — страна, чрезвычайно богатая сказками, которые с древних времен имели хождение не только в самом Иране, но оказали также большое влияние на фольклор и литературу многих стран, в том числе и европейских. Однако персидские сказки гораздо хуже изучены, чем сказки соседних стран, например Турции и Индии, и фольклористы справедливо считают, что подготовка научного справочника по сказкам Ирана является одной из важных задач современного сказковедения — науки, вооруженной солидным арсеналом указателей сказочных сюжетов, мотивов, репертуаров национальных сказок и т. п. Вряд ли можно надеяться на быстрое решение этой задачи — полевыми занятиями сказок в Иране велись эпизодически, в основном европейскими учеными, и лишь в сравнительно недавнее время сами персы начали всерьез заниматься своим фольклором. Большую помощь в этом деле окажет обработка и изучение фольклора других народов, говорящих на иранских языках, и в первую очередь таджикского. В Душанбе сейчас обрабатывается богатейший архив таджикских сказок, собранных учеными Таджикистана, и публикация этих материалов будет важным событием в изучении фольклора иранских народов.

Основная масса персидских сказок имеет устное хождение, их рассказывают в кругу семьи, их исполняют на площадях, базарах и в кофейнях профессиональные сказители и просто сведущие люди, память которых хранит сотни народных сказок

и преданий. Именно эти нигде еще не записанные сказки являются самой заманчивой добычей для сказковеда, потому что они составляют основу сказочного репертуара народа, который еще предстоит собрать.

Однако довольно значительное число сказок и анекдотов было давно записано самими персами и другими народами, входившими в состав средневекового халифата, и эти сказки, тоже далеко не изученные, допели до нас рукописи, сберегаемые в различных хранилищах многих стран.

Интерес к записи и обработке сказок давно пробудился в странах ислама. Мы располагаем сведениями, что уже в конце VIII — начале IX в. в аббасидском халифате (750—1258), в состав которого входил и Иран, огромную популярность приобрели два типа сказок: так называемые «хурафат», или необычайные истории о страшных и волшебных событиях, и «асмар» — «почтвые» повествования, которые сказывались по вечерам для развлечения собравшихся, причем некоторые из них исполнялись несколько вечеров подряд. Известно, что эти сказки записывались, а персидские переводились на арабский язык. В огромной библиотеке халифа ал-Мамуна (813—833), сына Харуна ар-Рашида, был специальный штат ученых хранителей, в обязанности которых входили запись, перевод и обработка арабских и персидских сказок.

Один из таких ученых-литераторов, Сахл ибн Харун, перс по происхождению и, возможно, сын библиотекаря и переводчика Харуна ар-Рашида, не только собирал и переводил сказки, но и сам написал предшествовавшую до нас версию знаменитой «Калилы и Димны», которая весьма способствовала популярности животных сказок.

Таким образом, известный круговорот: фольклор — литературная обработка — фольклор, начался очень давно и сказковеду нередко очень трудно определить происхождение конкретной сказки.

Постепенно выработался определенный, наиболее популярный «набор» сказочных сюжетов, зафиксированных в рукописях и распространенных в обширном районе расселения ираноязычных народов вплоть до XX в. Конечно, границы этого репертуара далеко не четкие, но анализ сохранившихся рукописных сборников сказок, составленных в Средней Азии, Иране, Индии и других странах, показывает, что всем им присуще некое общее «ядро», состоящее примерно из 60—70 различных сказочных сюжетов. В этой книге тоже есть сказки, являющиеся вариантами такого «ядра».

Известно более двадцати арабских и персидских названий различных видов повествовательных фольклорных и полужанровых произведений, причем значение и употребление этих терминов менялось на протяжении истории их существования. Само многообразие обозначений понятия «повествование» показывает, что с давних времен в странах ислама усердно культивировались и точно разграничивались различные виды рассказов. Таким образом, историко-филологическое исследование этой терминологии может осветить историю возникновения и развития ряда литературных и фольклорных жанров.

Большинство представленных здесь переводов относится к числу так называемых бытовых сказок. В Иране такие сказки обычно называются арабским по происхождению словом «хикайат», самое распространенное позднее значение которого — «рассказ», повествование вообще.

Однако исследование истории этого термина показывает, что им не зря обозначают именно бытовые сказки. Дело в том, что основное и первоначальное значение слова «хикайат» было «подражание», «имитация», «передразнивание для развлечения», и «хикайаты» противопоставлялись другим видам повествований, ибо в них передавались не волшебные происшествия или события прошлого, а будничные картины настоящего, в которых реалистически отображались поступки, нравы и речи героев.

С точки зрения средневековых профессиональных литераторов бытовая рассказ, бытовая сказка были жанром презренным, предоставленным профессиональным сказочникам, шутам и вообще людям вульгарным. В «высокую» литературу допускались лишь рассказы и сказки, имевшие дополнительное назначение: это были либо аналогии, как в «Калиле и Димне», либо собрания поучительных исторических анекдотов, либо повествования этического или мистического характера. Однако популярность бытовой сказки была столь велика, что многие почтенные литераторы составляли своды таких сказок, не раскрывая, правда, своего имени.

К числу таких сказок относятся многие реалистические повеллы «Тысячи и одной ночи», представлены они и в этом сборнике.

Для бытовых сказок характерна обыденная, «низкая» обстановка, грубоватый юмор и подчас сатирическое отношение к действительности. В них может быть и фантастический элемент, однако, как правило, он играет подчиненную роль. Конечно, и среди бытовых сказок имеется много разновидностей, но указанные особенности присущи большинству из них.

На средневековом Востоке, как, впрочем, и на Западе, большой популярностью пользовались книги и рассказы о хитрости и коварстве женщин и об их же глупости. Сказки о хитрой жене, коварной женщине, глупой жене Резы и некоторые другие, опубликованные в этой книге, относятся именно к этой категории. Следует, правда, отметить, что в большинстве этих сказок симпатии читателя вызывают именно хитроумные героини, а не представители сильного пола, обладающие «страшной привычкой» отрезать новобрачным посы или попадать в запертые сундуки по велению похоти.

Представлены в сборнике и плутовские сказки, вроде сказки о «сокрушителе львов» или «хамаданском нищем». Надо сказать, что рассказы о жуликоватых нищих, ворах и разбойниках находили благодарных слушателей и читателей задолго до расцвета увлекательного жанра детективно-шпионских повествований.

Сказка о мулле Бахлуле и после царя Ференгистана относится к числу многочисленных рассказов о «мудрых простаках», наиболее известным представителем которых является Ходжа Насреддин, проникший не только в современную литературу, но даже и в кино. По преданию, Бахлул (или Бухлул) — юродивый, живший во времена халифа Харуна ар-Рашида в арабском городе Куфе. Бахлул стал арабским прототипом «мудрых дураков», стал героем различных анекдотов, эротических рассказов и даже дидактических стихов. Переселение его в Исфахан времен шаха Аббаса — прием, никогда не вызывавший затруднений у сказителей, а мотив состязания в вопросах и ответах фигурирует во многих сказках: этим занимались еще Александр Македонский и некий легендарный индийский царь.

Есть в сборнике сказки, в которых герой вяжет бесконечную цепь небывид, и сказки, представляющие версию знаменитого Шемякина суда, и просто веселые рассказы, вроде похождения «трупа» шахского шута или сказки о трех горбунах — юмор сказок подчас довольно жесток, и смерть не всегда воспринимается в них трагически.

Не будем разбирать сказочные мотивы, представленные в опубликованных переводах и кочующие по сказкам разных народов, — это дело сказковедов. Достаточно сказать, что таких мотивов много и некоторые из них широко известны: спор о том, кто оживил деревянную куклу, подбрасывание трупа невинному соседу, жестокая принцесса, рубящая головы незадачливым претендентам и приобретающая всемирную славу под именем Турандот (жаль, правда, что здесь не представлен ори-

гинальный вариант, в котором победивший в словесном состязании герой отрубает голову принцессе в отместку за погубленных ею мужчин), и многие другие. Вероятно, все эти истории о хитроумных женщинах, алчных и глухих судьях-кадиях, мудрых простаках, жестоких надзирателях и одолевающих всё и вся простых людях доставят удовольствие читателю.

Нужно сказать несколько слов и о волшебных сказках, также вошедших в этот сборник. Для многих персидских волшебных сказок характерна довольно постоянная схема: у бедного падишаха чудесным образом рождается сын, жизнь которого полна приключений и странствий в поисках возлюбленной. В конце концов царевич счастливо утверждается на отцовском троне. Это более или менее стандартная схема может заменяться самыми разнообразными событиями, и сказка такого типа часто разрастается до размеров романа. Главным героем, как правило, выступает младший брат, а состав действующих лиц почти неизменен и характерен для большинства волшебных сказок¹. Это бродячие деревни, обладающие чудодейственной силой и спасающие героя из самых безнадежных ситуаций; вулкан, ведущие караванную и морскую торговлю с дальними странами и джотическими островами; злые старухи колдуньи, творящие разные безобразия, но в конце концов побеждаемые; прекрасные царевны, иногда мудрые и многоопытные, несмотря на невинность, иногда совершенно нейтральные и не играющие активной роли в повествовании; добрые или злые везиры и т. п.

Сверхъестественные силы принимают самое деятельное участие в развитии фабулы, и ни одна волшебная сказка не обходится без внушительного набора джиннов, дивов, пери, гудей и других представителей арабско-иранского «пантеоннума», который был унаследован исламом из древних народных верований. Не забыты в сказках и говорящие птицы и животные, которые сообщают героям различные тайны, способствующие успеху.

Действие, как правило, происходит в фантастических странах. Часто это Китай (Чин и Мачин), но Китай очень своеобразный и, помимо фантастического элемента, ничем не отличающийся от Ирана; в такой же роли выступает и Каир (Миср). Дворцы, возникающие и исчезающие в мгновение ока, райские сады в пустынях, чудесные и таинственные острова, зловещие руины, заколдованные колодцы и пещеры — таковы обычные места хождений героев волшебных сказок.

¹ См. об этом книгу: Е. М. Мелетинский, *Герой волшебной сказки. Происхождение образа*. М., ИВЛ, 1958.

Встречаемся мы в них и со знакомыми мотивами — та же принцесса Турандот, превращения людей в животных, чудесные оживления, волшебные дубинки, отгадывание загадок, завистливые братья и т. п.

Все эти составные элементы волшебных сказок, как уже говорилось, довольно постоянны и стандартны, но тем удивительнее бесконечное разнообразие и богатейшая фантазия, свойственные персидским волшебным сказкам, которым, как и бытовым сказкам, присущ также юмор и лукавое отношение к реальной действительности.

На русский язык персидские сказки стали переводить давно, но лучшие переводы были опубликованы в советское время. В первую очередь следует отметить сборник сказок, собранных и переведенных известным иранистом А. А. Ромаскевичем, который снабдил это издание очень интересной статьей о персидских сказках².

В 1956 г. А. З. Розенфельд опубликовала переводы персидских сказок, записанных и изданных иранским собирателем Фазлоллахом Мохтади Собхи³. В предисловии к этому сборнику дана краткая характеристика иранских изданий сказок, выпущенных в свет с 1930 по 1946 г. В 1958 г. А. З. Розенфельд издала еще одну книгу переводов персидских сказок, в основу которой лег третий сборник, выпущенный в Иране тем же Ф. М. Собхи в 1949 г.⁴ В этом же году вышли персидские сказки, переведенные из разных источников Р. Алиевым, А. Бертельсом и Н. Османовым⁵. В 1963 г. вышел сборник переводов персидских сказок, сделанный по рукописям из собрания Института народов Азии АН СССР⁶. Отдельные сказки публиковались в различных сборниках⁷ и периодических изданиях, и, та-

² *Персидские народные сказки*. Подбор, перевод, примечания и вступительная статья А. А. Ромаскевича, М.—Л., Academia, 1934. См. также его статью «Сказочники в Персии».

³ *Персидские сказки*. Предисловие и перевод с персидского А. З. Розенфельд, М., ГИХЛ, 1956.

⁴ *Персидские народные сказки*. Перевод с персидского и предисловие А. З. Розенфельд, Ташкент, ГИХЛ УзССР, 1958.

⁵ *Персидские сказки*. Перевод Р. Алиева, А. Бертельса и Н. Османова, М., ИВЛ, 1958.

⁶ *Плутовка из Багдада*. Перевод Ю. Борщевского, Н. Османова, Н. Туманович, М., ИВЛ, 1963.

⁷ Переводы персидских анекдотов и некоторых бытовых сказок см. в сб. «Персидские анекдоты», М., ИВЛ, 1963.

ким образом, советские читатели могут составить себе довольно ясное представление о персидском сказочном фольклоре.

Источниками для переводов, помещенных в настоящем издании, послужили сборник «Исфаханские сказки» и сказки, опубликованные в сборниках «Фолклур», «Афсанеха-йе Ирани», «Остров Харг», «Бамазегиха, шамеле дастанха ва хекайат» и в журнале «Пейам-е навин»⁸.

Ю. Борщевский

---

⁸ Неййери, *Фолклур*, Тегеран, 1959; Элвелл-Саттон, *Афсанеха-йе Ирани*, Тегеран, 1962; *Остров Харг*, Тегеран, 1964; *Бамазегиха, шамеле дастанха ва хекайат*, Тегеран, 1963.

СОЛНЫШКО-ХАНУМ

Было так, а может, не было. Однажды взошло из-за горы солнышко, и захотелось ему вместо прогулки по семи небесам¹ спуститься вниз, взглянуть на земные дела, осмотреть все вблизи. Соскользнуло оно с верхушки синей горы и оказалось внизу.

Идет Солнышко по земле, разглядывает камни, траву, деревья и водопады, пестрокрылых птиц на ветках, оленей среди скал. С деревьев на Солнышко белки ласковыми глазами поглядывают — и любопытно им, и страшно. Солнышко катится веселое, радуется, всему вокруг улыбается. Споткнется, упадет — поднимется, дальше пойдет. Миновало ущелье, выкатилось в степь, а там скотина пасется, виднеются посевы, сады, мельницы, дома крестьянские.

Люди своими делами занимаются, коровы, овцы, козы траву щиплют, в землю уткнулись, лошади и ослы груз таскают, а у глинобитных стен куры и петухи в навозе копошатся. Проходило Солнышко через чей-то сад на окраине деревни, загляделось на что-то, зазевалось — и свалилось в колодезь.

В стороне от колодца на айване* сидела старуха и читала Коран. Ни с того ни с сего стало очень темно. Подняла голову, видит: на небе звезды мерцают, а Солнышка нет как нет! И это в середине дня! На виду у всего света! Старуха чуть ума не лишилась. Растерялась, выбежала во

---

¹ По средневековым мусульманским представлениям, землю окружали семь твердых и прозрачных подвижных небесных сфер, на каждой из которых была укреплена одна из планет; по утверждению астрологов, судьбой человека управляли различные небесные тела и звезды.

двор, забегала по саду, всюду заглядывает — а Солнышка не видно.

Вдруг заметила яркий свет над колодцем — он-то и освещал немного сад, а весь остальной мир был погружен во мрак.

Старуха склонилась над колодцем, а оттуда — яркие лучи. Солнышко опалило дно колодца и морщило свой круглый лик. Может, и слезы были на глазах у Солнышка — кто знает! — разве может человек заметить это?

У старухи сердце задрожало от жалости.

— Горе тебе, Солнышко-ханум*! Кто посмел так обойтись с тобой, как ты угодило в колодец? Бедняжка! Скажу-ка я сыну, он богатырь, первый силач в деревне, мигом вытащит тебя из колодца и забросит на небо, — будешь опять светить всему миру!

Солнышко внизу улыбнулось сквозь слезы, лучи его, словно стайка белых голубей, вырвались из колодца и заплясали.

Пошла старуха в поле за сыном. Дорогой и думает — даже глаза старые засверкали, руки от радости потирает: «Ах, как мне повезло! Велю-ка своему сыну достать Солнышко из колодца и подвесить его под потолком в нашей лачуге — тогда у нас всегда будет светлый день и мне не придется читать Коран на айване и зябнуть на ветру. А люди, как увидят, что весь свет на земле идет из нашего дома, станут почитать нас. Меня назовут «Солнцесветной госпожой» и будут подносить мне все, что ни потребую, да еще считать себя в долгу передо мной!»

Пока старуха одной тропкой выбиралась из сада, дочка ее другой дорожкой шла к колодцу, и они не заметили друг друга. Девушка за домом провеивала пшеницу, вдруг кругом потемнело. Испугалась она, стала оглядываться и тоже заметила светлое пятно над колодцем. Наклонилась над ним и увидела на дне Солнышко — оно опалило стены и морщило свой круглый лик.

У девушки сердце сжалось.

— Солнышко-ханум, зачем ты с твоей светозарной красой в колодце? Что ты делаешь в темном чреве земли? Пойду-ка принесу бадью, вытащу тебя из колодца, и будешь опять светить всему миру!

Солнышко внизу улыбнулось сквозь слезы, и лучи его, словно стайка белых голубей, вырвались и заплясали над колодцем.

Отправилась девушка за бадьей. По дороге она вдруг подумала: «А ведь мне повезло! Возьму Солнышко-ханум, отдам его оправить в серебро и поставлю вместо зеркала на полку, буду любоваться в нем своими локнами, лицом, и стану я „Солнцеликой девушкой“! Все царевичи съедутся сватать меня!»

Тем временем с поля вернулась старуха с сыном. Сын и говорит матери, в густые усы посмеивается:

— Ладно, я достану Солнышко-ханум и подвешу его к потолку вместо лампы — все равно оно и на небе другим делом не занималось! Ничего от этого не случится, небо на землю не свалится!

А старуха ковыляет за сыном, отдувается и думает: «Слава Аллаху, да пошлет он тебе счастья, да поможет достичь своих желаний! Одно мне осталось в жизни — читать Коран. Посмотрим, какой у меня сын, на что он способен...» Но все-таки ей было боязно: а вдруг люди проведуют, тогда что делать? Сын ее успокаивал, силой похвалялся:

— Не беда! Пусть хоть все вместе налетят на меня, я всех одним ударом кулака расшвыряю, а уж если меч возьму в руки — и подавно никому меня не одолеть!

Подошли они к колодезю. Парень чуть нагнулся — и в самом деле увидел внизу Солнышко: дрожит на дне, как в лихорадке, опалает стены и морщит свой круглый лик.

— Ха-ха-ха, Солнышко-ханум! — загоготал парень. — Да хранит тебя бог, как ты оказалось в наших краях, как это тебя угораздило свалиться в колодезь? Верно, прогуливалось... Ладно, ладно, не печалься. Я вытащу тебя, — будешь снова светить всему миру!

Солнышко кинуло светлый взгляд на могучую грудь и здоровенные руки парня и улыбнулось так, что лучи его, словно стайка белых голубей, вылетели и заплясали над колодезем.

Но тут парню пришло в голову, что ему повезло и надо по-другому поступить с Солнышком. «Какая мне польза вешать его в комнату, чтобы старуха все время читала свой Коран? Да пусть она его хоть сто лет не читает! Сделаю-ка я лучше из солнца знамя и прослышу «Солнцезнаменным витязем», посмотрим, кто тогда меня одолеет в бою!»

Размечтался парень, ему уж мерещится, как он сразит всех богатырей, перебьет их, захватит в плен и от-

правится пировать к царям, а потом станет зятем правителя Чина *, сбросит с престола царя франков *...

Но тут к колодцу подошла сестра с бадьей и веревкой. Увидела она мать, брата и приуныла, но потом стала просить брата:

— Да буду я жертвой за тебя, ты ведь сильнее меня, достань мне Солнышко-ханум, я вставлю его в серебряную раму и поставлю на полочку вместо зеркала.

Видит парень: еще одна хочет заполучить Солнышко, засмеялся про себя, но ничего не сказал, только на мать кивнул. Взял он бадью, привязал к ней веревку и спустил в колодец.

— Эгей, Солнышко-ханум! — крикнул он вниз. — На тебе трон, сядь, я подниму тебя! Пожалуй-ка наверх!

Веревка натянулась, бадья отяжелела. Парень натужился и подтянул ее вверх на два-три гяза *, да веревка не выдержала, оборвалась, полетела бадья вниз.

— Ой, Солнышко-ханум, ты не ушиблось, не испугалось? — закричали все втроем. Из колодца вырвался алый свет, словно букет роз, и затрепетал в воздухе — это солнце оцарапало себе щеку. Люди растерялись. Что теперь делать, как быть? Снова спускать веревку — опять порвется. Наконец мать повернулась к дочери:

— Беги, родная, к соседям, одолжи у них крюк с железной цепью, у них на дверях висит. Скажи, наше Солнышко в колодец свалилось, хотим достать его.

— Хорошо, матушка, только вдруг крючок зацепит Солнышко-ханум за волосы и повредит?

— Не беда! Останется на том месте плешинка, и все. У Солнышка-ханум волосы густые, прикроют плешинку. Девушка побежала было, но брат остановил ее:

— Пстой, не дело бежать к соседям, не нужно крика. Пронохают о нашем деле да еще чего доброго помогут придут! Принеси-ка мне лучше мое копые в десять гязов.

Девушка испугалась за Солнышко-ханум, чуть не плачет.

— Зачем ты хочешь проткнуть Солнышко-ханум копьем! Не губи Солнышко-ханум! — взмолилась она.

Брат рассмеялся.

— Вот дурочка! Я просто скажу, чтобы Солнышко уцепилось зубами за один конец копья, и вытащу его! Ничего страшного, разве что рот Солнышку продырявлю непароком — и то ради тебя.

Пока они препирались, с дальнего края поля донеслись крики. Они оглянулись на шум и увидели в полутьме несколько факелов и толпу людей: наверное, Солнышко ищут.

— По-моему, это люди из соседней деревни, — сказала девушка. — Как бы они не пришли сюда, не проведали о Солнышке!

Парень нахмурился и с угрозой сказал:

— Пусть узнают! Сад наш и колодец наш.

Мать тоже насупилась и стала торопить дочь:

— Чего мешкаешь, беги неси копье, не слыхала, что брат велел!

Пошла девушка, только ноги не идут. На каждом шагу оглядывается. Видит: факелы то туда повернут, то сюда, голоса все громче доносятся, топот ног все вокруг сотрясает.

У парня от нетерпения все внутри кипит: никак сестра не возвращается! Старуха тоже места себе не находит, боится упустить Солнышко.

— Не успеем, сынок! Иди-ка лучше, принеси большой камень, прикроем колодец, подождем, пока уляжется шум.

Ничего лучше не придумали. Парень ушел за камнем, а старуха осталась одна. Устала наша «Солнцесветная госпожа», сердце у нее стучит. При села она у колодца, четки перебирает, а сама все думает, как удивит соседей!

Скоро вернулась «Солнцеликая девушка», принесла копье в десять гязов. Стыдно ей было перед Солнышком, стоит, слезы льет и горько всхлипывает. Тут появился «Солнцезнаменный витязь».

На плечах огромный жернов, к колодцу его тащит. Сбросил камень на землю, отер рукой пот со лба — спешить надо.

Все трое окружили колодец, наклонились над ним — в глубине темно! Исчезло Солнышко!

Они так и разинули рты! Глазам не поверили, швырнули в колодец камень. Слышат: плеснул камень, и опять тихо стало. Темно в колодеце. И мать, и сын, и дочь целый час сокрушались, били себя по голове, бранились.

— Это все ты, бессовестная, не могла быстрее копые принести!

— Причем тут я, вы испугали Солнышко: подумаешь, говорит, плешинка будет!

— Ха-ха-ха! Захотелось негоднице зеркала в серебряной оправе!

— А тебе лампы мало было — Солнышком решила завладеть! И рот готовы были продырявить — вот и напугали!

— Подумаешь, беда какая! Что я темноты боюсь? Обойдусь без Солнышка!

— Ничего, волки и в темноте и при свете друг друга рвут...

И вдруг все вокруг осветилось!

— Аллах! — закричали все трое.

В степи на два-три фарсанга* за колодцем разлился яркий свет. А там был выход из кяриза*. Люди увидели, как из-под земли вырвались пылающие языки и Солнышко, как огненный цветок, выкатилось из кяриза и устремилось на небо.

С тех пор день снова был днем, а ночь — ночью. Каждое утро Солнышко-ханум появлялось из-за горизонта осмотреть, озарить землю. Улыбается Солнышко все так же тепло и светло, только на лице еще видны царапины от камней и пятна от комьев земли, прилипших к нему в кяризе.

ЛЖЕЦ

Жил на свете человек. Бывало, идет он по дороге и рассказывает небылицы. А приятель следом шагает и поддакивает. Однажды вошли они в кофейню, и лжец давай нанизывать выдумки. А приятель ему и говорит:

— Перестань сочинять нелепицы. Расскажи-ка лучше земную небылицу, поддакивать легче будет.

— Ладно,—отвечает лжец и начал:

— Отправились мы как-то в путь. Ехали мы, ехали — и вдруг видим: посреди степи стоит большое блюдо с пловом, а сверху — жирная жареная курица.

Тут все, кто был в кофейне, закричали:

— Что за чушь! Да кто поверит этому?

А приятель тут как тут:

— Да какая же это чушь? Пораскиньте-ка умом: веселая компания отправилась в степь погулять. Прибыли они туда, разостлали скатерть, поставили плов и жареную курицу и собрались было приступить к еде, да нагрянули разбойники, и компания разбежалась. Разбойники бросились вдогонку. Так никто и не вернулся к плову, а тут мой друг вместе со своими спутниками подоспел. И, не мешкая, они приступили к еде.

— Ей-богу, ты чистую правду говоришь,—согласились все посетители кофейни.— Конечно, могло так случиться.

Прослышала о лжеце дочь падишаха и велела глашатаям кричать, чтобы лгуна привели во дворец, так как, мол, у падишахской дочери есть к нему дело. Лжец сначала испугался, а потом сообразил, что, наверное, дочь падишаха прослышала о его небылицах и хочет послушать его. Пришел он ко дворцу, остановился у ворот, попросил доложить о себе и спросить дочь падишаха, зачем она его вызвала?

Дочери падишаха доложили о лжеце, она велела вести его и, как только он вошел, предложила:

— Если ты расскажешь небылицу, которая не пролезет в дворцовые ворота, я за тебя замуж выйду.

Лжец попросил четыре дня сроку, пошел на базар и заказал сделать очень высокую башню. На четвертый день он нанял много людей, и они приволокли башню к дворцовым воротам. А лжец попросил доложить дочери падишаха, что он прибыл со своей небылицей. Когда дочери падишаха сказали, она вышла к воротам и говорит лжецу:

— Эй, человек! Я ведь не приказывала тебе приволочь махину, которая в ворота не влезет. Я велела небылицу рассказать, которая не пролезет в ворота. А ты приволок какую-то башню.

— Ошибиться изволите, — возразил лжец. — Как раз это вы и приказывали. Вот послушай только. Был у меня отец. Несколько лет назад приказал он долго жить, а когда умирал, наказывал мне: «Сынок, дочь падишаха взяла у меня в долг денег ровно столько, сколько весит эта башня. Как придется тебе туго, пойдти к дочери падишаха и получи с нее золотых монет весом с эту башню». Ну вот, время пришло, и я хочу получить деньги, отданные тебе в долг моим отцом, — закончил лжец.

Дочь падишаха растерялась, не знала, как поступить. Если сказать, что лжец говорит неправду, — заклад проигрывает. Если сказать, что его слова правда, — придется всю отцовскую казну отдать. Стоит она, слова не может вымолвить. А лжец говорит:

— Ну, красавица, или золото весом с башню, или выходи за меня замуж!

Видит дочь падишаха, что от слова не отступиться, а лжец был юноша пригожий, волей-неволей согласилась она выйти за него замуж. Лжеца взяли во дворец, отправили в баню¹, потом привели муллу и составили брачный договор*. В ту же ночь и свадьбу сыграли.

А у падишаха была еще одна дочь. Он так любил своих дочерей, что не стал перечить, когда первая дочь вышла замуж за лжеца. А вторая дочь поклялась выйти замуж только за того, кто заставит ее заговорить. Много юношей приходили, свои стрелы пускали — ни одна не попала в цель. Неудачникам же по приказу дочери падишаха рубили головы. И вот однажды брат одного из казенных поклялся: «Во что бы то ни стало я отомщу за своего брата и женюсь на ней!»

В один прекрасный день брат казенного приходит к воротам дворца и говорит:

— Я заставлю заговорить дочь падишаха!

— Ступай-ка, дружище, отсюда добром, — говорят ему люди. — Кто ни придет сюда за этим — лишится головы.

— Будь что будет, — уперся парень. — Или я заставлю ее заговорить, или сложу голову, как другие.

Дочери падишаха доложили о смельчаке, она велела позвать его и сказала:

¹ В Иране в старину существовал обычай отправляться перед свадьбой в баню; жениха и невесту провожали туда с музыкой, пением и плясками.

— Хорошо, я готова биться с тобой об заклад. Но помни, если ты не справишься, то я велю отрубить тебе голову!

— Ладно, я готов. Пошли за городским кадием, пусть он будет свидетелем в нашем споре.

Сказали кадию, тот пришел. Дочь падишаха с мамкой сели в одной комнате, а юноша, кадий и везир — в комнате рядом. Юноша начал рассказ.

— О кадий,— сказал он,— однажды столяр, портной и отшельник отправились вместе в путь. Настала ночь, и они условились караулить по очереди, чтобы воры не утащили чего-нибудь. Они бросили жребий, и первым досталось сторожить столяру, вторым — портному, третьим — отшельнику. Портной и отшельник улеглись спать, а столяр остался караулить, чтобы через два часа разбудить портного. Одолела столяра скука, терпение его иссякло, он встал, взял топор и пилу, спилил дерево, притащил ствол и вытесал из него фигурку прекрасной девушки. Когда он кончил, кончился и его срок караулить. Он отложил в сторону фигурку, разбудил портного, а сам лег спать. Портной увидел, какую искусную фигурку вытесал столяр, тут же взял кусок материи, скроил женское платье, сшил и надел на деревянную девушку. Пока он шил, прошел его срок караулить. Портной пошел и разбудил отшельника, а сам лег спать. Отшельник увидел дело рук столяра и портного и обратился к Аллаху: «О боже! Каждый из моих приятелей показал свое искусство. Так помоги же и мне проявить искусство». Затем отшельник отошел в сторону, совершил омовение, вернулся на свое место, совершил намаз* двух коленопреклонений, воздел руки к небу и вознес молитву. «О боже,— говорил отшельник,— во имя твоего совершенства, вдохни жизнь в эту деревянную фигурку, чтобы она, как и мы, люди, ходила и двигалась, видела и понимала». Не успел отшельник кончить молитву, как в деревяшку вселилась душа, она превратилась в прекрасную, стройную девушку и сказала отшельнику: «Салам алейкум, божий человек!»

Когда юноша довел рассказ до этого места, дочь падишаха перестала владеть собой и от удивления воскликнула: «Ах!».

Юноша повернулся к кадию и говорит:

— Почтенный кадий, засчитай в мою пользу один возглас.

А потом стал рассказывать дальше:

— Утром все проснулись, увидели девушку и затеяли спор о том, кому должна принадлежать девушка. «Это я вытесал ее», — кричал столяр. «Зато я сшил ей одежды, и только тогда она стала походить на человека», — уверял портной.

Но тут дочь падишаха не удержалась и воскликнула:

— А ведь столяр прав, это он вытесал ее!

— Почтенный кадий, — сказал юноша, — запиши мне второе очко.

А затем продолжил свой рассказ:

— А отшельник говорил: «Дружище, твоя правда, ты вытесал ее. И ты, портной, прав, это ты сшил ей одежды. Но ведь если вытесать из дерева статую и одеть ее в платье, она еще не станет живым человеком! Ведь это я вдохнул в нее жизнь. Если бы я не оживил ее, и спора бы не было».

Тут дочь падишаха против воли воскликнула:

— Прав отшельник!

А юноша обратился к кадию:

— О кадий! Она заговорила трижды. Сочетай же нас браком.

Видит дочь падишаха, что она попала впросак, проиграла заклад, и не знает, что ей делать, как поступить. А когда весть об этом дошла до падишаха, он сказал:

— Ну и затейницы мои дочки! Хороших зятьев мне сыскали... Да уж ладно, так и быть, выдам ее за смельчака. Видно, такую долю ей бог послал.

Да воздаст всем нам бог добром так же, как им.

СКАЗКА ПРО ГЛУПУЮ ЖЕНУ РЕЗЫ

Неужто вы еще не слыхали сказку про Эмет, про жену Резы?

Жила была молодая женщина, прекрасная, как луна, да вот беда — была она при этом ленивой и глупой. Реза души в ней не чаял, только одно его очень огорчало и печалило: всякий раз, когда он вечером возвращался до-

мой, заставлял Эсмет недовольной — сидит в углу хмурая да насупленная.

Реза спрашивает: «Ну, что еще случилось, Эсмет, что с тобой?», а Эсмет, обливаясь слезами, отвечает: «Несчастливая я, горемычная...»

Реза спрашивает: «Почему же ты несчастная? Что ты без куска хлеба сидишь или без глотка воды? Может, очаг нечем растопить, чтобы погреться? Чего тебе наконец не хватает? Почему считаешь себя несчастной?» А Эсмет отвечает: «Как же не жалеть мне себя, не горевать, — пошла сегодня в баню и увидела там соседку в красивом длинном платье... Почему у меня нет такого, почему у меня нет?!»

Давай Реза жену успокаивать: «Не горюй, Эсмет-джан, куплю тебе новое длинное платье»...

На другой день Реза отправлялся в город, покупал красивое платье и дарил его жене. В этот вечер Эсмет бывала довольной, а на следующий день, вернется Реза домой — она снова сидит в углу насупившись, губы поджала.

Реза опять спрашивает: «Что еще стряслось с тобой, Эсмет?», а Эсмет в слезы: «Новая печаль у меня пынче! Жена Мухаммеда купила себе новые красивые чувяки, как же мне не горевать в моих истоптанных...»

Одним словом, каждый вечер, когда Реза приходил домой, у Эсмет находилась причина ныть и плакать, ей все время хотелось завести что-нибудь новое. Однажды вечером она потребовала от Реза алмазные сережки. Бедняга Реза из кожи вылез, но все-таки купил их. Но в конце концов Резе надоело видеть жену плачущей, и он сказал себе: «С этим надо покончить, надо мне строго поговорить с Эсмет».

Решил он так, и наутро, перед тем, как отправиться по делам, позвал жену и сурово сказал ей:

— Слушай, Эсмет, что я тебе скажу. Не по нраву мне хмурая жена! Что ты ни просила, я все покупал. А теперь хочу видеть тебя веселой. Смотри, не вздумай встречать меня вечером со слезами, ты должна улыбаться, смеяться. Поняла, что я сказал? Не дай бог тебе ныть, охать да плакать!

Да что толку от его слов! Вернулся он вечером домой, а Эсмет хнычет и причитает, как обычно. Реза вышел из себя, раскричался:

— Чего ты опять реवेशь?! Почему не дашь мне покоя?

— Не кричи на меня, ты ведь не знаешь, какое у меня горе, ты ведь не знаешь, что случилось.

— Ладно, говори, что еще за беда на твою голову. Выкладывай поскорее,— сказал Реза, немного успокоившись.

— Знаешь, какое у меня горе, Реза! У нашего соседа Али есть ослица, так вот она вчера родила осленка, а он, беденький, без хвоста! Мне так его жалко! Я прямо заболела от горя. Понял, какая у меня беда, почему я плачу, почему я в слезах?

Это уж было слишком. Реза не выдержал и взял палку.

— Ага, теперь ты льешь слезы из-за соседского осленка. Хорошо, очень хорошо, только знай, если не бросишь привычку реветь по пустыкам, убью тебя! Нет больше мочи терпеть, доконала ты меня! Вот уж год мы женаты, а ты каждый вечер ноешь и плачешь, каждый вечер заводишь одну и ту же песню! Чего я только ни покупал тебе, за одни сережки шестьсот туманов * отдал. Если завтра вечером не встретишь меня веселой, я тебя поколочу, да так, что душа вон! Не смей плакать, даже если мать у тебя помрет! Поняла, что я сказал!

Эсмет, увидев, что Реза рассердился не на шутку, стала просить и молить его не бить ее и обещала всегда встречать его весело и радостно.

Как мы уже говорили, Эсмет была глупой и ленивой, но что еще хуже — была она болтливой. Чуть свет отправлялась по соседям, чай распивала да языком молола, а о доме и думать забудет. В конце концов надоела она соседкам, начали они корить ее за безделье.

— Не стыдно тебе, Эсмет, смотри, мы всегда встаем чуть свет, убираем дом, хлопочем по хозяйству, стряпаем, придем, ткем — одним словом, делаем полезное дело, а ты с утра до вечера шатаешься по соседям, ходишь из дома в дом — только и слышно твое «доброе утро», «добрый день», «добрый вечер». Сидела бы лучше дома да занималась своими делами.

Укоры соседок подействовали на Эсмет, и однажды после таких слов она, пристыженная, пошла домой, стала прибираться. Вечером вернулся Реза и удивился: дома порядок и чистота. «Слава богу, и моя Эсмет, как все дру-

гие женщины, стала хозяйкой», — сказал он себе, обрадовался и похвалил ее.

— Молодчина, Эсмет. Хвала богу, взялась за ум, хорошо себя вела сегодня. Скажи, кто тебя надоумил так чисто дом прибрать?

— Я утром ходила к нашему соседу Мешеди, и он дал мне немножко своего ума. Вот я и поумнела малость! Завтра купи мне немного шерсти и веретено, буду прясть — хочу заняться полезным делом.

Удивился Реза словам жены.

— Послушай, Эсмет, я знаю, что ты очень ленива и не можешь, как другие женщины, работать целый день да еще прясть, — сказал он со смехом.

— А ты принеси веретено, купи шерсти и увидишь, какая я умелая да проворная, — возразила обиженно Эсмет.

— Да у меня и денег нет на покупку шерсти и веретена.

— Послушай, дорогой, что я тебе скажу. Иди купи веретено и шерсть в долг, а я быстро напряду шерсть, ты продашь пряжу и тут же расплатишься с долгом, — это ведь не трудно.

Реза пошел на базар, купил большое веретено, десять пучков шерсти и принес их Эсмет.

— Эсмет, — сказал он при этом, — я купил шерсть и веретено в долг и дал слово через три дня расплатиться с хозяином лавки. Успеешь ты за три дня спрясть эту шерсть, чтобы я ее продал?

— Конечно, конечно, будь спокоен, успею, — заверила его жена.

На другое утро, когда Реза ушел, Эсмет уселась за веретено и начала прясть. Напряла она два клубка и устала. Она отложила веретено и отправилась, как обычно, по соседям, языком чесать.

Вернулся вечером Реза домой, спрашивает Эсмет, сколько она напряла. Она не решилась признаться, что всего два, говорит, три клубка.

— Вай, вай, горе мне! Коли ты в день только по три клубка будешь прясть, то и за год не кончишь! Когда же я расплачусь за веретено и шерсть? С меня ведь шкуру сдерут!

— Не горюй, Реза-джан, не сердись попусту, завтра с утра подмету в доме, уберусь быстренько и усядусь за

веретено — до вечера буду прясть, никуда не пойду, пока всю шерсть не спряду.

Вернулся Реза на другой вечер и видит, что Эсмет напрядла всего пять клубков. Расстроился он, раскричался и пригрозил выгнать Эсмет из дому, если она завтра не кончит прясть.

Наутро Эсмет уселась за веретено, напрядла два-три клубка и уже устала. «Зачем мне мучиться, — сказала она себе. — Возьму-ка я шерсть и веретено, пойду к тетушке-лягушке, попрошу ее спрясть для меня эту шерсть».

Так она и сделала, забрала с собой шерсть, веретено, пошла к речке и зовет:

— Эй, тетушка-лягушка, эй, тетушка!

А лягушка из речки: «Ква-ква!»

— Тетушка-джан*, нечего тебе сидеть на дне без дела да квакать, возьми-ка вот эту шерсть и спряди ее для меня. Ты мне все-таки тети, вот и должна мне помогать! Знай, не выполнишь до вечера этой работы, Реза меня из дому выгонит. Поняла? Вечером приду сюда на берег и заберу у тебя веретено и шерсть.

Лягушка из речки опять: «Ква-ква».

Эсмет бросила в речку веретено и шерсть и, довольная, вернулась домой. К вечеру снова пришла к речке и зовет:

— Тетушка-лягушка, тетушка-лягушка!

Лягушка, конечно, в ответ квакает.

— Тетушка, готова ли шерсть? — спрашивает Эсмет. — Отдай-ка мне ее поживее, а то скоро Реза вернется.

Лягушка знай себе квакает.

Эсмет насупилась.

— Тетушка-лягушка, что ты все квакаешь, отдавай шерсть, да поживей!

А лягушка опять свое: «Ква-ква».

— Я поняла тебя, тетушка! Хочешь дать мне что-то другое вместо веретена и шерсти? Ладно, сейчас сойду к тебе.

Сняла Эсмет туфли, закатала шальвары и осторожно спустилась с мостков в воду. Ходит от берега к берегу, ищет тетушку-лягушку. Вдруг под ногу ей подвернулось что-то круглое. Смотрит, кувшинчик. Подняла его и принесла домой. В это самое время и Реза домой пришел.

— Как дела, кончила прясть? — спрашивает жену.

— Не огорчайся понапрасну, сядь, я тебе расскажу, что случилось! Ушел ты утром, а я взяла веретено, шерсть и отнесла к речке, пускай, думаю, поможет тетушка-лягушка, пускай прядет, ей делать нечего. А сама пошла к соседям, к жене Мешеди Хусейна. Посидела там, поговорили мы, а вечером я опять отправилась к речке, к тетушке-лягушке, забрать веретено и шерсть. А лягушка вместо них дала мне кувшинчик. Я вошла в речку и достала его из воды. Он у нас на кухне, пойди посмотри.

Реза схватил палку и набросился на Эсмет, решив: «Если сейчас не отколотить эту глупую, полоумную бабу, то когда же еще проучить ее?! Слыхано ли — лягушке поручать прясть!»

Эсмет заплакала, стала оправдываться:

— Откуда мне было знать,— говорит.— Я думала, лягушка умеет прясть. Иди на кухню, посмотри, разве я вру?.. Иди посмотри на подарок тетушки-лягушки!

На ее счастье, подарок-то оказался кувшинчиком с золотом! Реза очистил его от тины, ила и увидел, что сам кувшин тоже золотой. От радости он сразу позабыл про глупый, короткий ум жены.

На другой день он взял кусочек золота, продал на базаре и расплатился с долгом, а кувшинчик с остальным золотом дал жене со словами:

— Слушай, Эсмет, внимательно слушай, что я тебе скажу! Береги этот кувшинчик, хорошая это вещь. Он пригодится нам к Ноурузу*, мы тогда справим обновки, купим одежду, сластей и фруктов. Возьми, спрячь кувшинчик в укромном месте, пока не придет Ноуруз.

На другое утро, когда Реза ушел, мимо их дома прошел зеленщик, крича: «Эй, кому зелень, зелень продаю!» Эсмет выбежала на улицу и спрашивает:

— Дядюшка зеленщик, тебя случайно не Ноурузом зовут?

— Нет,— отвечает тот.

После него мимо дома прошел хлебопек, выкрикивая: «Покупайте хлеб, хороший хлеб!»

Эсмет и его спрашивает:

— Тебя не Ноурузом звать, дядюшка?

— Нет,— отвечает он.

И так она спрашивала каждый день всякого, кто проходил мимо дома: «Не тебя ли звать Ноурузом?»

Наконец хлебопек задумался над этим и решил ска-

зять, что его зовут Ноурузом,— посмотреть, что из этого выйдет.

Эсмет объяснила ему:

— Дядюшка, мой муж дал мне кувшинчик и велел хранить его для Ноуруза, когда он придет.

Продавец хлеба увидел золотой кувшинчик, сразу бросил на землю свой лоток с лепешками, схватил кувшинчик и со всех ног кинулся со двора.

— Эй, дядюшка, воротись, забери свой лоток,— крикнула ему вдогонку Эсмет.

— Не беда, ханум *, пускай весь хлеб тебе остается,— ответил продавец.

Эсмет подобрала лепешки, внесла их в дом. Как раз в это время пришел домой Реза:

— Откуда столько хлеба, почему он во дворе валяется?

— Слушай и узнаешь! — ответила жена. — Ты ведь сказал, чтобы я хранила кувшинчик до прихода Ноуруза. Вот я и старалась не упустить его, каждый день кого ни увижу — спрашиваю, как звать, не Ноурузом ли. Наконец появился сегодня один хлебопек и признался, что его зовут Ноурузом. Понятное дело, я отдала ему кувшинчик, а он оставил здесь свой лоток с хлебом, положил его на землю и убежал.

Реза рассвирепел. В отчаянии рвал на себе волосы и орал:

— Эсмет, уходи отсюда, убирайся из моего дома! Убью тебя, если не уйдешь, уходи-ка от меня подальше!

Бедняжке Эсмет некуда было идти, побрела она, плача, куда глаза глядят. Шла, шла и очутилась наконец в чьем-то заброшенном саду. Уселась она под деревом, ночь настала. В сад забрела бродячая собака. Эсмет увидела ее и говорит:

— Эй, дядюшка Гав-газ, знаю, знаю, Реза послал тебя за мной, просит вернуться домой, а я не вернусь! Скажем, я, правда, плохо поступила и он поделом меня выгнал — зачем же мне возвращаться? Никогда не вернусь!

Собака обошла сад и убежала. Немного погодя заглянула в сад кошка. Эсмет увидела кошку и говорит:

— Тетушка Кис-кис, и тебя, значит, Реза послал за мной! Так вот, передай ему — не вернусь я! И нечего ему зря стараться.

Вслед за кошкой между деревьями показался верблюд. Тогда Эсмет перестала упрячиться.

— Эй, тетушка Длинношея, раз уж ты пришла за мной, придется мне вернуться, надо же посчитаться с твоим возрастом! Собака приходила — я за ней не пошла, кошка приходила — и с ней не пошла, но из уважения к тебе вернусь домой, помирюсь с Резой.

С этими словами Эсмет поднялась и отправилась домой.

Кругом ночь глубокая, все снят. Эсмет постучала в двери своего дома.

— Кто там стучит так поздно? — спрашивает Реза.

— Это я, отоприте двери, — говорит Эсмет.

— Уходи откуда пришла, не нужна ты мне больше, не надейся, не впусти! — раскричался Реза.

— Не думаешь, что болтаешь! Если не хотел меня видеть, зачем посылал за мной? И дядюшку Гав-гава послал и тетушку Кис-кис, я отказалась вернуться. Но что было делать, когда пришла тетушка Длинношея, не могла же я с ней не посчитаться? Вот я и вернулась к тебе, раз ты просишь, и останусь здесь.

Бедный Реза не знал что делать. Наконец он сказал себе в отчаянии:

«Если я останусь с этой глупой, тронутой бабой в одном доме, то и сам свихнусь, лучше уж мне собрать пожитки и навсегда покинуть это место. Отправляюсь туда, где у людей есть хоть крупинка ума!»

Реза собрал свои вещи и тут же ночью покинул дом и родной город.

Шел он, шел — и добрался до какой-то деревни. Найти ночлег ночью было трудно, поэтому он забрался в какие-то развалины, за деревней и решил поспать там до рассвета, а утром пойти дальше.

Вдруг слышит из развалин стоны, вздохи, плач. Он подошел ближе, видит: уселись в кружок женщины, горько плачут и рыдают.

Реза подошел к ним и спросил с удивлением:

— Что вы тут делаете в развалинах, да еще ночью?!

Одна из них ответила:

— Братец, нас семь сестер, мы жены семи братьев, наши жестокие, бессердечные мужья выгнали нас из дому, а нам некуда деться, вот мы и укрылись в этих развалинах.

— Хотел бы я знать, за что вас выгнали из дому, что вы натворили. Расскажите мне о себе.

— Изволь, чего нам скрывать. Мы сейчас расскажем тебе свою историю,— ответили разом все семь женщин.

Начала рассказывать старшая сестра.

— Мой муж — мясник. Каждый вечер он приносил домой очень много мяса и сала, столько, что мы и съесть не могли. Мне жалко было выбрасывать добро, я и решила собрать куски мяса и сала и сшить мутаку*, вместо пуха и перьев набить мясом и салом. Однажды мы поужинали и муж прилег отдохнуть. Положил голову на ту мутаку и уснул. И вдруг вижу: из мутаки выполз червячок и вот-вот заползет на лицо мужа! Я испугалась, что червячок разбудит его, схватила башмак, хотела убить червячка, да на беду башмак выпал у меня из рук и прямо на лицо мужа! Он проснулся, вскочил как ужаленный, раскричался и выгнал меня. Куда мне было идти. Забрела я сюда. Рассуди по совести, разве не бессердечный у меня муж? Я хотела ему добра, хотела, чтобы он спокойно спал, ведь червяк мог разбудить его, а он меня за это из дому выгнал!

Реза ничего не сказал.

Начала вторая женщина рассказывать.

— Слушай, добрый человек, и посуди, виновата ли я! Мой муж-бакалейщик, и дома у нас в амбаре полно всякого добра. Как-то пошел сильный дождь и так долго лил, что ни по двору, ни по улице пройти было нельзя — слякоть, грязь непролазная. Думаю, как же муж до дому доберется — а вдруг поскользнется на размокшей глине, упадет, разобьет голову или сломает руку? Решила я выложить двор и улицу около дома кусками мыла, и позвала соседок помочь мне. Вынесли мы все мыло из амбара, побросали куски в грязь, чтоб муж мог пройти по мылу и не упасть. Я думала, вот он вернется, увидит, какая я сметливая, заботливая, и будет мне благодарен, похвалит меня, — а он, как вошел во двор, разорался, зачем, мол, столько мыла загубила, и выгнал меня из дому. Как ты думаешь, виновата я?

Реза слушал ее, разинув рот от удивления, и, когда она кончила говорить, ничего не смог ответить.

Тут заговорила третья женщина.

— Теперь послушай, братец, мою историю. Мой муж торгует фруктами. Каждую осень он присылает домой

много винограда на уксус. Этой осенью я собрала соседок и сказала им: «Каждый год мой муж кладет виноград в чан, заливает водой и выставляет на солнце, чтобы через несколько месяцев виноград превратился в уксус. Давайте на этот раз поступим лучше. Съедем сами виноград, потом напьемся воды, зальем виноград как следует и сядем на солнце — виноград быстро скиснет и превратится в уксус». Так и сделали. Пришел муж и видит, что мы все сидим на солнце, и у каждой на голове кирпич. Он не понял, что мы делаем, и спросил, чем мы заняты. Я объяснила ему, сказала, что надумала вдвое быстрее, чем всегда, получить уксус из винограда и для этого мы набили животы виноградом, напились воды, а теперь вот сидим на солнце с кирпичами. А он вместо того чтобы похвалить меня, разбил и прогнал из дому!

— Мой муж, — начала вслед за ней четвертая, — тоже бакалейщик, и дома у нас полно всего — муки, масла, молока. Как-то муж рано вернулся домой и сказал, что ему неможется. «Свари-ка, — говорит, — мне побыстрее немного качи *», поем, говорит, горячего, может, легче станет». А я подумала, лучше будет, если я наварю качи побольше — и соседок заодно угошу. Пошла, сняла крышку

с колодца, высыпала туда несколько мешков муки, вылила три бурдюка молока и масла вдоволь бросила в колодец. Потом разожгла дрова и горящие кинула туда же, в колодец, чтобы качи сварилось. Покончив с этим, я забралась на кровлю и стала сзывать соседок. «Приходите, соседи, к нам на качи, я нынче в колодце наварила, чтобы всем хватило! Поскорей собирайтесь да захватите с собой плошки, миски». От моего крика муж проснулся. Я его обрадовала: «Вставай,— говорю,— качи готово, сними крышку с колодца и ешь, я прямо в нем наварила». А он взял да выставил меня из дому! Пришла я сюда, куда мне еще идти? Скажи, разве я плохо поступила?

Реза и ей ничего не ответил.

Начала свою историю пятая сестра.

— Послушай, братец, и увидишь, что я совсем не виновата. Мой муж каждый месяц давал цирюльнику деньги вперед, чтобы тот приходил к вам домой по пятницам и брил ему голову. Случилось так, что в эту пятницу мужа не оказалось дома, когда пришел цирюльник. Зачем, думаю, пропадать нашим деньгам?! Раз мужа нет, пусть побреет голову мне. Цирюльник обрил меня наголо и ушел. Вернулся домой муж. Как увидел мою бритую голову, наорал на меня и выгнал из дому. Не пойму, в чем моя вина! Я хотела деньги сберечь, а он вон как отблагодарил меня!

Настал черед рассказывать шестой сестре. Она начала так:

— У моего мужа — мануфактурная лавка. Он очень любит пить сиканджебин *, шербет и всякие холодные напитки. Каждый день в полдень приходит домой и сразу кричит: «Дайте попить, да поживей, поторапливайтесь, в горле пересохло, жажда меня мучает». У нас в доме всегда есть и сахар, и уксус, и мед, и лимонный сок, так что можно приготовить любой шербет. Я подумала, хорошо бы наготовить шербету побольше, про запас, не придется тогда мужу долго ждать. Взяла весь лимонад, какой был в доме, мед, уксус и сахар и вылила в бассейн перед домом. Пришел муж в полдень домой и погребовал попить, — да поскорей, да поживей, — я сказала ему: «Видишь бассейн, он полон сиканджебина, иди садись подле него и пей сколько хочешь. Хорошо я придумала, правда?» А муж мой рассердился и тоже выставил из дому. Ну что плохого я сделала?

Реза промолчал, не зная, про какую еще глушость услышит он от седьмой женщины.

— Однажды ночью,— начала она,— муж сказал мне, что пригласил к нам обедать десять человек и просил готовить на другой день хороший обед, чтобы не пришлось ему краснеть да срамиться перед гостями. «Я,— говорит,— приведу гостей в полдень». Утром он ушел, а я, как обычно, зашла к соседке поболтать. Соседка поставила передо мной миску с арбузными семечками. Уселись мы с ней, стали семечки грызть да судачить, и я совсем позабыла про гостей. Не заметила, как наступил полдень. Гляжу, мой муж заявляется домой с гостями. Я поздоровалась с ними, сказала что положено при этом и извинилась, что не успела стготовить для них обед. Потом пошла принесла им хлеба, дала каждому по куску и сказала: «Потрите хлеб о мое плечо и ешьте, будет сладко, как с вареньем». Муж мой вышел из себя, рассвирепел, хотел поколотить меня, потом взял да и выгнал. А за что, спрашивается?

От всего услышанного Реза чуть не рехнулся. Встал он, попрощался с сестрами и вернулся к себе домой, говоря себе: «Хоть моя жена и глухая, но таких глупостей она не делает. Видно, лучше уж жить мне с моей Эсмет да радоваться, что не досталась мне одна из этих дур!»

СКАЗКА ПРО ДОЧЬ ПАДИШАХА ЧИНА

Давным-давно был в Иране падишах. Однажды взглянул он на себя в зеркало и видит: волосы, борода и усы у него побелели, лицо покрыли морщины. Опечалился падишах, приуныл — уж очень не хотелось ему стареть!

Везир правой руки, стоявший подле падишаха, спросил его:

— Да буду я жертвой за тебя, владыка, что тебя опечалило?

— Как же мне не печалиться,— ответил падишах,— лет мне уже пять десятков, состарился я, а детей все нет и нет!

В то самое время, когда падишах беседовал со своим везиром правой руки, к ним подошел какой-то дервиш* и услышал их разговор.

— Печалиться не стоит, государь,— сказал дервиш.— Я сделаю так, что у тебя родится ребенок, но с одним условием: если это будет девочка, отдашь ее мне воспитывать, а если мальчик, то через четырнадцать лет отпустишь его на год со мной.

Падишах подумал и ответил:

— Не хорошее это дело, дочери падишаха расти у дервиша. Будешь ты таскать ее с места на место, попрошайничать заставишь. Нет, ни за что не соглашусь. Не могу я допустить этого!

Везир правой руки незаметно шепнул падишаху на ухо:

— Да буду я жертвой за тебя, дай дервишу согласие! Пусть сделает то, что в его силах, чтобы у вашей милости появился наследник. Если родится девочка — заплатим дервишу деньги и уговорим его оставить ребенка нам, или же работу ему найдем, торговать пошлем. Как-нибудь сумеем с ним договориться! Лишь бы ребенок появился, а остальное уладим.

Поразмыслил падишах и принял условия дервиша.

Дервиш запустил руку в глубокий карман, достал яблоко и подал его падишаху со словами:

— Половину этого яблока съешь сам, а другую половину дай съесть своей старшей жене.

Потом дервиш поцеловал прах у ног падишаха и сказал:

— Я сейчас уйду, а через год в это самое время вернусь узнать, какие у вас новости.

Падишах поступил так, как велел дервиш,— половину яблока съел сам, половину дал старшей жене.

Прошло девять месяцев, девять дней, девять минут, и бог даровал падишаху сына, которого назвали Фаридуном.

Везир правой руки велел фаррашам* и слугам сказать дервишу, если он явится, что бог дал падишаху сына, но мальчик умер.

Ровно через год во дворце появился дервиш. Он поклонился и спросил о ребенке. Везир правой руки и все фарраши и слуги сказали ему, что ребенок и правда родился, но умер. Рассмеялся дервиш, услышав эту ложь, и сказал:

— Зачем вы меня обманываете? Я знаю, что Аллах послал падишаху сына, его называли Фаридуном, и в этот час он здоров и весел. Я сейчас вернусь к себе, а коли вы захотите меня видеть, приходите ко мне. Найдете меня в таком-то караван-сарае.

Дервиш ушел. Но с того часа, как он покинул дворец, Фаридун заболел. Каких только лекарей ни звали, каких снадобий ему ни давали, но помочь не могли, наоборот — мальчику становилось все хуже. Все ходили в растерянности, не знали что и делать, а падишах разгневался на своего везира правой руки за то, что тот обманул дервиша.

— Разве ты не знаешь, что дервиш — божий человек! Бог исполняет любое желание дервишей, прислушивается к их голосу. Зря ты его обманул! Сейчас же иди и приведи его сюда.

Везир правой руки рысью побегал к караван-сарая. Пришел он туда, видит дервиш молится. Везир подождал, пока дервиш совершит намаз*, потом говорит:

— О почтенный дервиш, прошу вас, пойдите поскорей во дворец, шахзаде* Фаридун очень болен. Помолитесь за него, и ребенок поправится!

— Какой прок в моих молитвах? Бог дает, бог и возьмет. Пока сам падишах не придет ко мне, я шагу не сделаю отсюда!

Услышал везир правой руки слова дервиша, побледнел и взмолился:

— Уважаемый дервиш, как может падишах прийти сюда — в караван-сарай?! Вы меня знаете, я везир правой руки, я прах у ваших ног поцелую, только сейчас же, не мешкая, извольте отправиться со мной во дворец, потому что мальчику очень худо.

Дервиш опять покачал головой.

— Все в вашей воле, вы все можете, но только, хоть на куски меня изрежьте, я не выйду из караван-сарая, пока сам падишах не придет ко мне. Я поклялся и клятву нарушить не могу.

Пришлось везиру вернуться во дворец одному.

А царевич к этому времени был уже при смерти: почти не дышит, глаз не открывает.

Везир правой руки передал падишаху слова дервиша, а падишах без памяти любил сына и сам не свой от горя кинулся в караван-сарай вместе с везиром.

Они застали дервиша за молитвой, подождали терпеливо, пока тот совершит намаз, потом падишах стал просить дервиша скорей пойти с ними во дворец, вылечить ребенка.

— Не горюй, не печалься, о падишах! Я сейчас попрошу бога исцелить ребенка! — сказал дервиш, повернулся лицом к кыбле * и произнес:

— О всеславный всемогущий Аллах, прошу тебя — исцели сына падишаха!

После этого они все — падишах, везир правой руки и дервиш — отправились во дворец.

— Я уверен, что бог спасет вашего ребенка. Пока мы дойдем до дворца, бог вернет ему здоровье, — сказал по дороге дервиш.

Едва они вступили во дворец, как тотчас узнали, что мальчик и в самом деле поправился.

— Эй, дервиш, кого я должен благодарить, тебя или бога? — спросил падишах дервиша.

— Я не достоин благодарности, о падишах! Возблагодари Аллаха за то, что он исцелил твоего ребенка, но и божьего человека умеи ценить! Божий человек не идет земных благ, не гоняется за ними, потому бог и исполняет любое его желание. А теперь дайте мне взглянуть на Фаридуна, посмотрю, какой он есть!

Падишах подал дервишу ребенка, и дервиш поцеловал мальчика в лоб, говоря:

— Свет моих очей! Я выпросил для тебя у бога сто лет жизни. Если твой отец позволит, ты проживешь сотню лет.

Услышал слова дервиша падишах и говорит:

— Клянусь богом, создавшим нас обоих, что впредь я буду выполнять все, что ты прикажешь.

Дервиш ему в ответ:

— Эй, падишах! Я приду навестить мальчика, когда ему исполнится четырнадцать лет. Если вы мне его не покажете, он погибнет. Как только я появлюсь здесь, тотчас, не мешкая, покажите его мне. Приду точно в срок, даже если придется мне добираться сюда из Хинда *, непременно прибуду к сроку. Смотрите же, не вздумайте скрыть от меня ребенка.

Падишах еще раз поклялся, что исполнит его желание. Дервиш снова поцеловал царевича Фаридуна и повторил:

— До свидания, я ухожу, в тот день, когда мальчику исполнится четырнадцать лет, в этот самый час я буду здесь.

Шахзаде Фаридун с этого дня становился все прекраснее и прекраснее, рос он, не ведая горя и печали, и наконец достиг четырнадцати лет.

Настал день, в который четырнадцать лет назад родился Фаридун, и все везиры, военачальники, вельможи собрались в тронном зале. Фаридун стоял возле трона, когда внезапно появился дервиш.

— Эй, падишах, я пришел, как было условлено, — сказал он. — Сегодня мальчику исполнилось четырнадцать лет, и теперь он должен год провести со мной.

Падишах огорчился от этих слов, задрожал весь, но стиснул зубы и не подал виду. И все везиры и вельможи заметили, как он огорчился. Фаридун же кинулся к отцу, спрашивает:

— Что нужно этому дервишу, отец? Почему ты так опечалился?

— Как не огорчаться, сынок, расстаюсь с тобой! — ответил падишах. — Я обещал дервишу, этому божьему человеку, что отпущу тебя с ним на год. Куда он возьмет тебя — не знаю.

И падишах рассказал сыну всю историю с самого начала. Фаридун немного подумал и сказал отцу:

— Но ведь дервиш не может увести меня силой, надо, чтобы я согласился, разве не так?

— Молодчина, да благословит тебя Аллах! — воскликнул дервиш, услышав слова Фаридуна. — Ты верно говоришь. Пока я не уговорю тебя, не получу твоего согласия, и шага не пройду с тобой. Хочу, чтобы ты шел со мной радостный, со смехом, а не печальный, со слезами.

— Хорошо, что моего сына не уведут силой, — вырвалось у падишаха. — А я уверен, что Фаридуну никогда не захочется покинуть наш прекрасный дворец и сад и пойти вслед за дервишем скитаться по стенам!

Дервиш в ответ:

— Да буду я жертвой за тебя, падишах. Три дня буду твоим гостем, поживу в твоём дворце. Если через трое суток шахзаде Фаридун захочет отправиться со мной, хорошо, я возьму его, если не захочет, — что ж, неволить не буду, уйду один.

Падишах велел приготовить дервишу удобную, чистую комнату. А Фаридун попросился у отца навестить дервиша, побеседовать с ним. Падишах охотно разрешил мальчику пойти к дервишу и поговорить с ним.

Вечером шахзаде Фаридун вошел в комнату дервиша и поздоровался.

— Баба-джан *, ты ведь мне как отец, расскажи какую-нибудь сказку, а то скучно,— попросил Фаридун.

— Хорошо, слушай, что я расскажу тебе. У падишаха Чина * и Мачина * есть дочь по имени Йасамаи. Стан ее подобен кипарису, лицо как полная луна. Тысячи юношей добиваются ее руки. Многие шахзаде являлись к ней свататься, но девушка всем отказывает. У Йасамаи какой-то странный недуг, и никто не может ее исцелить.

— Баба-джан, а нет ли у тебя портрета дочери падишаха Чина? Покажи мне ее! — попросил Фаридун.

— Портрет-то у меня есть,— ответил дервиш,— да боюсь я, что ты сразу влюбишься в нее до беспамятства, не захочешь ни есть, ни пить, пока не увидишь ее — словом, погубишь себя.

— Нет, что ты,— стал уверять Фаридун.— Покажи мне ее портрет! Ты должен показать ее мне!

Дервиш сунул руку в карман, достал портрет дочери падишаха Чина и протянул Фаридуиу.

Едва взгляд Фаридуиу упал на изображение девушки, как он потерял сознание. Дервиш побрызгал Фаридуиу в лицо водой и стал растирать ему руки и ноги, пока не привел его в чувство.

— Послушай, сынок,— сказал дервиш.— Если портрет девушки лишил тебя сознания, то что же с тобой будет, когда ты увидишь ее?

Фаридун упал дервишу в ноги и взмолился:

— Эй, баба-джан, пойдем искать Йасамаи, отправимся сейчас же, я должен увидеть ее, чего бы мне это ни стоило!

— Хорошо, я возьму тебя к дочери падишаха Чина, так как думаю, что ты тот, кто сумеет избавить ее от недуга. Ты сможешь исцелить девушку,— ответил дервиш.

— А что мне делать? — спросил Фаридун с нетерпением.

— Ничего,— ответил дервиш.— Завтра утром, как взойдет падишах на трон, подойди к нему и скажи, что хочешь отправиться со мной. А если, мол, не разре-

нишь — убью себя. Скажи, что непременно хочешь уйти со мной.

На другой день дервиш пришел к падишаху проститься. Фаридун уцепился за дервиша, крича, что он тоже отправится с ним, что не может остаться здесь.

Везиры, военачальники, вельможи подняли шум, стали отговаривать Фаридуна, просили его передумать.

— Одумайся, шахзаде, не сегодня-завтра ты станешь падишахом, зачем тебе уходить с дервишем, неужели ты дервишем хочешь стать?!

Но у Фаридуна, как говорится, одна нога была уже на дороге.

— Я должен пойти с этим человеком, — твердил он. — Не вышущу полу его халата, не дам уйти без меня!

Падишах, везиры и вельможи, потеряв надежду отговаривать Фаридуна, обратились к дервишу.

— Просим тебя, приглядывай за шахзаде, корми его хорошо и спать укладывай в удобном месте, ни на миг не своди с него глаз, не дай бог, упадет, ушибется! А в остальном будем уповать на бога, да хранит он вас обоих.

— Это верно, падишах, что ты отец, — сказал дервиш, — по и у меня ведь отцовские права на Фаридуна. Ведь это я помог ему появиться на свет, и помолился за него и спас от смерти! Да будет тебе известно, что пока он со мной, бог уберезет его от любой напасти. Не беспокойся о нем, и волосок не упадет с его головы!

Сказав это, дервиш вместе с шахзаде покинул дворец и отправился в караван-сарай.

Там он снял с Фаридуна его богатое платье и одел в рубище дервиша, дал ему в руки дервишский кашкуль *, а на голову надел дервишский войлочный колпак.

Теперь шахзаде походил на мальчика-дервиша, очень красивого и опрятного.

После этого дервиш научил Фаридуна несколькими стихами, и около полудня они отправились на базар.

— Хочу посмотреть, как ты будешь распевать дервишские песни в своем городе, — пояснил дервиш Фаридуну. После этого они запели. Дервиш скажет нараспев один бейт *, а шахзаде отвечает ему следующим бейтом.

Фаридун шел с таким чувством, так хорошо, что люди, столпившись вокруг них, горстями кидали деньги, золото, драгоценности в кашкуль Фаридуна и скоро заполнили его доверху.

Когда дервиш и Фаридун кончили распевать газели * и ушли в глубь базара, толпа не отстала от них, все шла за ними, щедро одаряя Фаридуна, как только он запевал.

— Баба-джан,— сказал Фаридун дервишу,— если мы останемся здесь три дня, то мы соберем богатство не меньше казны падишаха!

— Сынок, нам богатство ни к чему. Бог нам даст то, что положено.

К вечеру дервиш и Фаридун покинули город и, собирая подаяние, пошли от деревни к деревне, от города к городу, через степи, пустыни, леса, горы, пока наконец не достигли пределов Чина.

Тут дервиш сказал Фаридуну:

— С этого часа все, что мы приобретем, будет принадлежать нам обоим — половина тебе, половина мне. Понял? Это твердое условие!

Фаридун принял условие, и они двинулись дальше, вступили на землю Чина, а через некоторое время достигли его столицы.

Здесь они каждый день отправлялись на базар, читали нараспев газели и собирали деньги. Жители столицы были в восторге от Фаридуна, ни на минуту не отставали от дервиша и его красивого мальчика, ходили за ними по пятам, услаждая слух их голосами. Скоро до падишаха Чина достиг слух о дервише и его прекрасном мальчике, на диво хорошо распевавших газели.

— Приведите во дворец дервиша с мальчиком, посмотрим, правду ли говорят о них люди,— велел падишах своему везиру.

Когда дервиша и Фаридуна ввели во дворец к падишаху, шахская дочь Йасаман сидела за занавеской и через щелку наблюдала за ним.

Увидела царевна Фаридуна, статного, высокого, с лицом прекрасным, как полная луна, влюбилась в него не одним сердцем, а сотней сердец и тут же упала без сознания. Прислужницы растерялись. Подняли царевну на руки, отнесли в ее опочивальню, брызнули ей в лицо водой, привели ее в чувство. Но какой был в этом толк — с этого часу Йасаман влюбилась в Фаридуна и не притрагивалась к пище, не спала, а увидев кого-нибудь, заливалась слезами и рыдала как безумная.

Падишах, узнав, какая беда приключилась с Йасаман, очень испугался и опечалился. Девушка и раньше стра-

дала от неведомого недуга, но все же не мучилась так, только временами становилось ей очень худо.

Падишах созвал самых сведущих лекарей, но ни один из них не сумел ей помочь. Все они в один голос твердили:

— Мы бессильны вылечить ее от такого педуга, ничего не можем поделывать.

А Йасаман все плачет, не ест, не спит.

Однажды дервиш и Фаридун пришли на базар, видят, все вокруг одеты в черное. Стали выпрашивать, что случилось, по ком люди скорбят. Им рассказали, что дочь падишаха занемогла, вот-вот умрет. Лекари говорят, что педуг ее неизлечимый и бедняжку ежечасно ожидает смерть.

Дервиш услышал это, немедленно отправился во дворец падишаха и сказал везирам:

— Я слышал, что дочь падишаха тяжело больна и никто не надеется на ее выздоровление. Разрешите мне осмотреть девушку, я ее вылечу.

Обрадованные везиры повели старого дервиша в спальняный покой Йасаман. Видит он, девушка цепями прикована к ложу: так боялись, что она паложит на себя руки или прислужниц избьет. Увидела дервиша Йасаман и одним рывком разорвала цепи! Прислужницы и невольницы разбежались, кричат: «Убьет, убьет дервиша!». Но девушка вскочила с ложа и поцеловала полу дервишского рубища.

— Что у тебя болит? — спросил ее дервиш ласково. — Что тебя беспокоит?

— Отец, я потеряла рассудок от любви к твоему сыну, — ответила девушка. — Вот-вот умру с горя! Если он уйдет из нашего города, я жить не стану, умру!

— Успокойся, дочка, — сказал дервиш Йасаман. — Не тревожься, я исполню твое желание. Пойду сейчас к падишаху и так все устрою, что ты свидешься с моим сыном. Но с одним условием: будешь слушаться меня во всем!

Дервиш вышел из покоев Йасаман, пошел к падишаху и объявил ему:

— Я могу вылечить твою дочь, но за это ты отдашь ее замуж за моего сына. Если мне не удастся исцелить девушку, то руби мне голову, я в твоей власти.

— Твой сын, о почтенный дервиш, красивый юноша, стройный, высокий, доброго нрава и благородного вида,

как будто он знатного рода. Но посуди сам: подобает ли дочери падишаха быть женой сына дервиша?

— Воля твоя, падишах,— отвечает дервиш.— Но если желаешь видеть дочь здоровой — принимай мое условие. Или мой сын станет твоим зятем, или дочь твоя расстанется вскорости с жизнью.

Везиры видят, непреклонен дервиш, пали перед падишахом ниц и взмолились:

— Да будем мы жертвой за тебя, о владыка! Твоя дочь при смерти, дозвожь дервишу вылечить ее! Не мешкай, а то будет поздно, умрет Йасаман, а ты всю жизнь потом будешь каяться. Если дервиш исцелит твою дочь, можешь назначить его сына везиром или военачальником, и не зазорно будет выдать за него Йасаман.

Пришлось падишаху согласиться.

Дервиш сам приготовил стакан шербета из сока египетской ивы и дал выпить Йасаман. А прислужницам сказал, что Йасаман, выпив шербет, почувствует голод, и, если она попросит есть, надо будет дать ей немного куриного бульону.

Падишах послушал слова дервиша и стал насмехаться над подобным лечением: как, мол, такое снадобье и такая еда исцелят его дочь? Дервиш же посмеялся над неверием падишаха:

— Да буду я жертвой за вас, это уж мое дело, чем я ее вылечу. Поправится она — отдадите ее за моего сына, умрет — снесете мне голову с плеч. Чему тут смеяться?!

После этого дервиш повел Фаридуна в комнату Йасаман.

Девушка все еще лежала на своем ложе.

— Дочка,— обратился к ней дервиш,— я дал слово, что ты через три дня поправишься. Слышишь, что я говорю?

— Я не поправлюсь, баба-джан, пока не увижу того, кого люблю,— отвечала девушка.

И тогда дервиш сделал Фаридуна знак подойти к ложу Йасаман. Девушка едва увидела Фаридуна, вскрикнула и лишилась чувств. Прислужницы и невольницы испугались, забегали, заметались, закричали: «Йасаман в обморок упала!»

— Не шумите и не орите попусту! — велел им дервиш.— Я сейчас дам Йасаман лекарство, и она сразу очнется, успокойтесь.

Он достал из своей сумки какое-то зелье и дал девушке — она тотчас пришла в себя.

— Доченька, — сказал ей дервиш, — я все устроил, получил согласие падишаха на твой брак с моим сыном. Успокойся, войди в разум!

— Конечно, отец! Я теперь поправлюсь и выздоровлю, ведь вся моя болезнь была только от страха потерять Фаридуна.

Дервиш и Фаридун вышли из покоев, чтобы дать и падишаху повидаться с дочерью, но Йасаман так полегчало, что она встала и сама пошла к отцу. Увидел падишах дочь у своего трона, от радости соскочил вниз и обнял девушку.

— Ах, Йасаман, наконец ты поправилась, благодарю бога, тысячу раз благодарю! — воскликнул счастливый падишах. — Расскажи-ка мне теперь, чем тебя так быстро вылечил дервиш?

— Правду сказать, отец, я и сама не знаю, — ответила девушка. — Когда я упала без памяти, он дал мне какую-то пилюлю и шербет из египетской ивы, я тут же выздоровела.

— Доченька, ты поправилась, мы с тобой этому радуемся, а я должен сообщить тебе неприятную весть, — говорит падишах Йасаман. — Дервиш вылечил тебя с условием, что я отдам тебя замуж за его сына.

— Раз обещал, придется держать слово, — молвила девушка. — Это верно, он сын дервиша, но прекрасен и держится как настоящий шахзаде*. Не похоже, чтобы это был сын дервиша, сомневаюсь я в этом: наверняка он шахзаде!

— Раз так, и ты согласна, то и говорить нечего, — решил падишах.

На другой день во дворец к падишаху явился дервиш с Фаридуном. Падишах их сейчас же принял, спросил, что им угодно.

— Эй, падишах! Разве ты забыл про условие? Я вылечил твою дочь и пришел забрать ее.

— Почтенный дервиш! Я отдам, как обещал, свою дочь за твоего сына, хоть мне очень обидно и тяжело видеть ее женой сына дервиша.

Фаридун услышал слова падишаха и даже в лице изменился от обиды и смущения. Он краснел, бледнел и наконец не выдержал и вдруг воскликнул:

— Эй, падишах Чина, если хочешь знать правду, я не сын дервиша, я сын падишаха Ирана.

С этими словами Фаридун достал из кармана печать шаха Ирана, которую захватил, оказывается, с собой, и показал падишаху. Радости падишаха не было границ, когда он убедился, что его дочь выходит замуж за сына падишаха Ирана. Однако он печально сказал дервишу:

— Эй, почтенный дервиш, у моей дочери есть еще один тайный недуг, и я должен тебя предупредить об этом. Уже два шахзаде сватались к моей дочери, но как только мы давали свое согласие и жених подходил к невесте, тотчас же терял сознание и умирал. Боюсь, как бы и в этот раз так не случилось, как бы сын падишаха Ирана не умер из-за моей дочери!

Дервиш улыбнулся и успокоил падишаха.

— Не печалься, владыка, я и от этого недуга излечу Йасаман, ты об этом не тужи, не беспокойся!

Падишах больше ничего не сказал, приказал целую неделю освещать город разноцветными огнями и праздновать свадьбу его дочери с сыном падишаха Ирана.

В день свадьбы дервиш сказал Фаридуну:

— Смотри, сынок, не целуй Йасаман в лицо, приложись губами только к руке: ее дыхание таит смертельный яд. Всякий, кого коснется оно, тотчас умирает.

— Что же мне до конца жизни не придется ее целовать? — удивился Фаридун. — Разве это возможно? Подумай сам, что это за жизнь будет!

— Не волнуйся, поверь, придет время, я и от этого недуга вылечу Йасаман, — обещал дервиш.

Три дня спустя дервиш явился к падишаху Чина и сказал:

— Дозвольте увести жениха с невестой в Иран, я сам их отвезу туда.

Как ни жаль было падишаху отпускать дочь, пришлось разрешить. Он приготовил ей приданое, достойное дочери падишаха, и сам с везирами и со всей знатью проводил их на целых двадцать фарсангов*. Там дервиш, Фаридун и Йасаман попрощались с падишахом Чина и его приближенными и пустились в путь по дороге, которая вела в Иран.

Когда они достигли границы Чина и должны были покинуть его пределы, дервиш велел остановить караван и сбросить на землю весь груз.

— А зачем оставливаться? — удивился Фаридун.

— Слушай, Фаридун, дальше начинается степь. Ни деревни, ни города, никакого жилья мы дальше не встретим. Помнишь ты, как мы уговорились с тобой на этом самом месте? Все, что добудем в Чине, поделим пополам. Давай теперь делить все, что у нас есть.

— Да, помню, — подтвердил Фаридун, и они начали делить все богатства — драгоценные камни, деньги, подарки.

Поделили между собой и приданое Йасаман. После этого дервиш говорит:

— Фаридун, теперь очередь делить Йасаман. Разрубим ее пополам: половину возьмешь ты, половину я.

Фаридун побледнел от страха, услышав это.

— Что ты говоришь, отец! — воскликнул он. — Если мы ее разрубим на две части, она ведь умрет! Возьми себе мою долю драгоценностей, денег, имущества — только уступи мне свою половину Йасаман, чтобы не лишиться ее жизни.

— Что мне за нужда в драгоценностях или в деньгах? А слово нарушать нельзя. Придется разрубить Йасаман, половину ее возьму я, половину — ты.

Бидит Фаридун, что дервиш неумолим, и закричал в отчаянии:

— Я отказываюсь от своей половины, отец! Не руби Йасаман. Пусть она вся будет твоей, лишь бы живой осталась!

— Нет и нет! Никогда я не нарушу своего слова! Йасаман надо разделить на две части, половину ее возьмешь ты, половину — я. А теперь, смотри!

Около шатра Фаридуна и Йасаман росли недалеко друг от друга два дерева. Дервиш привязал одну ногу Йасаман к одному дереву, другую — к другому дереву, потом взял топор и подошел к девушке, чтобы разрубить ее на две части, и тут изо рта девушки выполз скорпион! Дервиш убил его топором и снова замахнулся, чтобы разрубить Йасаман. На этот раз изо рта девушки выползла маленькая змея. Дервиш и ее убил топором. В третий раз занес дервиш топор над Йасаман, и в этот миг она чихнула, но изо рта ее больше ничего не вышло.

Дервиш швырнул топор на землю, отвязал Йасаман и повернулся к Фаридуна.

— Постели-ка ей прямо тут, в степи, постель, да поживей, — велел дервиш.

Когда Фаридун приготовил постель, дервиш уложил девушку и сказал, чтобы в течение трех суток никто к ней не подходил. Три дня и три ночи пролежала Йасаман, а на четвертый день дервиш поднял ее, поцеловал в лоб и вручил Фаридуна со словами:

— Мне достаточно и одного поцелуя, ведь ты мне как сын, а она как дочь. Если бы я раньше позволил тебе поцеловать ее, то яд скорпиона и змеи убил бы тебя. А убить скорпиона и змею можно было только вместе с Йасаман, вот почему я решил сильно напугать ее, чтобы ее вырвало, только так скорпион и змея могли выйти из ее нутра. А теперь давай заберем все наши вещи, все драгоценности, деньги, золото и отправимся в Иран к твоему отцу.

Пустился в путь караван, шел все дальше и дальше, пока не приблизился к столице Ирана. Отсюда дервиш послал весть падишаху Ирана, что, мол, прибыл твой сын с женой своей — дочерью падишаха Чина.

Старый падишах очень обрадовался и вышел встречать сына со всеми везирами, вельможами и знатными людьми.

По приказу падишаха семь дней и ночей горели в городе разноцветные огни и жители праздновали возвращение Фаридуна. Второй раз справили свадьбу, вложили руку Йасаман в руку Фаридуна.

Когда свадьба была отпразднована, дервиш явился к падишаху и сказал ему:

— Я обещал тебе вернуть сына через год. Сегодня как раз истек срок. А я вас покидаю и оставляю все свое

достояние — деньги, драгоценности, золото — в дар Фариду и Йасаман, мне ведь земные блага не нужны.

Сказал дервиш эти слова и поспешил прочь из дворца падишаха, и с тех пор никто не видел его и не слышал о нем, а Фаридун и Йасаман прожили долгие годы в радости и довольстве.

КЕДХОДА И СОРОК ОДНА ЖЕНА

Жил на свете кедхода * по имени Ага-Али. У него было сорок жен. Была у него чудная привычка: в брачную ночь он и не глядел вовсе на молодую жену, а только отрезал ей нос, так что все его сорок жен были без носов. Когда они приходили в баню, других женщин туда не пускали. И вот однажды вечером, когда баню закрыли для посторонних, одна девушка решила во что бы то ни стало пробраться внутрь и разузнать, каковы жены кедходы и почему из-за них закрывают баню?

Девушка забралась в баню и спряталась в укромном уголке. Пришли в баню сорок жен кедходы. Одна из них подошла к девушке, которая притворилась, что спит, разбудила ее и крикнула:

— А ну, поторапливайся, проваливай отсюда, да поживее!

— Простите меня, — взмолилась девушка. — Я заснула здесь и не успела вовремя уйти.

Она вскочила на ноги, стала намыливать одной голову, другой натирать спину, третьей мыть руки и ноги. Жены кедходы видят, что она девушка расторопная, не стали прогонять ее, а обошлись с нею милостиво. Наконец она сказала им:

— Пусть бог меня накажет, но я хочу задать вам один вопрос, только вот не смею.

Но она все-таки осмелела и спросила:

— Почему у вас нет носов?

— Ей-богу, мы и сами не знаем, почему нам отрезали носы. Одно нам ведомо: в первую брачную ночь кедхода, вместо того чтобы поступить с нами, как это полагается с женами, отрезал нам носы.

— А вы заставьте его жениться на мне, — предложила девушка, — и дам вам слово, что я отомщу ему за все. Сегодня же начните меня расхваливать и расписывать Ага-Али. А остальное — мое дело!

Жены кедходы вернулись домой, и, как только вошел Ага-Али, они наперебой стали хвалить девушку.

— Ну, коли так, — велел кедхода, — завтра же сватайте ее за меня.

Утром отправили сватов, и вот девушку привели в дом кедходы.

Как только девушку ввели в брачный покой и вложили ее руку в руку кедходы, она увидела у Ага-Али нож. Тут она принялась вертеться и уклоняться, и ему никак не удавалось отхватить ей нос. Так и дальше пошло. Кедхода за два месяца никак не мог добиться своего и отрезать ей нос. Этот нос из ума у него не шел, да и перед другими женами стыдно было.

И вот однажды перед сном он сказал женам:

— Завтра я пойду в сад, велю принести сорок одну корзину с дынями, а сам спрячусь в сорок первой кор-

зине. Вы начнете сгружать корзины с дынями, а когда настанет очередь этой девушки, велите ей снять сорок первую. Как только она нагнется к корзине, я изловчусь и отрежу ей наконец нос!

Жены пообещали сделать все так, как он приказывал, и утром Ага-Али отправился в сад, а жены рассказали обо всем девушке.

— Хорошо,— сказала она,— делайте, что я вам скажу.

— Ладно,— согласились жены.

Тут из сада привезли сорок одну корзину с дынями, и жены стали снимать их с повозки. Когда же дошла очередь до сорок первой корзины, то все жены по наказу той девушки схватили палки и стали колотить по корзине, пока оттуда не полилась кровь. А потом они вытащили из корзины Ага-Али с переломанными руками и ногами, уложили его в постель и собрались вокруг.

— Ага-Али забеременел,— говорили они, прикладывали к его ранам всякие мази и лечили его, пока ему не стало лучше. А сами меж тем стали разыскивать беременную женщину, которая бы скоро должна была разрешиться. Они нашли соседку, срок которой уже настал, дали ей много денег и забрали у нее, как только он родился, ребенка с невымытыми пеленками. А всем людям жены меж тем говорили:

— Ага-Али страдает от родовых схваток!

Кедхода, конечно, вопил:

— Ведь это вы меня поколотили палками и переломали мне руки и ноги! Не срамите меня!

Но жены его не слушали, подложили ребенка с пеленками к ногам Ага-Али и стали всюду болтать, что Ага-Али родил, и звать людей поглядеть на него. Жители деревни сначала не поверили, удивились:

— Как же так? Разве мужчина может родить?

Но потом они пришли в дом кедходы, увидели новорожденного ребенка и поверили всему — и в то, что Ага-Али был беременный, и что он родил. Принялись поздравлять его, а бедняга Ага-Али от стыда не мог и слова проронить. Если бы он сознался, что это шутку устроили жены, это для него был бы еще больший срам. Вот он и молчал, словечка не вымолвил.

Когда народ разошелся, Ага-Али стал в ноги кланяться женам:

— Ради бога, дайте мне денег, чтобы я мог уйти из деревни. Ведь я здесь совсем осрамился!

Тогда девушка поднялась, достала кошелек с деньгами, немного одежды и еды и поставила все перед Ага-Али. Ночью он взял это и потихоньку убежал из деревни, а все свое имущество оставил женам.

ЧТО ПРИКЛЮЧИЛОСЬ С ШУТОМ ПАДИШАХА

Послушайте, что случилось однажды с шутом падишаха, Алигели. И все из-за того, что пошел он к портному примерить новое платье! Пока Алигели сидел в лавке, жена портного заглянула туда через щелочку и увидела его. Он так ей понравился, что она вызвала мужа знаками и сказала:

— Гляди, как нам повезло,— сам шут падишаха зашел в нашу лавчонку и заказал платье! Хасан, пригласи его в гости, пусть зайдет как-нибудь вечером, поужинаем вместе...

Хасан стал уверять, что шут падишаха не удостоит их такой чести, не придет к ним в гости, но жена настаивала, и он передал Алигели ее просьбу. Алигели сначала не соглашался.

— Очень я занят,— отнекивался он.— Дел у меня много.

Но Хасан-портной сказал ему:

— Видишь ли, моя Зейнет так меня просила, что я не выпущу тебя из лавки, пока не дашь слова прийти к нам поужинать.

Шут падишаха обещал. Вечером следующего дня пришел он в лавку Хасана. Хасан запер лавку и повел гостя к себе домой. Некоторое время они беседовали, шутили, потом Зейнет расстелила скатерть и принесла поесть мужу и гостю. Еда была вкусная, жирная. Хасан и шут ели, разговаривали, а Зейнет уселась около них и не сводила глаз с Алигели. Вдруг она запустила руку в блюдо с пловом и сунула жирный кусок мяса Алигели прямо в рот¹. А шут в это время смеялся, ну и поперхнулся. Кусок застрял у него в горле, он посинел и вытянулся на полу бездыханный. Хасан и Зейнет чуть сами не умерли со страху. Запричитали: «Что за беда приключилась с нами, что за напасть! О Аллах, зачем ты дал шугу падишаха умереть в нашем доме, что теперь с нами будет!»

---

¹ По обычаю, почетным гостям в знак особого внимания хозяин сам клал в рот кусочки еды.

Женщина бранила мужа, говорила, что он виноват, а тот твердил, она виновата: зачем сунула шуту в рот мясо и задушила его? Долго они пререкались и бранились. Наконец Хасан успокоился и сказал жене:

— Что случилось — случилось, давай лучше пораскинем умом, как нам быть, как из беды выпутаться.

Зейнет подумала и сказала:

— Сейчас ночь, темно, возьмем тело Алигели и выбросим на улицу, никто не узнает, как это случилось, отчего и где он умер.

— Нет, так поступать не годится. Я другое надумал. Рядом с нами за оградой живет лекарь — еврей Якуб. Я пойду постучусь к нему в ворота, скажу, больного привел. Пока пойдут звать Якуба, бросим тело в дехлизе*.

Хасан взвалил тело Алигели на плечо и вместе с женой постучался в ворота к соседу.

— Кто там? — спросил слуга.

— Мы больного привели, иди позови лекаря, да поскорей, пускай осмотрит его.

Слуга пошел в дом за хозяином, а Зейнет с Хасаном усадили шута на скамейке в темном дехлизе и быстро вернулись к себе.

Лекарь ощупью пробивался по темному дехлизе к воротам и вдруг натолкнулся на Алигели, и тело шута падишаха ничком грохнулось на пол.

Якуб крикнул, чтобы принесли лампу. Как только ему посветили, он узнал в убитом — о ужас! — шута падишаха.

Вышла жена лекаря Якуба, увидела, что ее муж убил Алигели, и стала бить себя по голове, запричитала:

— Что теперь с нами будет! Как это ты не разглядел его! Как же ты его убил?!

— Молчи! Выпутаемся из беды. Я знаю что делать. За нашим домом дом садразама*. К нашей крыше примыкает крыша их кухни. Возьмем сейчас тело, поднимем на кровлю и сбросим через дымоход в кухню садразама.

Так и сделали.

Якуб и его жена, помогая друг другу, спустили тело шута в кухню через печную трубу. К счастью, очаг не горел, повар уже приготовил ужин и успел потушить огонь.

Покончив со всеми своими делами, повар осмотрелся перед уходом — не осталась бы в кухне кошка. Он уже хотел запереть кухню, как вдруг увидел чьи-то ноги —

висят над очагом, как вертела, и повар заорал во всю глотку:

— Кто ты? Что здесь делаешь? Вылезай-ка оттуда!

Ноги не двигаются, и ответа нет. «Может, это вор?» — подумал повар. Взял камень и запустил в ноги. Тело шута грохнулось на пол. Повар поднес лампу поближе и увидел, что это Алигели: шут падишаха свалился и умер. Бедняга повар обеими руками ударил себя по голове, восклицая: «О горе мне! Я убил шута падишаха! Что мне теперь делать, как быть?!» Стоявший рядом поваренок успокоил его:

— Не тужи! Возьмем его, отнесем на базар и оставим перед лавкой менялы — все будут думать, что это вор. Так и сделали.

В ночной темноте повар с поваренком незаметно перетащили тело Алигели к лавке менялы и приставили к дверям, а руку его положили на замок. Через час мимо лавки прошел стражник с фонарем и заметил человека, ухватившегося за замок лавки. Стражник решил, что тот собирается ограбить лавку, и заорал на него:

— Эй, злодей, что ты тут делаешь?

Но вор ничего не ответил. Тогда стражник подошел к нему и стукнул по голове булавой. Тот полетел на землю. Стражник нагнулся, осветил фонарем, взгляделся в лицо убитого. О ужас, это был шут падишаха! Стражник в отчаянии завопил:

— Что я наделал, пропал я, шах с меня шкуру сдерет!

На его крики сбежались случайные прохожие.

Наутро до шаха дошла весть, что стражник убил шута падишаха. Разгневался шах и повелел повесить стражника на мейдане*.

И вот на другой день по улицам города ходил глашатай и возглашал жителям приказ шаха: повесить стражника на мейдане за убийство шута падишаха.

Повар садразама, услышав слова глашатая, подумал: «Я убил шута, а повесят стражника! Из-за меня погибнет невиновный!» И тотчас отправился к виселице и сказал палачу:

— Не вешайте стражника, это я убил шута падишаха, повесьте меня!

Шах потребовал к себе повара и спросил его в гневе:

— Зачем ты убил моего шута? Разве он причинил тебе зло?!

— Да буду я жертвой за тебя! — сказал повар. — Дозволь объяснить. Никакого зла он мне не причинял. Вчера ночью он забрался в нашу кухню через дымоход. Я решил, что это вор, и кинул в него камень, а он упал и умер.

Шах был так опечален смертью своего шута, что не хотел слышать никаких объяснений и приказал палачу отпустить стражника, а повара повесить.

Лекарь Якуб, стоявший неподалеку от виселицы, сказал себе: «Бедный повар, у него дети и жена! Я ведь знаю, что он не убивал шута, за что же ему гибнуть?» — И у него из самого сердца вырвался крик:

— Эй, палач, погоди, не вешай повара! Я убил шута! Фарраши * отвели Якуба к шаху.

— Эй, печестивец, что тебе сделал мой шут, зачем ты его убил?! — закричал на него шах в ярости.

— Да буду я жертвой за тебя, о шах! Ничего худого он мне не сделал. Пришел поздно вечером ко мне полечиться и уселся в дехлизе. Я его не заметил в темноте, задел, он полетел на пол и умер.

— Очень хорошо! Повара освободить, а лекаря Якуба повесить! — повелел шах.

Весть об этом обошла весь город. Узнал и портной Хасан, что собираются вешать лекаря Якуба. «Конечно, Якуб — еврей, — подумал Хасан, — это верно, но ведь он не виноват, я-то хорошо знаю, зачем же погибать бедному старику?!» И Хасан решил спасти Якуба.

Помчался он к виселице, где уже стояла толпа людей и громко закричал:

— Не вешайте Якуба! Не убивал он шута! Это я убил Алигели!

Шах, узнав об этом, очень удивился, что еще один утверждает, будто он убийца. Повели Хасана к шаху. Увидев Хасана-портного, шах заревел, как разъяренный лев:

— Зачем ты убил шута?!

— Да буду я жертвой за тебя, — сказал Хасан, — мы не виноваты! Ваш шут пришел к нам вечером в гости, а моя жена положила ему в рот кусок мяса. Кусок, видно, оказался большим, застрял у него в горле, и он умер.

Шах был неумолим.

— Ничего знать не хочу! Я поклялся, что повешу убийцу моего шута! Отпустите лекаря Якуба, а портного повесьте! — повелел он.

В эту минуту во дворец зашел старик дервиш и сказал, обращаясь к шаху:

— О средоточие мира, великий шах, погоди казнить, может, мне удастся вернуть шуту жизнь, вдруг он еще не умер!

Шах рассмеялся.

— Ты хочешь совершить чудо? Посмотрим, как ты оживишь мертвого!

Дервиш вышел вперед, приблизился к шуту и тронул его рукой. Тот был еще теплый и мягкий.

Дервиш сказал:

— Слава всевышнему Аллаху! Разве может быть теплым и мягким тело человека, умершего два дня назад? Принесите-ка мне побыстрее крючок для ловли рыбы!

Дервиш сунул крючок в горло шута, кое-как зацепил им застрявший там кусок мяса и вытащил его.

Пока он тащил кусок из горла Алигели, тот три раза чихнул, привстал и сел.

Шах засмеялся от радости, потом сразу помрачнел и сказал шуту:

— Ах ты, шайтан! Сколько хлопот причинил мне и людям понапрасну. Из-за тебя я сегодня чуть невинного человека не загубил! Так и быть, я тебя не повешу, но эту ночь ты до утра проведешь на крыше и умрешь там от холода!

Как только солнце зашло, фарраши раздели Алигели, отвели на крышу и оставили там замерзать.

От холода Алигели дрожал, как ива, не знал, как согреться. Вдруг он увидел, что на крыше в одном углу лежит каменный каток. Он схватил канат, привязанный к катку, и начал укатывать крышу.

Катал он из стороны в сторону, из стороны в сторону до самого утра. Каток был очень тяжелый, и Алигели быстро согрелся, даже вспотел.

Утром шах воссел на трон и велел гулямам* сходить на крышу за телом Алигели. Поднялись гулямы на крышу — глазам своим не поверили: Алигели стоит живой, только мокрый весь от пота.

Свели они его вниз, показали шаху. Удивлению шаха не было предела — как сумел он выжить, не замерзнуть в такой холод!

— Ну-ка, расскажи нам, — потребовал шах. — Как ты умудрился вспотеть в такой холод?

Алигели пал ниц и сказал шаху:

— Да буду я жертвой за тебя! Я согревался теплом от вулкана Демавенд*.

— Врешь, шайтан! Не мог вулкан Демавенд согревать тебя — уж очень до него далеко. Даже если извержение начнется, ты не согреешься на таком расстоянии и не почувешь тепла!

— Да буду я жертвой за тебя, государь! Я протягивал руки к вулкану, и тепло само устремлялось ко мне! — уверял Алигели.

Шах рассмеялся и так долго смеялся, что устал и упал на спину.

— Так и быть, прощаю тебя, а теперь скажи все-таки правду, как ты согревался в этакый мороз?

— Я всю ночь укачивал крышу, о владыка, и не то что согревался, взмок от пота!

Услыхав это, шах еще сильнее стал смеяться — слезы у него из глаз потекли.

В награду за сообразительность и ночной труд шах одарил Алигели халатом.

СКАЗКА О ЧЕЛОВЕКЕ ПО ИМЕНИ ОХ

Жил на свете купец, и было у него три дочери. И вот однажды он говорит дочерям:

— Я отправлюсь в путешествие, хочу поторговать как следует.

Дочери собрались вокруг него и говорят:

— Отец, привези нам подарки, да подароже.

— Ладно,— говорит купец,— только скажите, чего вам хочется.

— Хочу золотое ожерелье,— сказала старшая.

— Хочу ножные браслеты с камнями,— сказала средняя.

А младшая, самая любимая, сказала:

— Хочу, дорогой отец, венец, усыпанный жемчугами.

— Хорошо, дорогие дочки,— ответил отец.— Я привезу вам, что вы просите.

Простился он с дочерьми, погрузил товары и пустился в дальний путь.

Купец пробыл в чужих краях целый год, а когда стал возвращаться, то купил золотое ожерелье и ножные браслеты с камнями для старших дочерей, но впопыхах и за делами запомнил купить младшей дочери венец с камнями. И вспомнил он о венце только уже по пути домой. Огорчился купец и устыдился, от досады потерял сон и покой, не зная, что сказать той, которая была ему светом очей и усадой сердца.

Однажды караван купца остановился у родника. Он спешился и подошел к роднику, чтобы умыться и отдохнуть, а потом снова отправиться в путь. Посмотрел купец в прозрачную воду, вспомнилось ему опять, как забыл он о наказе младшей дочери, и говорит купец: «Ох». Вдруг кто-то высунул голову из воды и спрашивает:

— О купец, почему ты сказал «ох»?

— Сначала скажи мне, кто ты и зачем спрашиваешь?

— Да ведь меня зовут «Ох»,— говорит незнакомец.— Если кто-нибудь у этого родника скажет «ох», я тут же вылезаю, узнать, какая беда у этого человека.

— Есть у меня три дочери,— сказал купец.— Когда я отправлялся в странствие, каждая попросила меня привезти ей гостинец. Я купил подарки старшим дочерям, да

забыл купить для младшей дочери, а она у меня любимая. Потому-то я говорю и вздыхаю. Из того города я уже уехал, да и в другой город теперь уж не попаду.

— А о чем она тебя просила? — спрашивает Ох.

— Просила привезти венец с камнями, — отвечает купец.

— Если ты согласен отдать мне дочь через сорок дней, то я сию же минуту принесу тебе такой венец.

Подумал купец, да и согласился, а Ох тотчас нырнул в воду, потом опять вынырнул и подал купцу венец редкой работы. Купец поблагодарил его и отправился в родные края вместе с караваном.

Вернулся купец домой, роздал подарки — дочери не наладуются. Но только прошло сорок дней. Купец сидит с домашними, смеется и веселится, вдруг слышит стук, и кто-то из-за двери говорит:

— Передайте хозяину, что явился Ох, — сегодня срок вышел. Я хочу забрать младшую дочь.

Видит купец, делать нечего, дал он слово, а слово надо держать. Дал он дочери хлеба кусок и говорит:

— Вынеси нищему кусок хлеба и возвращайся.

Как только Ох увидел девушку, он тут же поднялся вместе с ней в воздух, и не успела она глаза закрыть, как они очутились у родника. Тут Ох говорит девушке:

— Закрой глаза, а потом открой.

Девушка закрыла и открыла глаза и очутилась в прекрасном саду, не хуже райских садов. Только вокруг ни души не видно. «Пойду-ка, погляжу я, что творится в саду и зачем меня сюда притащили», — решила она. Шла она, шла — и вдруг видит высокий красивый дворец. Она поднялась по ступенькам — перед ней покои богатые. Пошла она по комнатам из одной в другую, вдруг раздвинулся занавес, оказался перед ней прекрасный юноша и приветствовал ее. Девушка хотела было бежать, но юноша схватил ее за руку и говорит:

— Ты принадлежишь мне. Куда тебе бежать?

Волей-неволей пришлось ей подчиниться.

Они провели в веселье несколько дней, и вот однажды взялись за руки и пошли бродить по саду. Девушка увидела в саду дерево, усыпанное спелыми плодами, и воскликнула:

— Какие прекрасные на нем плоды!

Юноша подошел к дереву и стал рвать для нее плоды. Когда он поднял руку, девушка увидела, что под мышкой у него прилепился комок ваты. Она протянула руку, чтобы оторвать комок, вдруг слышит, что кто-то за спиной у нее громко говорит:

— Несчастливая, не смей, а то настанут для тебя черные дни.

Но увы! Было поздно, девушка уже оторвала комок ваты. И тут же юноша пал на землю, из шеи кровь бежит, отрубленная голова на груди лежит. Потом загредел гром, сверкнула молния, и какая-то рука влепила девушке такую оплеуху, что она упала без памяти.

Когда девушка опомнилась, сада, дворца и юноши и след простыл. А она оказалась в пустыне, которой не было ни конца, ни края. Но девушка не растерялась, положила на бога и пустилась в путь. Долго шла она и наконец вышла к старому раскидистому дереву у родника. А ведь страшно ночью в пустыне, девушка боялась диких зверей, вот она и взобралась на дерево и спряталась среди густых

ветвей. Прошло час или два, и видит она — бог всегда милует, — что со всех сторон к дереву стаями спешат хищники и прячутся под ним. Последним прибежал шакал, лев говорит ему:

— Приятель мой хитрец, какой гостинец принес ты мне?

— Да буду я жертвой царя вселенной, сегодня мне ничего не удалось раздобыть, но вот здесь я чую запах человека!

Звери едва услышали слова шакала, вскочили со своих мест, обрыскали все кругом, но никого не нашли. Лев провел ночь в ярости, а утром все звери разбежались по пустыне.

Девушка от усталости заснула прямо на дереве, а когда проснулась, слышит, два воробышка чирикают. Она прислушалась повнимательнее, а воробышек говорил вот что:

— Братец, если бы эта девушка не спала и слышала наш разговор, то узнала бы, что на этом дереве растет настоящее сокровище.

— Какое же это сокровище? — спрашивает второй воробышек.

— А такое, что стоит только сделать настой из листьев дерева и дать безумцу, как тот мгновенно поправится. А стоит только веточкой этого дерева дотронуться до головы того, кого заколдовали и кому оторвали голову, как он тотчас освободится от чар, чихнет и оживет.

Услышала девушка слова воробья, нарвала листьев дерева и завязала в платок, сломала и несколько веточек, слезла с дерева и снова пустилась в путь.

Шла она по дороге, оставляя позади себя пустыню, и шла так до самого вечера, но так и не добралась до тихого уголка, где можно было бы переночевать и укрыться. Стала она тяжело вздыхать и стелать, взывать к богу. Так брела она не останавливаясь и вдруг увидела вдали что-то черное. «Смерти не миновать», — подумала девушка и направилась прямо туда. Подошла ближе, видит дворец. Она вошла во дворец, и перед ней предстала старушка.

— Милая матушка, — обратилась девушка к ней, — ради бога, пусти меня переночевать, я еле жива от усталости.

Старушка приняла ее, повела на кухню и сказала:

— Переночуешь здесь со мной, а утром отправишься в путь.

А девушка заметила, что обитатели дворца одеты в черное и погружены в печаль.

— Матушка, милая, — спросила она старушку, — скажи, ради бога, почему все обитатели дворца одеты в черное и погружены в скорбь?

— Знай же, дочь моя, — ответила старушка, — что наш замок принадлежит одному правителю. Есть у него одна-единственная дочь. Но эта девушка слепая на оба глаза, из-за этой беды мы и носим траур.

А надо сказать, что дом дочери правителя стоял как раз напротив кухни. И девушка, как ни устала, никак не могла забыть несчастную дочь правителя и не спала. Настала полночь, и вдруг девушка увидела, что в комнате дочери правителя зажгли светильник. Девушка подумала: «Ведь дочь правителя слепая, зачем в комнате слепого зажигать светильники? Тут, верно, есть какая-то тайна! Пойду-ка разузнаю, что это такое». Она поднялась, потихоньку прокралась к двери дочери правителя и заглянула в щелочку. Видит она, дочь правителя встала, сняла с полки шкатулку, поставила перед собой, сняла крышку, вытащила оттуда шкатулку поменьше, сняла с нее крышку, просунула в шкатулку палочку, потом провела ею по глазам — и стала видеть! Потом она убрала одну шкатулку в другую, прикрыла крышкой, поставила на полку, а ключ от шкатулки положила на косяк двери, в укромное местечко. Потом она украсила себя на все семь ладов, облачилась в роскошные одеяния, погасила светильник, зажгла маленький фонарик и пошла из комнаты. А наша девушка в это время сиряталась за дверью. Дочь правителя направилась прямо к воротам замка, а девушка-чужестранка — за ней по пятам. Когда они подошли к воротам, дочь правителя дала привратнику денег, и он открыл ворота, а она вышла, сказав:

— Я скоро вернусь.

Тогда девушка-чужестранка решила: «Погоди, уж я сыграю с тобою шутку!» Она тут же вернулась в покои дочери правителя, взяла ключ, открыла шкатулку, вытщила маленькую шкатулку, потом снова заперла большую на ключ, положила ключ на место, вернулась на кухню и улеглась спать. Под утро девушка-чужестранка проснулась, пошла к покоям дочери правителя и убедилась, что та еще не вернулась. Она притаилась у двери, и вскоре дочь правителя пришла, вошла в комнату, сняла с себя нарядные

платья, пошла к шкатулке, сняла крышку — видит, а маленькой шкатулки-то нет! Она принялась бить себя по голове, рыдать и причитать:

— Кто же это проведаль о моих проделках? — Кто украл мою шкатулку?

Но делать было нечего, и пришлось ей ждать и терпеть. Она легла в постель и уснула.

Девушка-чужестранка вернулась на кухню и тоже легла спать. А когда настало утро, дочь купца пошла к старушке и говорит:

— Матушка, я хочу повидать правителя замка по важному делу. Пойди скажи ему, пусть он назначит мне время.

Старушка отправилась во дворец правителя, тот назначил срок, и вскоре девушка-чужестранка предстала перед ним.

— О правитель,— сказала она,— я могу исцелить глаза вашей дочери.

— Девушка, не тревожь моего сердца,— ответил правитель.— Я приводил к дочери лекарей из многих стран, но пользы в этом не было никакой. А теперь ты говоришь, что можешь ее вылечить. Как же это?

— Это ничего не значит,— отвечала девушка.— Пусть приведут вашу дочь. Если я не вылечу ее, то пусть мне вырвут глаза!

Правитель обрадовался и тут же велел привести дочь. Девушка-чужестранка сняла крышку с шкатулки, извлекла зелье, намазала им палочку и дала правителю. Правитель провел палочкой по глазам дочери,— а глаза-то ее были здоровые и зрячие! — она разомкнула веки и сказала:

— Дорогой отец, мои глаза выздоровели, я хорошо вижу.

Правитель обрадовался, приказал тотчас зажечь все огни, сбросить траурные одежды и пировать семь дней и семь ночей. Потом он позвал девушку-чужестранку и сказал:

— Проси у меня, чего душа пожелает. Я все исполню!

— Ничего мне не надо, кроме вашего и вашей дочери здоровья. Я поела вашего хлеба-соли¹ и постаралась отплатить за них. А теперь отпустите меня, у меня есть свои дела.

---

¹ По персидской пословице, тем, в чьем доме «отведали соли», не делают дурного.

Она попрощалась с ними и двинулась в путь — лицом к пустыне, спиной к замку. Шла она, шла — и вновь ночь застала ее в пустыне, а она устала и утомилась. Положилась девушка на бога, пошла дальше и увидела замок.

Девушка вошла во дворец и видит, что и здесь все одеты в траур и погружены в печаль. Она спросила первого встречного:

— О добрый человек, что здесь происходит?

— Ступай своей дорогой, — ответил он. — И так мочи нет сносить это, а тут ты еще пристаешь!

— Почему мочи нет? Почему все здесь одеты в черное? — допытывалась девушка.

— А потому, — отвечал прохожий, — что единственный сын нашего правителя вот уже несколько дней как сошел с ума. Из-за этого и печалятся все жители.

— Добрый человек, — сказала девушка, — у меня есть лекарство, которое поможет сыну вашего правителя. Я могу вернуть ему здоровье и разум за несколько минут.

— Не шути, девушка, — отвечал прохожий. — Великие лекари не смогли исцелить его. Как же это ты можешь его вылечить?

— Ступай к правителю, — сказала она, — и передай ему мои слова: «Мы придем и вылечим его».

Прохожий радостно поспешил к правителю и доложил ему обо всем. Правитель тотчас послал за девушкой, ее привели во дворец, и она дала слово, что тут же вылечит сына правителя.

Царевича привели к девушке, она бросила листья волшебного дерева в чайник, вскипятила и потом дала сыну правителя три чашки отвара. Он выпил, чихнул три раза и мигом выздоровел. Правитель был безмерно рад, приказал всем сбросить траурные одеяния, устроить пиршества и веселиться. А девушке он предложил выдать ее замуж за царевича и пообещал отдать им все свое богатство. Но девушка, как и в первый раз, отказалась, она повернулась спиной к замку и обратилась лицом к пустыне.

Шла она, шла — и пришла наконец к третьему замку. А там собралась толпа, поднялся шум.

— Что здесь происходит? — спросила девушка, и ей ответили:

— В нашем замке живет богатый купец, а у него есть единственный сын. Так вот этот сын заболел волчьей прожорой. Сколько бы он ни съел, не наедается!

Девушка вошла в дом купца, прошла на кухню — что там творится! Чуть не десять поваров собралось. Один рис моет, другой варит, третий плов накладывает, четвертый большое держит блюдо, еще двое тащат блюдо с пловом, а другие подносят пустые блюда.

— Чего ради все это затеяли? — спрашивает девушка.

— Для сына нашего купца, — отвечают ей. — Он заболел волчьей прожорой.

Девушка пробыла в замке весь день и всю ночь. Случилось так, что мать больного на другой день пригласили на свадьбу, и она попросила гостью присмотреть за сыном, пока она не вернется оттуда. Девушка согласилась, и, как только мать больного вышла из дому, она отправилась на кухню. Сначала она высыпала несколько манов* муки в котел с пловом, потом вылила воду из всех посуды, так что в доме не осталось ни капли воды, наказала поварам:

— Сегодня дайте поесть больному на час позднее обычного. И сколько бы он ни кричал, не обращайтесь внимания. Я хочу дать ему особого лекарства. Он вылечится, и вы все отдохнете.

А повара давно уже молили бога о таком милосердии, так как сами они пришли в изнеможение и выбились из сил.

Вскоре больной стал вопить и просить есть, но никто не обратил на него внимания. Он так кричал, что выбился из сил и упал на пол без памяти.

— Ну а теперь накормите его, — сказала девушка поварам, и они тут же опростали котел в блюдо и поставили его перед больным. Тот проглотил все в мгновение ока, а потом стал кричать:

— Умираю от жажды!

— Не давайте ему пить, — приказала девушка, и слуги повиновались ей. Тогда больной стал бегать по комнатам и искать воду по всем посудинам, но нигде и капли не нашел. Девушка же следовала за ним и подстрекала его, пока он не свалился, выбившись из сил. Тогда она подошла к нему и изо всех сил ударила его ногой в поясницу. И тут все увидели, что изо рта юноши выскочил какой-то зверь величиной с кошку. Девушка загнала его в жбан для воды, прикрыла крышкой, а юноша потерял сознание. Она тотчас приготовила для него шербет, дала ему выпить, повела его к постели, уложила, и он заснул. Несчастный юноша

уже несколько месяцев ни на минуту ни разу не смыкал глаз и никому в доме не давал и часу поспать спокойно. Когда все домашние, а особенно повара, увидели, что он спит, они облегченно вздохнули, обрадовались и вознесли молитвы за девушку.

Настал вечер, и мать юноши вернулась со свадьбы. Видит она, что дом, где прежде стоял шум и суматоха, совсем затих, ни звука не слышно. Она встревожилась за своего сына и спросила:

— Почему так тихо в доме?

— Твой сын впервые заснул,— сообщили ей, и она очень удивилась. А девушка вышла ей навстречу, показала зверька, который вышел изо рта юноши, и рассказала обо всем. Мать была несказанно рада, предложила девушке остаться в замке и выйти замуж за ее сына, пообещала передать ей и сыну все богатства мужа. Но девушка отказалась и ответила:

— У меня есть свои дела, мне пора идти.

Простилась она с ними и двинулась в путь. Шла она, шла — и пришла наконец к тому роднику, у которого когда-то остановился ее отец. И случилось так, что она тоже присела отдохнуть у родника, умылась и невольно тяжело вздохнула. Тут вдруг Ох высунул голову из родника и стал препираясь и спорить с ней, где это, мол, ты была до сих пор!

— Вот теперь попалась ты мне,— говорил он.— Сейчас я убью тебя, сдеру с тебя шкуру!

— Что проку в том, что ты меня убьешь? — сказала девушка.— Лучше отведи меня к тому юноше, и я воскрешу его. Если же это мне не удастся, уж тогда делай со мной, что тебе заблагорассудится.

— Закрой глаза и открой,— велел ей Ох.

Она сомкнула и разомкнула ресницы и очутилась перед тем юношей. Она тут же приложила его голову к туловищу, взяла веточку с волшебного дерева и как следует огрела юношу. Тот чихнул, поднялся и сел. Юноша обрадовался безмерно, а она рассказала о всех злоключениях, которые претерпела. Юноша обошелся с ней ласково, обнял и поцеловал, и вот они вновь стали проводить время в пирах и веселье. И так прожили они свой век в радости.

Пусть бог исполнит наши желания, как он исполнил желание той девушки.

МУЛЛА БАХЛУЛ И ПОСОЛ ЦАРЯ ФЕРЕНГИСТАНА

Однажды в Исфахане к шаху Аббасу Великому *, восседавшему в окружении везиров и сардаров * на троне, осыпанном драгоценными камнями, доложили, что прибыл посол франкского * царя и просит дозволения предстать пред очи шаха.

— С каким делом явился к нам посол? — спросил шах везиров, но они не знали этого и посоветовали принять чужеземца и послушать, что он скажет.

Шах Аббас согласился и приказал привести посла. Посол подошел к трону шаха и низко поклонился. По велению шаха принесли стул, усадили посла, угостили его чаем, кофеем, шербетом, сладостями, а потом шах Аббас стал расспрашивать, с каким поручением он послан, чего ради решился на длинный и трудный путь.

Посол встал, поклонился и сказал:

— Да буду я жертвой за вас! Царь франков послал вам привет и велел мне спросить у вас ответ на четыре вопроса. Если сумеете ответить на наши вопросы, мы признаем, что Иран — страна толковых, умных людей, и нам следует держать с вами дружбу, а если не сумете ответить — готовьтесь к войне!

Шах Аббас улыбнулся.

— Хорошо, говори, какие у вас вопросы.

Посол встал с места, снова поклонился и сказал:

— Да буду я жертвой за тебя. Первый вопрос такой: где находится середина земли? Второй вопрос: кого больше — умерших или живых? Третий: сколько на небе звезд? И наконец скажите: где на земле солнце видели лишь один раз?

Шах Аббас обернулся к везиру правой руки и спросил:

— Как нам поступить?

Везир правой руки повернулся к везиру левой руки и спросил его:

— А ты что скажешь? Что нам предпринять?

Везир левой руки ответил:

— Дайте сорок дней, за это время найдем ответы на все четыре вопроса.

— Хорошо, я согласен на этот срок, — сказал везирам шах. — Но если за это время не получу ответа — сдеру с

вас кожу! Смотрите, не позорьте меня перед царем франков...

С этого дня везиры Аббаса переворошили все книги, побывали повсюду, искали ответа на злополучные вопросы у всех старцев, у всех ученых и почитаемых людей, у всех умудренных жизнью, выдавших виды, но никто не сумел дать им ответа. Наконец на улицы и базары Исфахана разослали глашатаев объявить, что тому, кто даст ответы на вопросы царя франков, отдадут в награду половину казны шаха Аббаса.

Каждый день во дворец стекались толпы людей: посол задавал им вопросы, но ответить так никто и не смог. Люди уходили из дворца пристыженные, твердя: «На такие вопросы один только Аллах может ответить».

Настал сороковой день. Шах с самого утра гневался. Грозно нахмурившись, воссел он на трон и призвал палача — настал час наказать неразумных, негодных везиров и сардаров!

В это самое время перед шахом предстал великий везир — садразам и, поклонившись, молвил:

— О шах, прибежище мира, да будет долгой твоя жизнь, ведь сорок дней еще не истекли! Повремени до вечера, и я дам ответы на вопросы посла.

— Хорошо, — согласился шах. — Даю вам срок до захода солнца, но при тебе будут четыре фарраша*. Если ты до сумерек не найдешь ответа, тебя доставят ко мне, не дадут сбежать.

Садразам в сопровождении фаррашей начал обходить город. Улица за улицей оставались позади, наконец у моста Си-во-се он увидел в небольшом доме, похожем на лавку, учителя-муллу и учеников.

Белобородый содержатель школы сидел на подушке. Одной рукой он качал люльку с ребенком, другой рукой взбивал масло в маслобойке; перед ним стояла прялка, которую он двигал ногой, языком он тоже двигал — читал ребятам Коран.

Увидев этого муллу, садразам сказал себе: «Я нашел того, кого искал. Он наверняка сможет ответить на вопросы посла!»

Садразам взошел на мостик и оттуда заметил, что на кровле школы сушилась пшеничная крупа, и там же было укреплено пугало. К ноге пугала была привязана веревка, конец которой держал мулла. Время от времени он тянул

за веревку, и чучело дергалось, пугая воробьев, порохнивших крупу, — они тут же разлетались во все стороны.

Садразам быстро спустился с мостика и спросил окружающих, как звать этого учителя. Ему сказали, что это известный Бахлул, он очень умный и ловкий человек, мастер на все руки.

Садразам вошел в домик, учтиво поздоровался и сказал:

— Почтенный мулла Бахлул, простите, побеспокоил я вас, но к нам прибыл посол от царя франков...

Мулла прервал его:

— Добро пожаловать! Слышал я, слышал про это, голоса ваших глашатаев и до меня дошли, очень хотелось прийти во дворец шаха Аббаса, посрамить посла, ответить на его вопросы, да что поделаешь — занят я. Сами видите, сколько у меня работы.

Бахлул стал перечислять, что ему приходится делать.

— В день я получаю один кран* от бакалейщика за то, что сбиваю для него масло, по одному крану беру за обучение ребят, один кран дает мне купец-мануфактурщик за то, что сушу на кровле школы его пшеничную крупу — я сторожу, дергаю за веревку и раскачиваю пугало, чтобы воробьи не клевали...

— Эй, мулла Бахлул, — прервал садразам, — если вы на часок оставите ваши дела и пойдете во дворец падишаха ответить на вопросы посла, мы щедро вознаградим вас — дадим вам в тысячу раз больше, чем вы зарабатываете за день. Идемте с нами, вызвольте нас из трудного положения, помогите нам обрести покой.

— Так и быть, приду, — согласился Бахлул. — Приду дам ответы, только повремените малость, я схожу домой, уберу, что надо и приду.

Садразам вернулся во дворец и с нетерпением стал ждать появления Бахлула. Он боялся, что мулла обманет его, и от страха и беспокойства горел, как в огне, глаз не сводил с дворцовых ворот.

Мулла тем временем собрал свои вещи, ребят распустил и направился к дому. По пути, на углу одной улицы, он заметил горько плакавшего старика. У несчастного слезы ручьем лились на белую бороду. Жалость к старику наполнила сердце Бахлула, и он подошел к нему узнать, что за беда с ним стряслась.

— Что у тебя за горе, дядюшка, почему ты так горько плачешь?

— А ты что — лекарь? — огрызнулся старик. — Можешь от любой беды избавить? Какое тебе дело до моего горя!

— Ну что же, ежели не хочешь поведать мне про свою беду, не надо, прости, пожалел я тебя. Дай мне разок затянуться из твоего чубука.

— Так бы и сказал сразу, — проворчал старик. — Теперь понятно, чего ради жалеть вздумал да про мое горе расспрашивать: хочешь поживиться моим табаком! Я последний грош за него отдал, а ты возьмешь да выкуришь половину. Ладно, братец, так и быть, затянись разок, видать и ты притомился.

Бахлуд затянулся один раз и вернул трубку старику, говоря:

— Скажи мне все-таки, из-за чего ты плакал?

— Хорошо, слушай мою историю, коли так настаиваешь. Я был купцом, торговал железом, чугуном и разным товаром. Оттого было у меня много денег, дом с садом и добра всякого полным-полно. Некоторое время назад я купил харваров * сорок железа и оставил на хранение в караван-сараяе. Потом я нашел покупателя на свое железо и пришел в караван-сарай забрать его, а там никакого железа нет — кто-то унес. «Где мой товар?» — спрашиваю хозяина караван-сарая, а он говорит: «Откуда нам знать! Может, — говорит, — мыши унесли». Я поднял крик: «Как это так мыши унесли, железо ведь не рис, не горох и не бобы! Сорок харваров железа мыши съели!» Но что толку спорить с бесстыжими людьми!

Пришлось мне пойти к кадию, подать ему жалобу. Кадий послал за хозяином караван-сарая и амбардаром * и спросил их, как это мыши унесли столько железа? А они отвечают, унесли, мол, и все, а как — сами не ведают. Уж не знаю, какую уловку пустили в ход эти мошенники, только кадий принял вдруг их сторону и сказал, что они правы, правду говорят, что он и сам-де знает, как мыши любят есть железо. Услыхал я это и понял, что скажи я хоть слово еще, кадий поколотит меня и выставит вон. Что мне оставалось делать! Покинул я дом кадия, купил па последний кран табаку и присел тут покурить. Скажи, как не заплакать — разорили они меня, по миру пустили. Вон, видишь, у стены осел — это все, чем я теперь владею.

Бахлуд подошел к ослу и оглядел его — жалкий был осел: кривой, хромой, одноухий, но старику сказал так:

— Ого, какой прекрасный осел, заглядежь! Смотри будешь продавать — не продешеви. Когда придут торговать его, меньше чем за пятьсот туманов * не отдавай! За пятьсот туманов — не уступай даже на шай *. Понял?

Старик горько засмеялся:

— Что ты мелешь, братец! В этом городе хорошему египетскому ослу красная цена двадцать туманов, какой сумасшедший даст за моего злосчастливого осла пятьсот туманов?!

— Не твоя забота, дядюшка! Я помолюсь, и Аллах пошлет тебе хорошего покупателя. Только помни, что ты отдаешь его за пятьсот туманов и ни на шай меньше, — повторил Бахлуд и пошел дальше.

Он послал передать садразаму, что готов прийти ответить на вопросы посла франков, да не может явиться пешком. Пускай ему приведут осла — хромого, кривого и одноухого. Иначе вовсе не приедет во дворец.

Садразам позвал фаррашей.

— Найдите быстро осла — хромого, кривого, одноухого, — повелел он. — Я знаю, трудно это, но расшибитесь в лепешку, а достаньте. Найдите и купите, сколько бы он ни стоил!

Фарраши пошли по улицам, переулкам, базарам, повсюду спрашивали, нет ли у кого осла, кривого, хромого, одноухого, и наконец узнали, что на углу такой-то улицы сидит старик с трубкой и у него точно такой осел.

Фарраши разыскали старика и осла.

— Эй, почтенный, не продашь ли нам своего осла? — спросили они.

— Могу продать, только не по карману вам — семьсот туманов ему цена!

— Да ты никак спятил, дядюшка, арабского коня можно купить за 200 туманов, а ты за слепого и хромого осла такую цену заломил!

Старик плечами пожимает.

— Не хотите, не покупайте. Не я вам предлагал, не я пришел к вам продавать. Какую хочу цену, такую и спрашиваю.

— Очень уж ты, дядюшка, несговорчивый, о такой цене и думать не стоит. По сходной цене, может, и купим твоего осла.

— Ладно, вот вам последнее слово — пятьсот туманов и то ради уважения к вам, фаррашам падишаха:

Не видя иного выхода, фарраши заплатили ему пятьсот туманов и отвели к Бахлулу одноглазого, одноухого, хромого осла.

Бахлул хорошенько осмотрел осла, убедился, что это осел того старика, и тогда привязал к его шее маленький колокольчик. Потом взял в руку палку с острым железным наконечником и, воссев на осла, поехал во дворец. По дороге он подбирал лимонные и арбузные корки, очистки, огрызки и кожуру и кидал все это в хурджин, перекинутый через седло ослика. Один из фаррашей удивился:

— Эй, мулла Бахлул, твоя скарედность и бережливость нам хорошо известны — ты подбираешь корки и огрызки, чтобы продать и заработать несколько шаев, но объясни, зачем ты привязал к шее осла колокольчик?

— Э-э, да вы совсем ничего не смыслите! Колокольчик звенит, и муравьи, заслышав звон, успевают отбежать — не попадают ослу под ноги.

Наконец Бахлул и фарраши добрались до дворца падишаха. В воротах путь им преградила стража — велела Бахлулу сойти с осла. Бахлул отказался.

— Я должен въехать во дворец на осле, а если нельзя, поезду обратно.

Стража вынуждена была расступиться и пропустить его. Осел ковылял вперед через шахский двор, но из-за кривого глаза все время забирал вбок и скоро сошел с дорожки. Шагает по цветникам, топчет нежную траву, цветы, ломает ветки роз.

Шах Аббас наблюдал за Бахлулом с айвана * и хоть возмущался, велел не перечить мулле.

— Пусть поступает как хочет — он нам очень нужен. Только он один может нас теперь избавить от войны с царем франков, — сказал шах везирам.

Бахлул въехал на осле прямо в тронный зал и сразу же потребовал молоток. Он вбил маленький колышек в пол — сквозь шелковый ковер, постланный посреди зала, — и привязал к нему недоуздок. После этого он уселся на подушечку, подобрал под себя ноги, обратив лицо к шаху, и хмуро сказал:

— У меня мало времени, велите послу поживей задавать мне вопросы. Я отвечу и вернусь к своим делам.

Все присутствовавшие в тронном зале — везиры, сардары, вельможи умолкли и затаили дыхание, боясь упустить слово из ответов муллы.

Посол поднялся со своего места и сказал переводчику:
— Передай ему наш первый вопрос — где находится середина земли?

Бахлул ответил не задумываясь:

— В том месте, где я вбил и колышек для моего осла.

— А как ты это докажешь? — спросил посол.

— Если ты не согласен со мной — измерь землю, тогда узнаешь, что я прав! — предложил ему Бахлул.

Посол ничего не возразил и задал второй вопрос:

— Кого больше — умерших или живых?

— Об этом и спрашивать нечего! Понятно, мертвых больше: те, что жили прежде, умерли, а те, что живут, умирают, значит, мертвых больше.

Шах и везиры от радости не могли устоять на ногах, ведь Бахлул ответил уже на два вопроса! А у посла, наоборот, испортилось настроение, и брови у него недовольно сдвинулись, тогда он задал мулле третий вопрос:

— Сколько на небе звезд?

— Столько, сколько волос на спине этого осла, а не веришь — встань и сосчитай!

Шах и везиры расхохотались, а посол насунился и задал свой последний вопрос:

— Скажи, в каком месте земли солнце видели лишь один раз?

Бахлул ответил:

— Когда Муса * выводил племя иудейское из Мисра *, Фараон * погнался за ними со своим войском, чтобы не дать им уйти. На берегу моря Муса взмахнул своим жезлом, вода расступилась, и открылось дно морское. Солнце палило так, что дно мигом высохло. Муса и иудеи перебрались по сухому дну. Когда последний из иудеев выбрался на другой берег, первые всадники фараонова войска вступили в море. Когда Фараон со всем своим войском оказался на сухом морском дне, вода хлынула обратно, затопила фараона с его войском. И с того дня то дно морское не видело больше солнца и не увидит до самого Судного дня.

Когда был дан ответ на четвертый вопрос, шах Аббас приказал бить в литавры и праздновать победу шаха Ирана над царем франков. Везиры, сардары, вся знать окружили муллу Бахлула и целовали ему руки.

Посол франков поднялся и попросил разрешения удалиться. Но Бахлул остановил его.

— Господин посол, потерпи малость, у меня к тебе дело. Хочу задать тебе несколько вопросов, посмотрим, сумеешь ли ответить.

— Изволь, спрашивай, — согласился посол, садясь на свое место.

— Какая тварь живет в доме без дверей? Там ест, там и умирает.

— Не знаю, — сказал посол.

— Что с виду сладкое, а по сути горькое?

— Не знаю, — повторил посол.

— А что с виду горькое, а по сути сладкое?

— Во всем Ференгистане * не найдется такого знающего человека, как ты. Прошу тебя, дай сам ответы на свои вопросы, — сказал посол.

— Хорошо, я скажу тебе, каковы ответы на эти вопросы, поскольку ты гость шахиншаха, а гостеприимство мы ценим высоко. Тварь, которая живет в доме без дверей

и никогда не видит белого света, — это червь в яблоке. С виду сладкое, а по сути горькое — это наш мир, так как, сколько бы человек на этом свете ни исполнял свои желания, в конце все равно приходит смерть и уносит его. С виду горькое, а по сути сладкое — это загробная жизнь, так как если человек свой короткий век на земле проведет в благочестии, то, когда умрет, попадет в рай.

Посол, услышав ответы Бахлула, со стыда не знал, куда деться и ушел туда, откуда явился, — вернулся в свой Ференгистан.

Шах Аббас обратился к Бахлулу и молвил:

— Эй, почтенный мулла Бахлуд, я обещал подарить половину своей казны тому, кто сумеет ответить на вопросы посла. Поэтому ты сейчас получишь половину моей казны!

— Да буду я жертвой за тебя, о владыка! Я нисколько не нуждаюсь в земных сокровищах. У меня к тебе одна только просьба — пусть ваша милость напишет своей рукой для меня два слова: «Мулла Бахлуд, согласно моему велению, является шахом мышей», — сказал мулла Бахлуд.

Шах засмеялся.

— Эй, мулла, какое удивительное у тебя желание! На что тебе такая бумага?

— Да буду и жертвой за тебя, о шах, это уж мое дело. Прошу, выдай мне такую бумагу. Напиши, что с сегодняшнего дня мулла Бахлуд — шах мышей.

Шах Аббас тут же написал указ и отдал Бахлулу. Мулла Бахлуд, выйдя из дворца падишаха, нанял двенадцать здоровенных работников и велел им подрыть со всех сторон дом кадия.

Кадий выбежал из дому и стал бранить землекопов — почему вы, мол, роете под моим домом, он же обрушится в конце концов! Те ответили, что им приказал мулла Бахлуд, а они должны слушаться его.

Кадий бегом примчался к мулле Бахлулу и спросил:

— Почему ты дал такой приказ?

Мулла показал ему указ падишаха.

— Мне сообщили, что мыши-мошенники съели сорок харваров железа. Хочу найти их и вынуть из их желудков железо, — объяснил мулла.

— Ты что, с ума сошел? Как могли мыши съесть сорок харваров железа? Железо не рис, не пшеница! — воскликнул кадий.

— Очень хорошо! Если ты доподлинно знаешь, что мыши не едят железа, напиши это на бумаге, приложи свою печать и дай мне, тогда я распоряжусь оставить твой дом в покое.

Кадий написал, что мыши не воруют железа и не едят его, скрепил свои слова печатью и дал Бахлулу. Мулла спрятал бумагу в карман и отвел нанятых людей к караван-сарая, в котором хранилось железо, и велел им рыть подкоп под караван-сарай. А сам стал наблюдать за ними.

Выбежали владелец караван-сарая и амбардар *, кинулись к Бахлулу крича:

— Эй, Бахлуд, почему они здесь роют?

Мулла показал бумагу, написанную шахом Аббасом, и объяснил:

— Смотрите, читайте: я — падишах мышей. Прослышал я, что ваши бессовестные мыши украли и съели тридцать-сорок харваров железа. Хочу найти их и снять с них шкуру!

— Эй, Бахлуд, что ты говоришь, что делаешь? Мыши никогда не воруют и не едят железа! — завопили владелец караван-сарая и амбардар.

— Если это так, напишите два слова на бумаге, что мыши не крадут железа и не едят его. Я оставлю ваших мышей в покое.

Они написали так, как требовал мулла Бахлуд, и дали ему бумажку.

Мулла Бахлуд пошел за стариком, которого обокрали эти двое — владелец караван-сарая и амбардар. Найдя старика, мулла вручил ему обе бумаги — от кадия и владельца караван-сарая — и сказал:

— Отнеси к начальнику стражи, подай ему жалобу и расскажи всю свою историю.

Начальник стражи послал за кадием и владельцем караван-сарая. Когда они явились, он спросил их:

— Вы сказали этому старику, что его железо украли и съели мыши, а вот на бумаге написали, что мыши никогда не крадут и не едят железа! Когда же говорили вы правду?

Ни кадий, ни владелец караван-сарая, ни амбардар, конечно, ничего ответить не могли, и пришлось им отдать старику стоимость его железа.

Старик, выходя от начальника стражи, увидел на улице муллу Бахлула.

— Видишь, старик, за одну затяжку из твоей трубки я продал твоего никчемного осла за пятьсот туманов, а теперь заставил мошенников вернуть тебе деньги за железо. Иди своей дорогой, мне ничего от тебя не надо. Я увидел, что тебя постигла беда, и помог во имя бога.

СКАЗКА О ХИТРОЙ ЖЕНЕ

Жила на свете одна женщина, и был у нее любовник. Однажды вечером любовник напился вина, стал буянить. Стражник схватил его и повел к начальнику стражи. А тот приказал отвести его к кадию *. Кадий же велел дать пьяному сто ударов плетью и бросить в темницу.

Поздней ночью видит женщина, что ее дружок не идет, отправилась искать его и разузнала обо всем. Дождалась она утра, написала четыре жалобы, а уж сама приварядилась и украсилась — на все семь ладов! Сначала она отправилась во дворец наместника и попросила привратника доложить, что пришла женщина с прошением и хочет сама его отдать.

Наместник приказал ввести ее. Женщина вошла, подмигнула кокетливо наместнику и подала жалобу. Наместник развернул бумагу и видит, что там написано: «Прошу сегодня вечером пожаловать ко мне. Мы повеселимся и погуляем». А женщина была красоты неопишуемой, сердце наместника пленилось ею, и он ответил:

— С превеликим удовольствием. Буду в условленный час, где ты указала.

Потом женщина отправилась в дом кадия, и там тоже выкинула подобную шутку, но назначила кадию свидание на час позже наместника. Затем она пошла в дом начальника стражи, вручила ему приглашение и позвала в гости часом позднее кадия.

И уж затем хитрая женщина пошла к столяру и заказала шкаф с тремя отделениями. Столяр, надо сказать, влюбился в нее с первого взгляда, и на ее вопрос о цене и сроке он только ответил:

— Ханум *, забирай хоть сейчас, и платы никакой мне не надо.

— Хорошо,— сказала она,— шкаф обязательно к вечеру должен быть у меня. А только ты пристрой к нему четвертое отделение.

— Будет исполнено,— ответил столяр.— Присылай за ним вечером, он будет готов.

— А за платой своей ты приходи ко мне часа через четыре после захода солнца,— пригласила хитрая женщина столяра и указала точно, где ее дом.

Вечером женщина пришла к столяру, убедилась своими глазами, что он сбил именно такой шкаф, какой она хотела. Она велела хаммалу * взять шкаф, и они двинулись к ее дому. Дома она установила шкаф в комнате для гостей, приготовила пять белых платьев, роскошное ложе, убрала комнату, зажгла все светильники, поставила посредине вино, сласти и всякую всячину и стала ждать.

Спустя час после наступления сумерек слышит она стук в дверь. Женщина тут же вскочила, открыла дверь, видит: наместник пришел. Она встретила его приветствиями и любезностями, отвела в комнату для гостей, усадила, стала угощать и развлекать. Через час опять раздался стук в дверь.

Женщина вроде растерялась и воскликнула:

— Вот беда! Муж сказал, что не придет в эту ночь домой. А теперь вот, видите, вернулся... Попалась я! Куда же я вас дену?

Сказала она так, посмотрела на наместника и предложила:

— Послушайте меня, залезайте в этот шкаф, а я вас запру. Уж я заморочу мужу голову, одурачу его, а потом мы снова повеселимся как следует.

— Хорошо,— согласился наместник и тотчас втиснулся в одно из отделений шкафа. Женщина заперла его на замок и пошла открывать дверь.

А это кадий явился точно в назначенный срок. Женщина приветствовала его, наговорила ластивых слов, погладила его бороду и провела в комнату для гостей. Сели они пить вино и угощаться, часа не прошло, как постучали в дверь. Женщина забеспокоилась и говорит:

— Ну и не везет же мне! Это муж! Он стучит в дверь! Что же мне с вами делать? И бежать-то некуда... Может, лучше вам спрятаться в этом шкафу, а я запру снаружи?.. Я уж как-нибудь отведу ему глаза, а когда он уйдет, вы вылезете из шкафа и мы сядем пировать и веселиться.

— Торопись же, нравоверная! — воскликнул кадий. — Не мешкай.

Женщина скорей открыла второе отделение,пустила туда кадия,заперла его и пошла открывать дверь.

А это был начальник стражи в полном вооружении. Она и его любезно приветствовала, отвела в комнату для гостей, усадила, стала поить вином и угощать всякими сладостями и фруктами. Не прошло и часу, как постучали в дверь, и женщина запрочитала:

— Горе мне! Как неладно получилось! Мой муж сегодня не должен был приходить домой, а вот пришел же! Это он стучит в дверь. Надо мне как-нибудь надуть его и поскорее выпроводить из дому. И тогда мы снова сядем пить и веселиться. Да вот еще что, господин начальник стражи, у меня есть брат. Он вчера напился и набедокурил, и его посадили по вашему приказу в темницу. Скажите мне пропуск. Я отправлю в тюрьму своего слугу, он вызовет брата, и тот через часок тоже будет здесь с нами. Я и его обедаю вокруг пальца, он уйдет, а мы до самого утра будем веселиться и пировать.

Начальник стражи растерялся и испугался, а женщина была очень красивая, так что он и не подумал о коварстве женщины и сказал:

— Пусть твой слуга пойдет в темницу и велит немедленно отпустить заключенного. Пропуск же «караул».

Женщина поблагодарила его и сказала:

— А теперь залезьте в этот шкаф, а я вас снаружи запру. Как только выпровожу мужа, вызволю вас.

Начальник стражи не стал мешкать, залез в третье отделение шкафа, она заперла его, потом пошла открывать дверь, а там стоит столяр. Она давай его бранить.

— Ну и болван же ты, столяр! Что это за шкаф ты мне сколотил?

— Что ты, что ты, ханум,— говорит столяр. Чем ты недовольна? Да пусть я буду жертвой твоего луноподобного лица!

— Я ведь наказывала тебе, чтобы в каждую дверцу мог пролезть человек, а там даже кошка не пролезет,— говорит женщина.

— Быть того не может,— говорит в ответ столяр.— В каждом отделении обязательно поместится человек.

— А ты сам попробуй,— говорит женщина. Столяр вошел в комнату, сбросил одежду и в одном исподнем за-

лез в шкаф. Женщина сразу подскочила, заперла его, а сама вышла из дому и отправилась прямо в темницу. Там она сказала тюремщику:

— Начальник стражи приказал освободить из-под стражи того, кого вчера посадили за пьянство.

— Ханум, а какой пропуск?

— «Караул»,— ответила она.

— Верно,— говорит тюремщик.— Будет исполнено.

С этими словами он вошел в темницу, вывел ее дружка и отпустил на свободу. Женщина с радостью увела своего милого, а по дороге рассказала ему подробно о своих приключениях, как она схитрила, как поступила с наместником, кадием и начальником стражи, которые обидели ее друга.

— Смотри, ведь это плохо кончится,— испугался дружок.— Как ты теперь выпутаешься из этого дела?

— А ты не робей,— говорит ему женщина.— Положись на меня. Пойдем отсюда, я тебе дорогой расскажу, как я с ними поступлю.

Пришли они к ней в дом, тут она и говорит своему дружку:

— Ну, с богом, собери-ка всю домашнюю утварь.

Вынесли они из дома все, что там было, сложили во дворе. А надо вам знать, когда те гости приходили к ней, женщина уговаривала их раздеться и надеть белые одежды, которые она нарочно приготовила для них. Тут она собрала вместе со своими вещами также одежду гостей, обшарила карманы. В кармане наместника нашлось триста туманов, у кадия — сто туманов. А у начальника стражи, который в этот день отхватил большую взятку, оказалось и того больше. Деньги она забрала себе, платья гостей сунула в сундук, а дружка послала за подводами. Когда он вернулся, они перевезли все вещи в дом друзей, собрали денежки, сели на коней и бежали в Хорасан*.

А те бедняги — наместник, кадий, начальник стражи и столяр — сидят себе и даже голоса женщины не слышат. Они подумали, что ей, наверное, не удалось отделаться от мужа. Делать нечего, набрались они терпения и стали ждать. Пришел день, сквозь щели в шкафу стали они на свет поглядывать. И тут столяр не удержался и запричитал:

— Господи, боже! Ну и натерпелся я страха! Что это за напасть я сам для себя сколотил?..

А начальник стражи сидел рядом со столяром в шкафу, он услышал его жалобы и спрашивает:

— Кто ты?

— Я несчастный столяр, которого обманула красота этой коварной женщины. Своими руками вырыл я яму, в которую угонялся. А ты кто?

Я начальник городской стражи. Видно, мы в одну яму попали!

Кадий узнал голос начальника стражи и говорит:

— Друг мой, начальник стражи, городской кадий тоже вместе с вами.

Тут наместник услышал голоса своих подчиненных и вмешался:

— И еще один друг ваш тоже здесь.

А тут как раз подошел хозяин дома. Он уже давно сдал дом внаймы той женщине, да никак не мог с нее плату получить. Вот он и решил вырвать у нее свои деньги во что бы то ни стало. Он начал стучаться, но никто ему не отвечал. Хозяин толкнул сильно дверь, и она раскрылась. Он вошел, огляделся, прислушался: ничего не видно, не слышно. Прошелся по комнатам, видит: ни одной живой души нет, дом пустой. Хозяин смекнул, что хитрая женщина околпачила его и улизнула. Разозлился он, стал от огорчения рвать волосы и приговаривать:

— О мерзавка! Все-таки ты провела меня! Не отдала мне плату за несколько месяцев и скрылась, даже шепки здесь не оставила! Ну покажу я тебе! Разыщу тебя, где бы ты ни была!

С проклятиями он бродил по комнатам, как вдруг увидел большой шкаф. Тут он обрадовался, что хоть

что-то ему досталось. Подошел поближе, слышит: кто-то шепчется. Сначала хозяин задрожал от страха, потом подкрался на цыпочках и поглядел в щелочку. Что же он увидел? Трое или четверо мужчин переговариваются между собой и возносят мольбы к богу, чтобы избавиться от напасти. Хозяин дома сообразил, что женщина и тут что-то натворила, вовлекла в беду добрых людей.

— Люди вы или джинны *? — спросил он громко.

— Добрый человек, — говорит начальник стражи, — мы не джинны и не дивы *, ни гули *, и не пери *. Мы четверо несчастных мужей, мы попались в сети одной подлой, коварной женщины. Освободи нас отсюда, век будем тебе благодарны.

Владелец дома набрался храбрости, подошел к шкафу, сбил замок с первой дверцы и открыл ее. Что же он видит? Оказывается, сам наместник сидит в мышеловке! Вытащил он наместника, а у того уж и ноги онемели, оттого что он сидел скорчившись. Наместник кое-как распрямился и говорит:

— Добрый человек, теперь освободи моих друзей, — а у самого пот ручьями от стыда льется.

Владелец дома разбил замки и на других дверцах и освободил из заключения кадия, начальника стражи и столяра. Посоветовались наместник, кадий и начальник стражи и решили, что никому об этом деле говорить не следует, чтобы не пошла о них дурная слава.

И вы, дорогие слушатели, храните эту тайну! Жаль, только, говорят, если о тайне знают двое, то она — на устах всего мира.

СКАЗКА ПРО СТАРУХУ И КОШКУ

Было так, а может, не было. Жила-была старуха. Пошла она как-то в мечеть: шла она, шла — и вдруг увидела на земле монету, подняла ее и купила себе кислого молока. Принесла домой, поставила на сундук и снова отправилась в мечеть. А когда вернулась домой, видит: кошка молоко съела. Старуха ничего ей не сказала, пошла принесла топор и положила рядом с собой. Кошка подо-

шла и улеглась спать у ее ног. Тогда старуха подняла топор, отрубила кошке хвост и спрятала его.

— Отдай мне мой пестрый хвост! — взмолилась кошка.

— Принеси мне мое кислое молоко, тогда отдам хвост, — отвечает старуха.

Кошка пошла к козе.

— Дай мне, козочка, молока, я заквашу и отдам простоквашу старухе, а она вернет мне хвост.

— Принеси мне поесть косточку от финика!

Пошла кошка к финиковой пальме. Пальма ей сказала:

— Ты меня не поливала, а теперь косточку просишь?!

Пошла кошка к колодезю.

— Дай мне горсть воды, колодец! Я полью пальму, она даст мне финик, фивик я сама съем, а косточку козе отнесу, она даст мне за это молока, из молока я сделаю простоквашу и отнесу ее старухе — тогда старуха вернет мне мой пестрый хвост.

Колодец сказал ей:

— Ты меня не рыла! Иди к кузнецу, возьми лом и лопату, углуби меня, тогда дам воды.

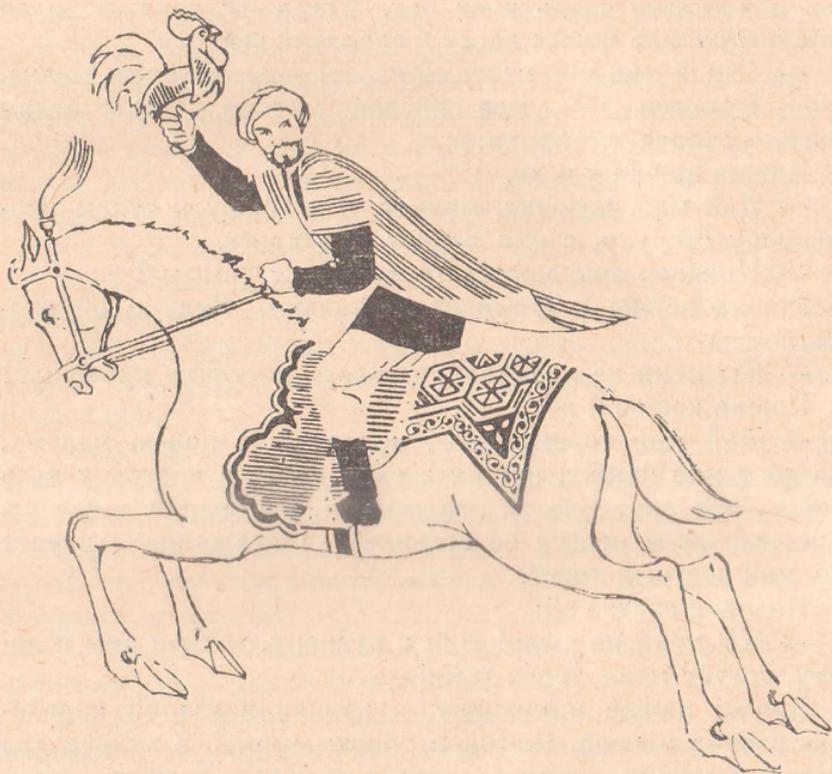
Кошка пошла к кузнецу, а кузнец велел ей переловить в доме мышей. Поймала кошка мышей, и кузнец дал ей лом и лопату, вернулась она к колодезю. Углубила кошка колодец, и он дал ей воды. Пошла кошка, полила водой пальму, напоила ее корни, и пальма дала ей финик. Финик кошка съела сама, а косточку отнесла козе, и коза дала ей молока. Кошка сделала из молока простоквашу и принесла старухе, а старуха вернула кошке ее пестрый хвост. На этом нашей сказке конец.

ПРО ВЕЗИРОВ И ЛОЖЬ

Было так, а может, не было. У шаха Аббаса * было двенадцать везиров. Однажды шах сказал им:

— Никакого прока я от вас не вижу, даже развлечь не можете. Есть у меня золотой петух. Кто сумеет сказать мне неслыханную ложь, тот получит этого петуха.

Один из везиров начал врать так:

— Отправился я к реке, по дороге вижу: петух ухватился за соху и пашет землю.

Шах прервал его:

— Этот петух, наверное, оскопленный был.

Поднялся другой везир и стал рассказывать:

— Отправился я в Бомбей и вижу: десять человек вместе выделявают один медный котел...

Шах и его оборвал:

— Этот котел, наверное, годится для того петуха.

Встал третий везир и начал:

— Пошел я к реке и увидел там огромный гриб, весом в целый ман *...

Шах прервал везира.

— Этот гриб хорош для того котла.

В это время подошел к ним какой-то путник и спросил:

— О чем у вас тут разговор?

Шах объяснил, чего он требует от везиров.

Путник и говорит:

— Когда-то мой отец дал твоему отцу триста туманов * в долг. Если это так, верни мне деньги, а если это ложь, отдай мне золотого петуха.

— Денег я тебе не дам,— сказал шах.— Забирай петуха и иди своей дорогой.

Путник не стал мешкать — взял петуха и пошел прочь.

— Мы старались, а петуха забрал он! — с возмущением сказал первый везир.— Пойду догоню его и отниму петуха.

— Петух был здесь, ты не сумел завладеть им, упустил его, а теперь надеешься отнять его?! — рассмеялся шах.

— Да, пойду и отниму,— уверил его везир.

Он оседлал коня, вскочил на него и скоро настиг путника.

— Эй, стой! — окликнул везир путника.— Хочу тебя спросить.

— Говори, слушаю,— отозвался тот.

— Скажи-ка мне, где пуп земли, или отдавай петуха.

— Иди наши и узнаешь.

— Ладно, есть у меня еще вопрос.

— Говори.

— Что в воле Аллаха?

— Сойди с коня и поддержи моего петуха,— сказал путник.— Я сяду на твоего коня и отвечу тебе.

— Хорошо,— согласился везир.

Путник сунул ему в руки петуха, сел верхом и сказал:

— Ну-ка, дай мне пока петуха.

Везир вернул ему петуха, и тогда путник молвил насмешливо:

— Воля Аллаха в том, что ехавшего верхом сделал пешим, а меня, пешего, усадил на коня. А теперь прощай!

С этими словами путник ускакал, а посрамленный везир вернулся домой.

ХИТРАЯ ЖЕНА, МУЖ И ЛУРЫ

Жила на свете женщина, а у нее был дружок, в котором она души не чаяла. И вот однажды дружок ей и говорит:

— Голубка моя, охота мне поесть калле-паче *.

— Хорошо, сегодня же скажу мужу, чтобы он купил баранью голову и ножки.

— Муж-то купит, да мне что с того? Купит, так сам и съест.

— А это уж не твоя печаль. Можешь не беспокоиться, без тебя студня не тронем.

Вечером, когда муж вернулся домой, жена ему говорит:

— Дорогой муженек, мне страсть как хочется отве-
дать студня.

— Что ж, ладно. Завтра куплю баранью голову и ножки.

На другой день муж пошел на базар, купил все что надо, принес домой, а жена приготовила славную похлебку. А потом говорит мужу:

— Дорогой муженек, говорят, что вдвоем есть одну баранью голову — плохая примета. Надо нам пригласить третьего.

— Где же мы сейчас третьего разыщем?

— Ступай в мечеть совершить намаз,— предложила жена.— Пригласи того, кто будет стоять рядом с тобой.

А она уже условилась с дружком, чтобы тот в мечети стал рядом с ее мужем.

— Как только он позовет тебя,— наказала она дружку,— ты соглашайся без отговорок и приходи прямо к нам.

Но случилось так, что когда ее муж пошел в мечеть, то дружок замешкался и опоздал, и рядом с мужем оказались четверо неотесанных грубых луров *. Дружок увидел такой оборот дела, и ему ничего не оставалось, как сесть поодаль: рядом с мужем места уже не было.

Как только муж окончил намаз, он повернулся к тем лурам и говорит:

— Почтенные, мы купили баранью голову и сварили. Пойдемте ко мне, я вас угощу.

Дуры не заставили себя упрашивать и пошли в гости.

Жена тем временем, как только наступил вечер, прибрала комнату, подмела, зажгла светильники, сходила в баню, навела на себя красоту на семь ладов, пришла домой и стала ждать, когда муж постучится в дверь. Только услышала она стук, побежала открывать и видит, что муж привел четырех неотесанных и грубых луров. Когда они расселись в комнате, она отозвала мужа в сторонку и говорит:

— Разве я просила тебя приводить четырех грязных луров? Ведь нам и накормить их нечем. Как ты выпутаешься из этого?

— Ничего не поделаешь, — отвечает ей муж.

— Ладно, — согласилась жена, — видно бог послал им сегодня ужин в нашем доме. Ну ступай купи поскорее хлеба на сто дирхемов *, а я подолью в котел воды.

— Хорошо, — ответил муж и пошел за хлебом. А жена пошла в чуланчик, взяла кусок бараньего курдюка и давай толочь его в ступе. Когда пришло время мужу вернуться, она схватила котел с бараньей головой, спрятала подалше, потом вышла к гостям и говорит:

— О рабы божьи, по какому делу вы пожаловали? У моего мужа завелась привычка дурно шутить. Он зазывает вечером гостей, а мне велит

измолотить в ступе кусок курдюка. Когда же пестик как следует покроется жиром и станет скользким, он засовывает его гостям в зад. Вот я вам все рассказала, а ваше дело поступить, как сочтете нужным.

Что там говорить о лурах? Они повскакали со своих мест и пустились стремглав наутек, словно у них не по две, а по четыре ноги было. А жена подняла шум и крик:

— Они утащили мой котел!

По воле судьбы случилось так, что тут как раз муж подоспел, спрашивает он:

— Женушка, что случилось?

— Твои гости утащили наш котел и пустились наутек!

Муж бросил на землю лепешки, кроме одной, пустился вдогонку за лурами и стал их упрашивать:

— Ради бога, дайте мне хотя бы кончик обмакнуть!

А луры подумали, что он говорит о кончике песта, они испугались пуще прежнего и прибавили ходу, так что мужу ничего не оставалось, как вернуться. Пришел он домой, поворчал немного, жену послушал, потом съел лепешку всухомятку и лег спать впроголодь. Утром муж встал и отправился по своим делам. А жена тут же пошла, позвала своего дружка, подогрела котел, и они стали уплетать калле-паче. За едой она рассказала дружку о вчерашних приключениях, и они нахохотались вдосталь.

СКАЗКА О ЮВЕЛИРЕ, СЧАСТЬЕ КОТОРОГО ЗАСНУЛО И ВНОВЬ ПРОБУДИЛОСЬ

Жил на свете купец, он торговал драгоценными камнями. В один прекрасный день в его лавку пришла почтенная женщина, чтобы купить драгоценностей. Какие только он ни показывал камения, ей все не нравилось. Наконец она сказала:

— Мне нужен изумруд весом в три или четыре карата и особой формы.

— Ханум *,— ответил ювелир,— такой изумруд стоит очень дорого!

— Пусть так,— ответила женщина.— Я сполна заплачу цену, которую назначат несколько ювелиров.

Тогда ювелир поставил перед женщиной шкатулку с камнями, вытащил оттуда камень, какой она хотела, передал ей.

— Это как раз то, что я хочу,— сказала она,— назови цену.

Ювелир запросил сто тысяч туманов, она стала торговаться, но так они и не сторговались, женщина вернула ему изумруд и вышла. Он стоял, держал изумруд в руке и вдруг выронил его, а в лавке, кроме него, никого не было. Сколько ни искал он камень — не смог найти. И он тогда подумал: «Не стоит зря так стараться. Наверное, судьба отвернулась от меня. Надо что-то другое придумать».

Он не мешкая собрался в путь, взял с собой денег побольше и отправился в другой город. Там он открыл было торговлю, но прибыль была ничтожна, а убытки велики, и ювелир понял, что судьба отвернулась от него. Он возвратился в родной город, продал все имущество, вырученные деньги оставил на хранение у одного почтенного купца и опять уехал в чужие края.

Приехав в другой город, ювелир пришел к одному купцу и говорит ему:

— Не хочешь ли слугу нанять?

— Хочу, да толкового.

— Не бойся,— отвечает ювелир,— я во всяком деле толк знаю.

— А какую же ты плату хочешь,— спрашивает купец,— без этого ведь сделки не бывает.

— Пока не надо мне платы,— говорит ювелир.— Поживу у тебя немного, мы познакомимся поближе, тогда и будем говорить о сделке.

Купец согласился, и ювелир остался у него.

А у того купца был обширный сад. Ювелир пошел однажды в тот сад, обошел его кругом и видит огромное ореховое дерево, с которого снимали, наверное, больше тысячи манов * орехов. Вечером он и говорит купцу:

— Не надо мне от тебя другой платы, кроме урожая с этого ореха.

— Добрый человек,— отвечает купец,— да ведь орех не обеспечит тебя одеждой и пропитанием!

— Ничего, ты уж не беспокойся. Запиши только дерево на мое имя — и делу конец.

измолотить в ступе кусок курдюка. Когда же пестик как следует покроется жиром и станет скользким, он засовывает его гостям в зад. Вот я вам все рассказала, а ваше дело поступить, как сочтете нужным.

Что там говорить о лурах? Они повскакали со своих мест и пустились стремглав наутек, словно у них не по две, а по четыре ноги было. А жена подняла шум и крик:

— Они утащили мой котел!

По воле судьбы случилось так, что тут как раз муж подоспел, спрашивает он:

— Женушка, что случилось?

— Твои гости утащили наш котел и пустились наутек!

Муж бросил на землю лепешки, кроме одной, пустился вдогонку за лурами и стал их упрашивать:

— Ради бога, дайте мне хотя бы кончик обмакнуть!

А луры подумали, что он говорит о кончике песта, они испугались пуще прежнего и прибавили ходу, так что мужу ничего не оставалось, как вернуться. Пришел он домой, поворчал немного, жену послушал, потом съел лепешку всухомятку и лег спать впроголодь. Утром муж встал и отправился по своим делам. А жена тут же пошла, позвала своего дружка, подогрела котел, и они стали уплетать калле-паче. За едой она рассказала дружку о вчерашних приключениях, и они нахохотались вдосталь.

СКАЗКА О ЮВЕЛИРЕ, СЧАСТЬЕ КОТОРОГО ЗАСНУЛО И ВНОВЬ ПРОБУДИЛОСЬ

Жил на свете кунец, он торговал драгоценными камнями. В один прекрасный день в его лавку пришла почтенная женщина, чтобы купить драгоценностей. Какие только он ни показывал камения, ей все не нравилось. Наконец она сказала:

— Мне нужен изумруд весом в три или четыре карата и особой формы.

— Ханум *, — ответил ювелир, — такой изумруд стоит очень дорого!

— Пусть так,— ответила женщина.— Я сполна заплачу цену, которую назначат несколько ювелиров.

Тогда ювелир поставил перед женщиной шкатулку с камнями, вытащил оттуда камень, какой она хотела, передал ей.

— Это как раз то, что я хочу,— сказала она,— назови цену.

Ювелир запросил сто тысяч туманов, она стала торговаться, но так они и не сторговались, женщина вернула ему изумруд и вышла. Он стоял, держал изумруд в руке и вдруг выронил его, а в лавке, кроме него, никого не было. Сколько ни искал он камень — не смог найти. И он тогда подумал: «Не стоит зря так стараться. Наверное, судьба отвернулась от меня. Надо что-то другое придумать».

Он не мешкая собрался в путь, взял с собой денег побольше и отправился в другой город. Там он открыл было торговлю, но прибыль была ничтожна, а убытки велики, и ювелир понял, что судьба отвернулась от него. Он возвратился в родной город, продал все имущество, вырученные деньги оставил на хранение у одного почтенного купца и опять уехал в чужие края.

Приехав в другой город, ювелир пришел к одному купцу и говорит ему:

— Не хочешь ли слугу нанять?

— Хочу, да толкового.

— Не бойся,— отвечает ювелир,— я во всяком деле толк знаю.

— А какую же ты плату хочешь,— спрашивает купец,— без этого ведь сделки не бывает.

— Пока не надо мне платы,— говорит ювелир.— Поживу у тебя немного, мы познакомимся поближе, тогда и будем говорить о сделке.

Купец согласился, и ювелир остался у него.

А у того купца был обширный сад. Ювелир пошел однажды в тот сад, обошел его кругом и видит огромное ореховое дерево, с которого снимали, наверное, больше тысячи манов * орехов. Вечером он и говорит купцу:

— Не надо мне от тебя другой платы, кроме урожая с этого ореха.

— Добрый человек,— отвечает купец,— да ведь орех не обеспечит тебя одеждой и пропитанием!

— Ничего, ты уж не беспокойся. Запиши только дерево на мое имя — и делу конец.

Купец согласился и переписал на имя ювелира ореховое дерево.

Ювелир исправно служил купцу, выполнял всю работу, какую скажут, так что купец на него не нарадуется. Но прошло немного времени, и видят они, что орех стал чахнуть. Вскоре он совсем захирел, высох, и пришлось его срубить.

Однажды купец вышел в сад погулять, видит, что орех, который был переписан на имя слуги, высох и срублен под корень. А слугу звали Хаджи Али-Ага.

— Хаджи Али-Ага! — крикнул он. — Подойди-ка! Скажи, добрый человек, почему высохло это дерево?

— С того самого дня, как орех был переписан на меня, — ответил слуга, — он стал сохнуть.

Купец стал уговаривать слугу согласиться на другую плату или взять другое дерево, но слуга отказался.

— Нет у меня никого, о ком надо заботиться, — ответил он, — живу я в твоём доме и ни в чём не нуждаюсь.

Так прошло два года, наступил третий. Купец очень полюбил своего слугу, так как видел, что слуга понимает толк во всех делах и служит ему преданно.

В конце третьего года Хаджи Али-Ага заглянул как-то раз в сад и видит, что от корня срубленного дерева пробился зелёный побег и стал расти ввысь. Он, радостный, пришёл к купцу и говорит:

— Мой орех снова зазеленел и расцвел, как невеста.

Купец удивился, пошел в сад и видит, что и впрямь вырос прекрасный побег.

Настал четвертый год. А дерево разрослось и принесло столько орехов, что ювелир наш подумал: «Ну теперь нечего тужить, видно, счастье мое пробудилось».

Когда орехи созрели, слуга продал их за хорошие деньги, накупил на деньги товару, пришёл к своему хозяину и говорит:

— Добрый человек! Четыре года я служил у тебя, и ни разу ты не спросил, откуда я и чем занимаюсь. Я тоже не рассказывал тебе о своих делах. Ну а теперь знай, что я знатный купец Хаджи Али-Ага. А случилось со мной вот что. Однажды я торговал в своей лавке драгоценными камнями. У меня из рук выпал дорогой самоцвет и потерялся. Сколько я ни искал его, не смог найти. Тут я смекнул, что счастье покинуло меня. Я закрыл свою лавку, продал имущество, вырученные деньги оставил на хране-

ние у одного почтенного купца и прибыл в ваш город. Здесь я переписал на свое имя тот плодоносный орех, чтобы по этому дереву судить о том, когда проснется мое счастье. Ты сам видел, счастье так отвернулось от меня, что дерево тут же высохло, и его пришлось срубить. Я ведь вовсе не ради доходов переписал на себя то дерево. Просто мне хотелось испытать свою судьбу. И вот теперь, спустя четыре года, когда дерево вновь зазеленело и дало плоды, мне захотелось вернуться в родные края. Ведь за это время у меня не было вестей о жене и детях! Я продал урожай с ореха и на вырученные деньги купил немало товара. А теперь, прошу тебя, отпусти меня подобру-поздорову. И если за эти четыре года я провинился в чем-нибудь, то прости меня, сделай милость. Спасибо тебе за хлеб, который я ел у тебя.

Купец поднялся, поцеловал ювелира и стал просить у него прощения.

— Прости меня,— говорил он,— ведь я не знал тебя! А иначе разве я допустил бы, чтобы ты был у меня слугой?

Купец щедро одарил его, и ювелир тронулся в путь, в родной город. Как только он прибыл туда, зашел он в свою лавку, открыл дверь и вдруг видит: блестит на полу потертый изумруд! Ювелир тотчас подобрал камень, очень обрадовался, запер скорей лавку и пошел к себе домой. Жена и дети, выбежали ему навстречу, то плачут, то смеются.

А на следующее утро ювелир отправился в свою лавку и по-прежнему начал торговать самоцветами, и так прожил в радости и веселье остаток своих дней.

СКАЗКА ПРО ШАХЗАДЕ МОХАММЕДА

Было так, а может, не было, жил на свете падишах и было у него три сына — Джамшид, Хоршид и Мохаммед. Долго жил падишах, но вот настало время вручить богу душу. Он занемог и призвал к себе сыновей.

— Слушайте меня,— сказал он им,— дети мои, мои наследники, и запомните мой наказ! В нашем городе семь

ворот. Одни из них я велел запереть и замазать глиной, чтобы вы не открывали их и не выходили через них из города. В какой бы стороне вы ни надумали погулять или поохотиться, все равно не выходите через те ворота, даже не глядите на них.

Прошло после этого несколько дней, и падишах умер. Старший шахзаде, Джамшид, занял престол отца и правил целый год, не ведая горя и не обижая подданных. Однако надоела Джамшиду беспечальная жизнь, и однажды он созвал своих везиров и повелел им открыть наглухо закрытые ворота, захотелось ему выехать через них из города, посмотреть, что за ними скрывается.

Везиры пали ниц и стали отговаривать Джамшида.

— Да будем мы жертвой за тебя, шах! Не перечь обычая предков — никогда ни один падишах не проходил через те ворота, не изволь и ты нарушать обычай.

— Твердо мое решение, едино мое слово, не перечьте мне и возражать не смейте! Поживей приготовьте все для охоты и отонрите ворота.

Везиры, увидев, что их слова не возымели действия, открыли ворота, и падишах выехал через них на охоту. А перед тем как покинуть город, он написал везиру правой руки, что, если через сорок дней он не вернется с охоты, пусть падишахом станет его брат Хоршид.

Джамшид и его охотники в первый день ничего не поймали и уже собирались вернуться в город, как вдруг увидели вдали красивую стройную газель. Падишах велел загощицам окружить ее, да пригрозил, что, если упустят зверя, не сносить им головы.

Охотники тесным кольцом окружили газель. Бедняжка глянула в одну сторону, глянула в другую — все пути отрезаны, люди стеной стоят. Тогда газель перепрыгнула через голову падишаха и ускакала прочь.

Падишах сказал:

— Раз газель перескочила через мою голову, я сам ее поймаю. Возвращайтесь назад, пусть никто за мной не едет!

Все спутники Джамшида вернулись в город, только один его гулям *-негр, служивший Джамшиду с детства, сказал:

— Я тебя не оставлю, мой падишах, пойду за тобой повсюду, дай мне на это разрешение.

— Хорошо, — согласился Джамшид. — Оставайся со мной.

Падишах и гулям вскочили на коней, вдели ноги в стремена и вихрем понеслись по степи за газелью. Мчались они долго, а газель никак не догонят — все дальше убегает, а потом у степной речушки и совсем скрылась из глаз, будто вода, в землю ушла. Как ни старались они найти газель, ничего не вышло.

— Давай спешимся, переведем дух, посмотрим, куда нас занесло, что это за место! — предложил падишах.

Они сошли с коней, уселись на бережку, освежились холодной водой. А вокруг пустыня, ни одной живой души не видно. Передохнув немного, Джамшид сказал гуляму:

— Идиними хурджин * и принеси сюда, посмотрим, что там поесть найдется.

Черный гулям снял с коня хурджин со снедью, и они хорошенько поели. А когда утолили голод, захотели поить. Падишах хотел было горстью зачерпнуть воду, как вдруг увидел серебряную чашу и протянул к ней руку.

Едва он дотронулся до чаши, как раздался голос: «Прочь отсюда!» — и тотчас из речушки вышла девушка, прекрасная, словно луч солнца, с дубинкой в руках. Она быстро ударила ею падишаха по плечу, приговаривая: «Стань камнем!» То же самое проделала девушка с гулямом. Джамшид и его черный слуга тут же превратились в камни и скатились в воду.

Прошло сорок дней. Жители города, где правил Джамшид, не дождавшись возвращения своего падишаха, облачились в черные одежды и объявили траур, как если бы падишах их умер. Когда прошло семь дней траура, по завету Джамшида падишахом стал шахзаде Хоршид.

Год правил Хоршид своим царством тихо и мирно, а через год велел открыть загадочные ворота и принести себе охотничью одежду. Как ни просили везиры, как ни молили его не выезжать через те ворота, падишах упрямо стоял на своем.

— Не смейте мне прекословить. Я должен ехать и выеду из города только через те ворота.

Волей-неволей принесли падишаху охотничье платье, и Хоршид с несколькими охотниками покинул город.

Он тоже наказал своему везиру правой руки объявить падишахом шахзаде Мохаммеда, если сам не вернется домой через сорок дней.

Проехал Хоршид некоторое расстояние и тоже увидел прекрасную газель, пленившую его взор.

— Окружите эту газель, не дайте ей убежать. Кто упустит ее, тому голову снесу! — крикнул он.

Окружили люди газель, глянула она направо, глянула налево, — все пути отрезаны, тогда она перепрыгнула через голову самого падишаха и стрелой понеслась через степь.

Падишах задумался, потом сказал:

— Никто, кроме меня, не должен преследовать эту газель. Я сам поймаю ее и расправлюсь с ней.

Хоршид поскакал за газелью, и только один его гулям, брат гуляма, поехавшего с Джамшидом, последовал за ним.

Падишах и гулям с утра до полудня гнали коней за газелью, пока не достигли речушки, где газель вдруг пропала из виду, словно вода, ушла сквозь землю.

Хоршид, расстроенный и усталый, спешил, чтобы передохнуть и поразмыслить, как быть дальше.

Гулям привязал коней, расстелил скатерть и разложил на ней припасы, которые захватил с собой. Поели они, захотели пить.

Подошли к воде и тут увидели у воды серебряную чашу.

— Откуда тут серебряная чаша? — воскликнул удивленный гулям, а Хоршид протянул к ней руку, но едва дотронулся до нее, как послышался голос: «Прочь отсюда!» — и тут же из воды вышла девушка с дубинкой в руках. Она ударила ею Хоршида по плечу, приговаривая: «Стань камнем!» Так же поступила она с гулямом.

Падишах и гулям оба превратились в камни и скатились в речушку.

И на этот раз подданные Хоршида сорок дней прождали возвращения своего падишаха, а потом семь дней носили по нему траур. После этого падишахом объявили шахзаде Мохаммеда, стали чеканить монеты с его именем и молиться за него в мечетях.

Прошел год. Падишах Мохаммед по примеру своих братьев велел принести все нужное для охоты и распорядился открыть злополучные ворота. Везиры и на этот раз пали ниц и молили падишаха не следовать примеру братьев.

— Да будем мы жертвой за тебя, не выезжай через эти проклятые ворота, послушайся доброго совета!

Но падишах был непреклонен.

— Не тратьте зря слов, мои братья пропали, уехав через эти ворота. Я должен найти их, вот почему мне надо последовать за ними.

С этими словами Мохаммед вручил своему главному вериру бумагу, в которой было написано: «Если через сорок дней я не вернусь, падишахом вместо меня станешь ты, садразам*! Я же около того места, где погибну или исчезну, воткну в землю свой меч. Поезжайте вслед за мной и где пайдете меч, воткнутый в землю, там и ищите меня».

Мохаммед один выехал из города.

Как и его братьям, ему тоже вскоре попалась в степи газель. Он погнался за ней, но так и не настиг. Вскоре она исчезла из глаз у мелкой речушки. Мохаммед сошел с коня, привязал его к дереву, потом умылся и, немного освежившись, прилег отдохнуть под деревом. Мохаммед задремал, глаза у него слипались, но разум еще бодрствовал.

В это время прилетели три голубки и уселись на ветке над самой головой Мохаммеда.

Одна голубка сказала:

— Сестрица, посмотри-ка вниз, знаешь ли ты юношу, что спит под этим деревом?

— Нет, не знаю, — ответила ей другая.

— Это сын падишаха Ахмеда, — сказала ей первая. — У шаха Ахмеда было три сына — Джамшид, Хоршид и Мохаммед. Первые два сына не послушались наказа отца и выехали через ворота, что были крепко заперты и обмазаны глиной. Оба они стали пленниками дочери царя Искандера Фереште. Теперь настала очередь его третьего сына — вот этого юноши. Вот так и бывает всегда, поделом им: кто не слушается отца, попадает в ловушку и расплачивается.

Третья голубка сказала:

— Думаю я, этот юноша не спит и слышит наши слова. Он должен встать, положить в карман три камня, залезть на дерево и отсюда кинуть один камень в ту серебряную чашу, которая валяется вон там, тогда из нее раздастся голос: «Уходи прочь!» — и из воды выйдет девушка. Она увидит, что никого нет, и снова войдет в воду. Юноша кинет в чашу второй камень, из чаши снова послышится: «Уходи прочь!» — и из воды опять выйдет девушка и снова никого не увидит. Третий раз юноша кинет камень в чашу, услышит: «Уходи прочь!» — и девушка снова вый-

дет из воды. На этот раз она рассердится и со злости ударит палкой чашу, говоря: «Молчи, не обманывай меня». Когда она исчезнет, юноша должен сойти с дерева и прорыть землю от чаши к речушке, чтобы вода из-под чаши текла в речушку. Когда вся вода вытечет, надо будет поднять чашу. Под чашей — бронзовая дверь. Он откроет ее и увидит дорогу, она приведет его в длинный проход, в конце которого сияет яркий свет. У выхода оттуда стоит на страже негр. Юноша должен осторожно подкрасться к нему и убить, только тогда он сможет пойти дальше и попасть в сад Фереште. В правой стороне сада — дворец, а перед дворцом — трон из эбенового дерева, украшенный изумрудом и жемчугами. На этом эбеновом троне спит девушка, от ее сияющей красоты светится весь сад. Это царевна Фереште-ханум. У Фереште семь кос, а у эбенового трона — семь ножек. Юноша должен привязать каждую косу Фереште к одной из ножек трона, а потом достать кинжал и приставить к груди девушки. Когда она проснется, то спросит его: «Эй, юноша, кто тебя провел сюда, кто показал дорогу?» На это надо ответить: «Кто меня и тебя сотворил, тот мне и дорогу показал». Тогда девушка скажет: «А чего ты хочешь, зачем сюда пришел?»

Юноше не следует неразумно говорить, что он влюбился в нее, он должен сказать ей правду: ты, дескать, заколдовала моих братьев, превратила их в камни, и я пришел спасти их. Тогда Фереште скажет: «Хорошо, отведи от моей груди свой кинжал, и я расколдую твоих братьев, а сама стану твоей женой». Только верить ей нельзя, пока она не поклянется отцом с матерью! Если юноша отведет от ее груди кинжал, не услышав ее клятвы, то и его самого, подобно его братьям, Фереште превратит в камень, разве что юноша убьет Фереште, и тогда он освободит и себя, и своих братьев. Хорошо, если он сейчас не спит и слышит мои слова, тогда он сможет поступить, как я сказала, и достичь своей цели.

Падишах Мохаммед быстро встал с земли, и голуби разлетелись, при этом третья голубка сказала:

— Эй, дитя человеческое, потерпел бы ты еще немного и смог бы услышать от меня, как достичь своего желания другим, легким путем!

Короче говоря, шах Мохаммед проделал все, что услышал от голубки, и, когда оказался перед Фереште, привя-

дал ее семь кос к семи ножкам трона, приставил кинжал к ее груди и стал ждать, пока она проснется.

Едва раскрыв глаза, девушка спросила:

— Кто показал тебе дорогу сюда?

— Создатель показал мне дорогу!

— Хорошо. А зачем ты пришел, что тебе надобно?

— Ты колдовством заманила двух моих братьев и превратила их в камни. Я пришел вызволить их!

— Хорошо, я их освобожу, только отведи от моей груди свой кинжал. Я сделаю их снова людьми и отпущу, а за тебя замуж пойду.

— Если правду говоришь,— сказал Мохаммед,— поклянись отцом и матерью.

Фереште поклялась, и Мохаммед спрятал кинжал. Но к этому времени Мохаммед успел полюбить Фереште так сильно, что совсем позабыл про своих братьев. Фереште не обманула — стала его женой, как и обещала.

Долго жили они поживали в том саду, счастливые, забыв обо всем на свете, пока однажды у Фереште не слетела с ноги туфелька прямо в ручей.

Вода унесла туфельку в речушку, оттуда она попала в реку, которая унесла ее в страну Миср*. Там туфелька очутилась в озере, на берегу которой стоял дворец с большим садом. В это самое время шахзаде Абдаллах, сын падишаха Мисра, который жил в этом дворце, сидел на берегу озера. Выловил он из воды туфельку, взглянул на нее и как закричит: «Я влюбился в хозяйку этой туфельки. Она, наверное, красивая девушка, стройная, высокая!»

Шахзаде Абдаллах вернулся во дворец и давай плакать и рыдать. Не ест, не спит, места себе не находит, только твердит беспрестанно: «Хочу в жены хозяйку туфельки».

Слуги доложили об этом падишаху Мисра, сказали ему, что шахзаде Абдаллах влюбился и потерял рассудок, совсем занемог, и они не знают, как ему помочь.

Падишах созвал своих везиров и сказал им:

— Нет другого выхода, как найти хозяйку туфельки. Отправляйтесь куда хотите, найдите ее и приведите к шахзаде Абдаллаху.

А шахзаде Абдаллах все плакал и плакал. Пришли к нему товарищи узнать, отчего он потерял покой. Шахзаде показал своим товарищам туфельку и сказал:

— Я не успокоюсь, пока не увижу ту, которая носила эту туфельку.

— А где ты взял ее? — спросили его товарищи.

— Я сидел на берегу озера, на той стороне сада, и волны прибили туфельку прямо ко мне.

Везиры собрались на совет и решили выяснить, откуда вливается вода в озеро. Прочли несколько книг от корки до корки, порасспросили старцев. Пошли искать во все стороны и двести гонцов разослали во все концы — близкие и дальние, чтобы узнать, откуда вливается вода в озеро и откуда она течет. Наконец узнали, что воду несет река, исток которой — в саду царевны Фереште-ханум, дочери царя Искандера. А расстояние от Мисра до ее дворца равно целому году пути.

— Надо нам найти способ проехать годовой путь в один день, — сказал главный везир.

— Без волшебства тут не обойтись, соберем всех колдунов и волшебников, — посоветовали ему везиры, а один добавил:

— Я знаю старуху, очень ловкую, она известная колдунья. С этим делом быстро справится.

— Хорошо, очень хорошо, — обрадовался садразам, — приведите сюда эту старуху.

Везир привел старуху. Садразам дал ей волшебный сундук и сказал:

— Слушай, старуха, что я тебе скажу. Вот в этом сундуке три рукоятки. Если повернешь правую — сундук поднимется вверх, если повернешь левую — будет опускаться, а третьей рукояткой ты сможешь направить полет в любую сторону, в какую захочешь.

Старая колдунья взяла сундук, повернула правую рукоятку и, когда сундук взлетел, стала высматривать сверху, куда тянется река, где ее исток. Колдунья летела вдоль реки, которая скоро совсем сузилась и превратилась в ручей. А ручей вытекал из сада Фереште.

Старуха повернула левую рукоятку, вышла из сундука за садом, нашла калитку, постучалась.

— Кто там стучит? — спросила Фереште-ханум.

— Душенька-ханум, я старая женщина, чужестранка, сбилась с пути, иду на поклонение к святым местам, дороги не знаю, позволь передохнуть часок-другой в твоём саду!

— Какая-то старушка собралась в паломничество — говорит Фереште Мохаммеду, — да сбилась с пути, хочет передохнуть часок-другой. Давай впустим ее!

Сказала это Фереште и впустила старуху.

Мохаммед и Фереште в это время как раз обедали, предложили поесть и госте.

— Ешь, матушка, только не знаю, понравится ли тебе наш обед.

Старуха уселась в дальнем углу сада и поела. Покончила с едой и скорей побежала на кухню, помыла посуду.

Пришла Фереште на кухню, видит: а старуха все там помыла, почистила и пол подметает.

Фереште говорит:

— Зачем ты утруждаешь себя, матушка? Ты ведь устала, отдохни.

— Да буду я жертвой за тебя, родная, я устала от безделья! Если разрешишь, останусь здесь два-три дня, помогу тебе по дому, и мою усталость как рукой снимет, и к местам здешним пригляжусь, дорогу найду.

— Оставайся, матушка, я рада буду, все время прошу бога послать кого-нибудь сюда, а то словом перемолвиться не с кем. Оставайся у нас два-три дня, пока не отдохнешь хорошенько.

Довольная старуха осталась в саду Фереште. Ночью Мохаммед пришел к Фереште и сказал:

— Ты ведь говорила, что старуха останется тут часок-другой, почему же ночевать осталась?

— Я разрешила ей, — ответила Фереште. — Ей ведь негде больше переночевать, она чужая в этих местах, и нет у нее другого пристанища. Пусть побудет. Я тут одна, будет мне с кем поговорить, кстати, и по дому мне поможет.

— Раз тебе хочется, пускай остается, только боюсь я ее, дурной у нее глаз. Сдается мне, что она хочет убить меня, а тебя — похитить.

— Не дай бог, что за мысли пришли тебе в голову! Ты ведь не комар, чтобы старуха могла тебя так просто убить, да и я не ребенок, как она может унести меня, похитить?! — возразила Фереште.

Через несколько дней старуха знала все тропинки, все углы и закоулки сада, как будто она здесь все годы провела.

Однажды Фереште сказала старухе, что хочет сходить в баню, и попросила ее приготовить обед, пока она вернется.

— Слушаю и повинуюсь, свет очей моих, — сказала старуха, — готовлю, как велишь.

Она пошла на кухню, сготовила обед. Потом расстелила посреди сада ковер, разложила на нем подушки — приготовила все для отдыха Фереште и Мохаммеда. А в свою стряпню она подсыпала сонного зелья.

Сели Мохаммед и Фереште обедать, не успели проглотить первый кусок, как повалились без памяти.

Старуха принесла кухонный нож, отрезала Мохаммеду голову — от уха до уха. Потом подхватила лежавшую без сознания Фереште, уселась в волшебный сундук и полетела в сторону Мисра.

Фереште стала пленницей шаха Мисра, а тело Мохаммеда осталось лежать в саду.

Посмотрим теперь, что делал тем временем садразам. Он прождал терпеливо сорок дней и, не дождавшись возвращения Мохаммеда, сказал себе: «Все три сына падишаха были мне как родные дети. Я должен пойти и разыскать их. Или найду их, или сам погибну!»

Садразам оставил вместо себя своего сына и, вскочив на коня, выехал из города через те же загадочные ворота. Он двигался по следам конских копыт и ехал, пока не доехал до речушки, — там следы обрывались. Хорошенько осмотревшись, он увидел меч Мохаммеда, воткнутый в землю у самой воды.

Он взял меч и заметил на рукоятке слова, написанные Мохаммедом: «Эй, садразам, под этой чашей есть дверь, открой ее и спустись вниз, иди по проходу, пока не дойдешь до меня». Садразам помянул бога, спустился вниз и прошел длинный проход, в конце которого пробивался свет. Очутившись в саду, он увидел тело Мохаммеда, валявшееся посреди сада. Голова лежала рядом, из горла текла кровь, — видно, его только что убили.

«Эх, подоспей я на миг раньше, бедный Мохаммед не был бы убит», — подумал садразам и уселся рядом с телом Мохаммеда. Вдруг видит он, как три голубя уселись на дерево и завели разговор.

Один из них спрашивает другого:

— Ты узнаешь этого юношу?

— Нет, я его совсем не знаю! — ответил тот.

— Это падишах Мохаммед, брат падишаха Джамшида и падишаха Хоршида, тот самый, которому мы указали путь. Он достиг этого сада и женился на дочери царя Искандера. Но старая хитрая колдунья убила его и похитила его жену Фереште, — говорит первый.

Третий голубь сказал:

— Будь здесь сейчас кто-нибудь из людей, узнал бы он от меня что в корнях и ветках этого дерева течет не вода, а масло пророка Солеймана *. Если нарвать листьев дерева, растереть их, и сделать мазь, то стоит помазать ею голову Мохаммеда, он оживет. Надо только как следует приложить голову к телу и при этом помолиться за пророка Солеймана. А если снять с этого дерева кору и обернуть ею ноги, то годовой путь можно пройти за один день.

Услышал эти слова садразам и мигом вскочил с места. Голуби разлетелись, только один из них крикнул напоследок:

— Зря ты поспешил, человек. Потерпел бы еще немного — узнал бы от меня, как проще разрешить твое дело.

Садразам влез на дерево, нарвал листьев, истолок их, перемешал, пока не получилось густое тесто, и прилепил им голову Мухаммеда к его телу, потом повернулся лицом к кыбле * и произнес: «О господи, во имя ста двадцати четырех тысяч пророков, во имя пророка Солеймана оживи шаха Мохаммеда!» И еще два раза помолился за пророка Солеймана.

Не успел он окончить молитву, как Мохаммед вскочил с места, три раза чихнул и сел. Увидел садразаму и радостно спросил:

— Эй, отец, это ты мне вернул жизнь?

— Да, сынок! Если бы я пришел сюда немного раньше, ты бы не был убит.

— Как ты нашел дорогу сюда? — спросил Мухаммед.

— Сегодня сороковый день, как ты выехал из города, а я дал клятву, что выеду через те ворота и найду тебя и твоих братьев, или сам погибну, подобно вам. Ехал я, ехал, пока не оказался у ручья, там нашел твой меч, воткнувший в землю, и прочел твой наказ на рукоятке меча. Я открыл дверцу, добрался сюда и нашел тебя убитым. С горя я бросился на землю, но тут прилетели голубки. Они заговорили о тебе, и от них я узнал, как тебя оживить. Я скорей исполнил все, что они сказали, и, слава богу, масло пророка Солеймана оживило тебя! А теперь ты расскажи мне свою историю, как ты здесь очутился, кто тебя убил — и вокруг-то никого не видно.

— Как добраться сюда, во владения Фереште, я узнал от голубей, сидевших на дереве у ручья. Фереште стала

моей женой, и зажил я здесь, а на днях забрела сюда старуха, это она, видно, убила меня и похитила Фереште. Мы должны найти ее, без нее я умру!

— Хорошо,— сказал садразам.— Сейчас мы снимем с дерева кору, привяжем ее к ногам и пустимся в путь — за день пройдем столько, сколько за год проходят, найдем твою Фереште.

Садразам и Мохаммед подвязали к ногам кору и вихрем понеслись по горам и долинам, ущельям и пустыням. Они мчались вдоль ручья, вытекавшего из сада, вдоль реки, в которую он впадал, пока не оказались под стенами города, где была заточена Фереште.

Мохаммед и садразам оглянулись по сторонам и увидели на свое счастье слугу-негра с кувшином в руках. Он торопился по воду.

Мохаммед подозвал его к себе:

— Подойди сюда, скажи, кому ты несешь воду?

— Скажу, господин, только ты никому не говори! Я несу кувшин с водой старой всемогущей колдуньи. Она все может. Если захочет — одной рукой человека на куски разорвет.

— А что, она джинн * или пери *, эта старуха? Ведь рожденный человеком не способен на такое!

— Я толком не знаю,— ответил слуга.— Думаю, что она все-таки человек.

Садразам дал знак Мохаммеду молчать и неприметно для слуги шепотом спросил:

— У тебя нет с собой чего-нибудь от Фереште?

— Есть перстень. Фереште его мне подарила. Вот он на пальце! — тихо ответил Мохаммед.

Садразам взял у Мохаммеда перстень и сказал слуге-негру:

— Дай-ка мне напиток, жажда одолела.

Он взял у слуги кувшин и потихоньку бросил в него перстень. Слуга ничего не заметил, наполнил опять кувшин и отнес домой. На пути ему попалась Фереште. Девушка взяла у него кувшин и услышала, как в нем что-то звенит. Вылила воду, а из кувшина выпал перстень, который она подарила Мохаммеду! Фереште растерялась, потом позвала слугу и спросила:

— Кого ты видел на берегу озера?

Слуга-негр задрожал, как ивовый лист, и затараторил:

— Никого. Никого там не было.

Фереште на него прикрикнула:

— Эй, негодяй, я сейчас же изрежу тебя на куски, говори правду, кто был на берегу, кому ты давал в руки кувшин?

— Какой-то старик и юноша повстречались мне на берегу озера, старик брал у меня кувшин, он отнил глоток воды, вот и все.

— Очень хорошо,— сказала Фереште и вместе со слугой бегом поспешила на берег озера, туда, где слуга встретил чужеземцев.

Фереште и Мохаммед радостно обнялись.

— Ты мне не поверила, родная,— сказал Мохаммед, приласкав Фереште,— а я оказался прав. Говорил я тебе, что дурной глаз у этой старухи — и вот она убила меня, а тебя похитила. Расскажи-ка, куда ты попала, что с тобой приключилось.

— Когда старуха доставила меня сюда, я была без памяти. Потом она сказала, что тебя убила, а меня привезла сюда выдать замуж за сына падишаха Мисра. Я наказала передать сыну падишаха, что согласна быть его женой, но раз мой муж убит, я должна четыре месяца и десять дней носить траур, а через четыре месяца и десять дней выйду за него замуж. Сын падишаха Мисра ответил, что не может терпеть четыре месяца и десять дней. Тогда я сказала, что если он не потерпит, то я убью себя. И вот я день и ночь молю бога вызволить меня отсюда. Услышал он наконец мои слова — помог тебе найти меня. А теперь расскажи, как ты ожил и как прошел за день путь, который проходят за год?

Мохаммед рассказал ей все, что с ним произошло: как спас его садразам и как кора дерева помогла им добраться сюда за один день.

— Благодарение богу, что ты ожил и мы встретились. Теперь нам больше нечего бояться, я все устрою.

— Я не вижу пути к спасению,— молвил садразам.— У падишаха Мисра огромное войско, подданным его нет счета, разве удастся нам вырвать тебя из их рук?!

— Не бойтесь ничего,— уверила их Фереште.— Я одна могу уничтожить все войско и всех подданных падишаха Мисра. Вам надо помочь мне только в одном, и мы через день выберемся отсюда.

Садразам спрашивает:

— Чем же мы тебе поможем?

— Возвращайтесь сейчас назад тем же путем, каким пришли сюда. В конце моего сада есть конюшня, ключ от нее над дверью. Там лежит маленькая шкатулка, в ней — Коран, а в Коране — ключ. Возьмите ключ, откройте двери. В конюшне привязаны рядом две лошади. Они будут пытаться лягнуть вас, но вы поклянитесь на Коране, что пришли увести их ко мне, и тогда кони сразу успокоятся. Там же вы найдете дубинку. Захватите ее с собой, садитесь на коней, и они за час принесут вас сюда.

— А шлем и кольчуги привезти? — спросил Мохаммед.

— Не надо. Садитесь на коней и приезжайте. Дубинка заменит нам все — выполнит все, что прикажем.

Мохаммед и садразам попрощались с Фереште и отправились обратно, нигде не останавливаясь передохнуть. В саду они нашли конюшню, вывели коней, взяли дубинку и скоро опять были в Мисре. Фереште ждала их у озера. Мохаммеда и садразам она оставила на берегу, а сама вернулась во дворец.

Фереште набила хурджин драгоценными камнями, которыми одарил ее шахзаде Абдаллах, и послала передать ему: «Эй, злодей, ты убил моего мужа, а меня выкрал, но я не такая жестокая, как ты, — не стану тебя ни бить, ни убивать. Прощай, я возвращаюсь домой».

Царевич Абдаллах поспешил к отцу и рассказал, что передала ему Фереште. Падишах Мисра тотчас повелел послать войско, нагнать Фереште и задержать ее. Войска падишаха подоспели в то самое время, когда Фереште садилась на одного коня, а Мохаммед и садразам — на другого.

Военачальники падишаха Мисра выступили вперед и преградили им путь.

— Кто вам разрешил увозить Фереште из Мисра? — спросил один из них.

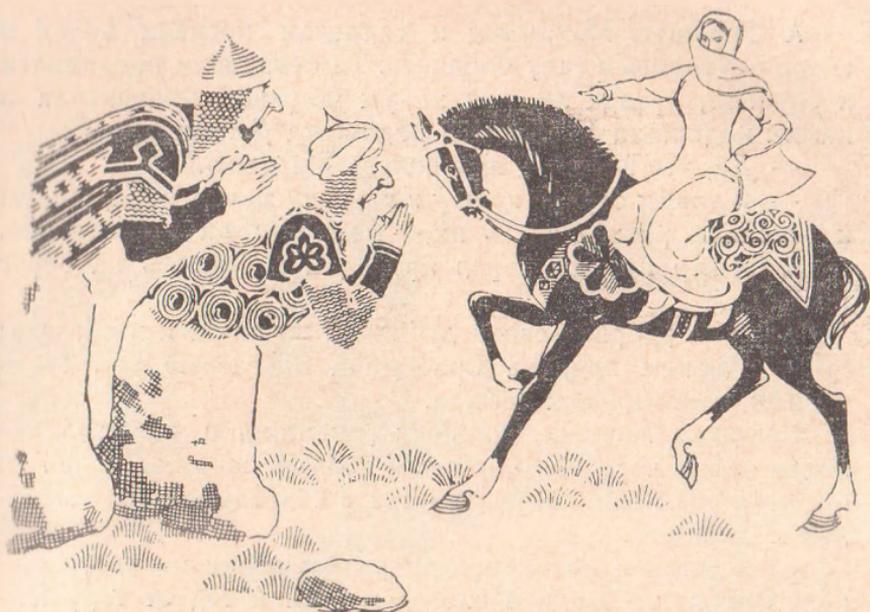
Но Фереште прикоснулась дубинкой к его плечу и крикнула:

— Именем пророка Солеймана повелеваю этому войску окаменеть ниже поясницы!

И сразу же у всех в войске окаменела половина тела!

Несколько человек, бывшие поблизости, побежали к падишаху Мисра с этой страшной вестью. Падишах выступил против Фереште с новым войском, подъехал к ней и грозно спросил:

— Эй, Фереште, кто тебе позволил покидать Миср?!

Фереште занесла дубинку, опустила ее на плечо падишаха и сказала в ответ:

— Именем пророка Солеймана пусть падишах Мисра и все, кто пришел сюда с ним, окаменеют ниже поясницы!

Падишах и все его воины наполовину окаменели.

А царевна Фереште стала перед падишахом и сказала:

— Я ни в чем не виновата перед тобой, ты сам навлек на себя эту беду. До самой смерти останешься вот таким — наполовину каменным.

С этими словами Фереште тронула коня, собираясь ускакать, но падишах Мисра завопил, прося пощады, — ведь если она уедет, он до конца дней будет наполовину каменным и никто другой не спасет его!

Несчастный падишах плакал, рыдал, стонал, молил и просил Фереште вернуть ему и его воинам прежний облик, расколдовать их и обещал не гнаться за Фереште.

— Если погонимся, ударь нас тогда дубинкой и с волны до ног обрати в камни! — кричал он.

— Эй, падишах Мисра! — сказала Фереште. — Клянусь творцом, создавшим нас с тобой и весь мир, если посмеешь погнаться за мной, всех вас превращу в камни. Я расколдую вас, но только вы сейчас же возвращайтесь домой!

Падишах Мисра дал слово не преследовать Фереште, и она расколдовала его и воинов. Они снова стали такими, какими были раньше, и вернулись в свой город.

А Фереште, Мохаммед и садразам погнали коней и скоро очутились в саду Фереште. Там садразам поклонился и спросил, правда ли, что ханум Фереште превратила в камни падишаха Хоршида и падишаха Джамшида.

— Да, это верно, — призналась Фереште.

— В таком случае прошу в награду за все мои хлопоты и старания расколдовать их, — попросил он почтительно.

Фереште прошла через проход и выбралась на берег речушки.

Тут она ударила своей дубинкой по камням и сказала:

— Именем пророка Солеймана повелеваю вам стать такими, какими были прежде.

Падишах Хоршид, падишах Джамшид и оба гуляма-негра — все четверо — приняли облик живых людей и отиравились в свой город вместе с садразамом, Мохаммедом и Фереште.

Семь дней и ночей праздновали жители их возвращение. Они долго жили в благоденствии и год от году жилось им все лучше.

СОКРУШИТЕЛЬ ЛЬВОВ

Жил на свете бедняк. В родном городе он и на хлеб себе не мог заработать, и вот однажды он решил покинуть родные края и отправиться в дальние — может, там найдет долю получше.

Шел он, шел — и пришел наконец к большому городу. Видит: собралось людей видимо-невидимо, шум и гам стоит.

— Что здесь случилось? — спрашивает он у зевака, а ему в ответ:

— У нашего шаха не было сына. Вот он и дал обет устроить на три дня пиршество, если бог пошлет ему сына. А теперь мы пируем.

Бедняк подумал, что и ему не худо пожить у шаха на пиру, и пошел прямо во дворец. Видит: в большой зале слуги расстелили огромную скатерть и отгоняют от нее не мух, как это бывает в других местах, а мышей. «Если бы в этом городе обитали кошки, — говорит себе бедняк, — то не развелось бы столько мышей. У них, видно,

нет кошек, потому они и отгоняют мышей палками. Если я привезу им кошку, то падишах щедро наградит меня».

Бедняк не мешкая подошел к одному горожанину и говорит:

— Отведи меня к падишаху.

— Да как же такого оборванца к падишаху вести? — возмутился тот.

Тут другой прохожий подоспел:

— Да что ты с ним разговариваешь? Пойдем со мной, и отведу тебя к падишаху.

И они вдвоем направились ко дворцу. Незнакомец вошел к падишаху, получил разрешение и ввел бедняка в тронный зал.

Тут бедняк и говорит:

— Да буду я жертвой за тебя! В нашем городе есть зверек — злейший враг мышей, которые переполнили ваш город. Если будет на то соизволение, я привезу такого зверя.

Падишах обрадовался, велел выдать ему сто туманов и коня, чтобы он привез поскорей одного из диковинных зверьков.

А бедняк, гарцуя на коне, поскакал в родной город, нашел большую сильную кошку и привез. Шах как раз садился за пиршественный стол, когда бедняк доложил, что доставил зверька.

Падишах вызвал его и спрашивает:

— Так ты привез, что обещал?

— Конечно, — ответил бедняк, сунул руку в торбу, вытащил кошку и пустил ее в комнату. Кошка, как увидела мышей, словно лев, набросилась на них, стала бегать из угла в угол, рвать мышей в клочья. Но мыши валом валили со всех сторон, и кошке было нелегко справиться со всеми. Падишах, однако, был поражен и спросил нашего бедняка:

— Есть ли в вашем городе еще такие звери?

Бедняк смекнул, что если он скажет, что кошек полным-полно, то получит мало, и потому ответил:

— Да буду я жертвой за тебя, есть, конечно, но не слишком много.

— Так и быть, дайте ему еще сто туманов и коня, а ты привези еще одного такого зверька.

Бедняк взял деньги и коня, поехал в свой город и спустя некоторое время привез еще одну кошку. Видит шах, что и две кошки не могут управиться со всеми мышами. Он дал бедняку еще сто туманов и коня и велел привезти третью кошку. Тот привез.

Одним словом, несколько раз посылали бедняка за кошками, и он привозил их, но при этом каждый раз приговаривал:

— О падишах, да буду я жертвой за тебя, этого зверька я нашел с трудом.

Наконец набрал немало денег, и тут он испугался, как бы падишах не приказал отнять их у него, сел на коня и сказал:

— У меня дома жена и дети, надо мне о них позаботиться, больше я сюда не приеду.

— Как же называется этот зверек? — спросили его везиры.

— Сокрушитель львов, — крикнул бедняк и быстро ускакал прочь из города.

Шах позвал везира и спрашивает:

— Чем мы теперь будем кормить этих сокрушителей львов?

— Надо об этом у хозяина спросить,— отвечает бедняк.

— Так ведите его сюда,— приказал падишах, но ему ответили, что бедняк вскочил на коня и уехал из города. Тогда вслед за ним послали верхового.

А бедняк скакал, скакал, обернулся назад, видит: погоня. Он подумал, что у него хотят отобрать деньги, и погнал коня быстрее. А всадник, что ехал за ним, кричит:

— погоди, добрый человек, у меня к тебе дело!

— Какое еще дело? — спрашивает бедняк.

— Мне надо узнать, чем кормить этих сокрушителей львов.

Бедняк хотел сказать, что их надо кормить мясом, костями и головами животных, но от страха напугал и крикнул:

— Головой шаха.

Как только об этом доложили падишаху, его охватил страх, он тут же покинул дворец и с женой и детьми поселился в другом месте.

Мало ли, много ли времени прошло, и падишах приказал своим людям:

— Ступайте посмотрите, что там подельывают сокрушители львов.

Самый храбрый военачальник сел на коня и поехал к старому дворцу посмотреть, что там творится. Привязал своего коня к дереву, вошел во дворец. А в это время один из сокрушителей львов сидел на оконце дворца, по сторонам смотрел. Хотел сокрушитель львов сыргнуть с оконца, да оступился, свалился и угодил прямо на седло военачальника. Конь испугался, оборвал повод и поскакал. А сокрушитель львов от страха крепко уцепился когтями за седло. Конь скакал прямо к новому дворцу падишаха. А падишах в это время сидел на балконе дворца и вдруг видит, что прямо на него скачет на коне сокрушитель львов. Как только падишах увидел это, он невольно закрычал и упал без памяти.

Мы наверх пошли, простоквашу нашли, сказку нашу былью сочли, мы вниз пошли, пахтанье нашли, и сказочка наша — небылица.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ЛЖЕЦ

Три путника нашли динар * и хотели разделить его между собой, но не знали, как это сделать. Наконец один из них предложил попробовать, кто лучше солжет.

— Кто расскажет самую невероятную и самую длинную небылицу, заберет динар, — сказал он.

Спутники его согласились и предложили ему первому показать свое умение лгать.

— Мой отец, — начал он, — занимался торговлей благоволиями. Однажды купил он яйца, принес домой и посадил на них наседку. Из одного яйца вылупился очень крупный цыпленок-петушок и стал расти прямо на глазах. Петушок вырос таким здоровенным, что мой отец навьючил на него свой товар и пошел торговать по улицам. Понятное дело, непосильная ноша в конце концов набила петушку спину. Отец не стал больше водить его с собой и по совету одного друга, натолок немного финиковых косточек и приложил к натертому месту. Прошло немного времени, и у петушка на спине выросла пальма!

Петушок день ото дня все рос да рос, и пальма тоже росла и росла, пока появились на ней плоды. Фиников на ней было так много, что ребятишки швыряли в нее камнями и комьями земли, чтобы сбить плоды. И столько камней и комьев скопилось на спине у петушка, что в конце концов получилось настоящее поле! Мой отец погнал по нему упряжку быков, вспахал землю и посеял арбузные семена. Арбузы выросли огромные! В один прекрасный день я потребовал у отца ножик и разрезал один из них. И надо же было так случиться, что ножик выпал у меня из рук и угодил прямо в арбуз! Пришлось мне обвязаться вокруг пояса веревкой, закрепить ее конец за кол в илетне и влезть в арбуз. Стал я искать там свой ножик и наткнулся на трех погонщиков верблюдов. Узнали они, зачем я там оказался, и давай смеяться. «Мы, — говорят, — три каравана с товарами тут потеряли и уж сколько дней найти не можем, а ты, братец, да благословит Аллах твоих родителей, хочешь ножик отыскать...»

Не выдержали два других путника, прервали лжеца.

— Хватит с нас, видим, что горазд ты накручивать небылицы, мы не сумеем налгать больше и лучше тебя, забирай-ка динар и оставь нас в покое!

ЛИСТЬЯ ДЕРЕВА ТУТИИ

Жил в Чине * падишах, а у него было три сына. Падишах этот был слепой. Однажды он позвал сыновей и говорит:

— Все вы хотите унаследовать мой престол. Так вот ступайте в Миср * и нарвите листьев дерева тутии * в саду дочери шаха пери *. Мне из этих листьев приготовят лекарство для глаз, и я прозрею. Тому, кто принесет эти листья, я отдам корону и трон.

Старший сын, Малек Джамшид, вызвался принести листья тутии, вышел от отца, старательно собрался в путь и двинулся по направлению к Мисру.

Шел он, шел — и прибыл наконец в Миср.

— Где здесь можно остановиться? — спрашивает он прохожих, а ему отвечают:

— В доме дочери начальника стражи.

Малек Джамшид отправился прямо в ее дом. Его встретили с большим почетом, принесли шербет и сладости, а потом и другую еду. Дочь начальника стражи взяла дужку курицы и предложила:

— Давай сломаем дужку, сыграем в джонаг *. Если я проиграю, то уйду из этого дома и ничего не возьму, кроме того, что на мне. Если ты проиграешь, то ты уйдешь, оставив здесь всё, что у тебя есть, кроме одежды.

Малек Джамшид согласился, сломали они дужку. Не прошло много времени, как Малек Джамшид, замороженный красотой девушки, позабыл обо всем на свете и проиграл. А на утро он покинул ее дом в одном платье, а все свои деньги оставил девушке.

Прожил Малек Джамшид в том городе несколько дней. Каждый день он продавал что-нибудь из одежды и вырученные деньги отдавал за кров и за харчи. Но вот уж и одежда кончилась, не осталось ничего, что можно было бы продать ради хлеба насущного, и стал юноша голодать.

Идет однажды Малек Джамшид по базару и на разложенные явства поглядывает. Дошел до лавки торговца шашлыком. Описать невозможно, что творилось в его пустом животе, когда он увидел сочный шашлык. Малек Джамшид невольно подошел к лавке и сказал шашлычнику:

— Эй, добрый человек, я умираю с голоду. Ради бога, дай мне кусок хлеба и шашлыка.

— А ты разве не зарабатываешь на хлеб? — спросил его шашлычник.

— Нет. Я чужестранец, мне и почевать-то не у кого.

— Ну, ничего не поделаешь, входи, — говорит шашлычник, и Малек Джамшид вошел внутрь. Шашлычник дал ему хлеба и мяса. Джамшид поел, а потом и предложил шашлычнику:

— Хозяин, если тебе нужен подмастерье, то я готов служить.

Шашлычнику понравился благовоспитанный юноша, и он взял его подмастерьем. Так Джамшид поселился в Мисре и стал подмастерьем у шашлычника.

А в Чине меж тем долго ждали Джамшида, но он так и не вернулся из Мисра. Тогда, Шамшир, второй сын, пришел к своему отцу, падишаху Малек Фагфуру, и говорит:

— Отец, брат мой Джамшид не вернулся, дозвожь мне отправиться в Миср за листьями тутии в сад дочери падишаха пери.

Падишах разрешил, и Малек Шамшир с большими деньгами пустился в путь. Во многих местах он побывал, пока наконец не прибыл в Миср. Как только Шамшир въехал в город, он не мешкая спросил первого встречного:

— Где можно остановиться в вашем городе?

— В доме дочери начальника стражи, — ответили ему. — Она луноликая красавица и очень гостеприимна.

Шамшир расспросил, где находится дом начальника стражи, и пошел прямо туда со всеми своими деньгами.

Дочь начальника стражи, как только услышала о таком жирном и лакомом куске, обрадовалась, поспешила встретить гостя приветливо и любезно. Она велела невольникам и невольницам принести шербет и сладости, сели они вдвоем веселиться, стали рассказывать о себе. Пришло время ужина, внесли дастарахан *, они сели ужинать. За едой девушка взяла дужку курицы и говорит:

— Давай сыграем в джонаг. Если ты выиграешь, то я уйду из этого дома в одной чадре и оставлю тебе дом со всей утварью. Если же я выиграю, завтра утром ты уйдешь из этого дома лишь в той одежде, что на тебе.

Шамшир, как и брат, попался на эту удочку. После ужина девушка стала с ним заигрывать и кокетничать, завлекать его, он поддался на ее уловки, и она выиграла.

Настало утро, и Шамшир покинул дом в той одежде, что была на нем. Спустя несколько дней Шамшир тоже попал в тяжелое положение и поступил подручным к истопнику в баню, и там он и поселился.

А в Чине меж тем не было вестей и о Малеке Шамшире. Тогда младший брат, Ибрагим, с разрешения отца отправился в Миср и взял с собой раба, собаку и торбу денег. Шел он, шел — и прибыл наконец в Миср. Малек Ибрагим был юноша умный и рассудительный, поэтому до въезда в город он решил остановиться в пригороде. Здесь он стал спрашивать у разных людей, что творится в Мисре, какие там порядки, что за люди. Случилось так, что он встретил человека, который много знал. А был этот муж один из богатейших купцов Мисра, который отправлялся в дальние края торговать.

— О юноша, — сказал Ибрагиму купец. — Жители Мисра все люди добрые, гостеприимные, ласковые, кроме дочери начальника стражи. Коварством и злобою она превосходит самого Шаддада *. Стоит только чужеземцу войти в наш город, как она с помощью людей своего отца направляет пришельца к своему дому, а на утро выпроваживает голым и босым под открытое небо. Как только ты вступишь в город, остановись в доме, который я тебе назову. Иначе не удастся тебе избежать ее хитрых сетей.

Затем купец рассказал Ибрагиму, как проехать к тому дому. Ибрагим поблагодарил купца и двинулся в путь — прямо туда, куда ему указали. Там он и поселился. На другое утро Ибрагим пошел бродить по городу. Он ничуть не сомневался, что его братья попали в сети дочери начальника стражи, и пытался разыскать их. После долгих поисков он разузнал, что Джамшид работает подмастерьем у шашлычника, а Шамшир — у истопника. Но он не стал подавать о себе вестей и показываться братьям. Сначала он хотел отомстить за них коварной девушке, а потом отправиться в сад дочери падишаха пери.

И вот однажды вечером Ибрагим отправился в дом дочери начальника стражи и сказал:

— Я чужеземец. Мне сказали, что дочь начальника стражи принимает чужеземцев и оказывает им гостеприимство. Вот я пришел, чтобы переночевать.

Как услышала об этом дочь начальника стражи, тут же она выбежала ему навстречу. Видит, что гость одет в рос-

кошное платье, украшенное драгоценными камнями, обрадовалась и удвоила радушие и гостеприимство.

Принесли ужин, девушка взяла куриную дужку и хотела было вызвать его играть в джонаг, но Ибрагим уже знал о ее коварных проделках и потому сказал:

— Прости, я сегодня очень устал, разбит, и я не смогу играть в эту игру. Если будет на то твоя воля, давай сыграем завтра. Пришлось согласиться и отложить игру.

Так вот послушайте. Эта девушка так выучила четырех кошек, что они стояли и держали в лапах свечи перед дастарханом.

— Как это ты смогла так выучить кошек, что они могут держать свечи и даже на еду не бросаются? — спрашивает Ибрагим у девушки.

— Я трудилась много лет, пока научила их этому, — призналась девушка. — Это благодаря моему терпению они такие ученые.

— Да ведь кошка, — возразил Ибрагим, — такой зверь, которого невозможно выучить. Может статься, что в один прекрасный день они не выдержат и бросятся.

— Это невозможно, — сказала девушка.

— Ну а если я сделаю так, что они побросают свечи?

Девушка решила воспользоваться случаем и ответила:

— Если ты сумеешь добиться этого, то я покину дом в одной чадре и оставляю тебе всю богатую утварь вместе с домом. Но если это тебе не удастся, то ты уйдешь отсюда в исподнем!

Ибрагим согласился. Они провели ночь за весельем и пиршеством, потом легли спать, а утром Ибрагим отправился на базар и заказал столяру ящичек с четырьмя отделениями, которые открывались бы и закрывались, как только нажмешь пальцем.

— До вечера будет готово, — сказал столяр.

Ибрагим дал ему золотой и добавил при этом:

— Если заказ будет выполнен хорошо, то вечером получишь еще один.

Так вот послушайте. В Мисре не водились мыши, и знатные люди и вельможи вывозили мышей из других стран и содержали их в клетках, как красивых зверьков. Ибрагим долго кружил по базару, и ему с трудом удалось найти четырех мышей, по золотому за каждую.

В назначенный срок Ибрагим пришел к столяру. А тот приготовил ящичек еще красивей и изящней, чем было

закарано, так что Ибрагим дал ему целых два золотых. Он взял ящичек, посадил в каждое из четырех отделений по мышь. Вечером он спрятал ящичек под платьем и пришел в дом дочери начальника стражи.

Принесли вина, сладостей, кебаб *. Настала пора ужинать, но прежде чем приступить к еде, Ибрагим сказал:

— Я хочу положить кусочек тебе в рот!

И он подошел к ней, положил ей в рот кусочек. Когда он клал третий кусок, половина его упала на ее платье. Пока девушка отряхивала платье, Ибрагим легонько нажал на ящичек пальцем, и оттуда прямо на середину дастархана выскочила мышь. Как только кошки увидели мышь, они побросали свечи и ринулись на мышь. Сразу стало темно, а дочь начальника стражи так и не поняла, что же произошло. А Ибрагим встал, взял свечу у очага, зажег свечи перед дастарханом, а потом отдал кошкам, которые уже сожрали мышь.

— А теперь,— сказал он девушке,— будь верна нашему спору, вставай и иди из этого дома в одной чадре.

— Этот случай я не признаю,— стала она отпираться.— Ты обманул кошек. Давай еще раз побьемся об заклад.

И они опять побились об заклад из-за кошек. Он опять стал класть ей в рот кусочки яств и снова уронил кусочек на ее платье. Пока она отряхивала платье, Ибрагим опять нажал на дверцу, и из шкатулки выскочила мышь. Кошки тут же побросали свечи и бросились на мышь. Ибрагим встал, взял свечу у очага и снова зажег свечи перед дастарханом, дал их кошкам, которые уже успели сожрать мышь. А потом он сказал дочери начальника стражи:

— Обещание надо выполнять!

— Ты выучил язык кошек,— стала отпираться девушка,— я и на этот раз не признаю. Если кошки еще раз бросят свечи, то уж я тогда уступлю.

Он согласился, и они снова приступили к еде. Но девушка на этот раз не позволила Ибрагиму класть ей в рот кусочки. Он не стал особенно настаивать, но во время беседы отвлек чем-то ее внимание и быстро нажал на дверцу шкатулки. Оттуда выскочила мышь, кошки опять бросились на нее, побросали свечи. Девушка была поражена, недоумевала и не знала что делать, как уклониться от выполнения данного слова. И все же она стала отпираться, говоря:

— Я ведь уже говорила, что ты выучил язык кошек. Поэтому и заклад наш не имеет силы.

— Как же так? — возмутился Ибрагим. — Ты бьешься об заклад с людьми и заставляешь их выполнять условия, а сама отказываешься?

Тут он выхватил меч и разрубил ее одним ударом надвое, а потом послал своего раба за вьючными животными. Они вдвоем перевезли все вещи в другой дом и забрали утром даже последнего теленка.

— Отведи его на базар и продай, — велел Ибрагим своему рабу.

— Я все выполнял до сих пор, — стал отпираться раб, — перевез все вещи, но этого делать в чужом городе не стану.

Тогда Ибрагим сам повел теленка на базар, чтобы продать, а люди начальника стражи тут же признали теленка и донесли.

Начальник стражи не стал медлить, тотчас пришел на базар и спрашивает Ибрагима:

— Откуда у тебя этот теленок?

— Купил, — отвечает Ибрагим.

— Не ври, — пригрозил начальник стражи, — говори правду.

— Я сущую правду сказал. Если хочешь получить теленка, уплати сто туманов и забирай.

Но начальник стражи подошел к нему поближе, влепил здоровенную затрещину и закричал:

— Правду говори!

Только Ибрагим стоял на своем:

— Говорю тебе, купил теленка. Если хочешь купить — плати сто туманов. А не хочешь — ступай себе мимо, дорога просторная.

Начальник стражи отпустил ему вторую затрещину, кричит:

— Эй, мерзавец! Ты убил мою дочь и завладел всем ее имуществом! Тебе и жить-то осталось всего миг, а ты еще говоришь о каких-то ста туманах.

Тут Ибрагим стал звать на помощь:

— Люди добрые! Посмотрите, какую напраслину на меня возводят, какую клевету!

С этими словами он так толкнул начальника стражи кулаком в грудь, что тот отлетел локтей на десять. Пока люди подскочили к начальнику стражи, пока подняли его,

Ибрагим замешался в толпу, убежал с базара и пришел прямо в комнату, которую снимал. Он тут же облачился в красивый женский наряд, навел красоту, превратился в ладную девушку и отправился прямо во дворец начальника стражи.

— Я хочу видеть начальника стражи,— сказал он.

Начальник стражи вышел и видит: ну и ну, какая красotka!

— Ханум,— сказал он,— ради души моей, прикажите все, что пожелаете, я все исполню.

— Я дала обет раздать заключенным немного денег. Прошу вас, пошлите со мной вашего человека, чтобы он показал мне заключенных и помог оделить их деньгами.

Начальник стражи был поражен красотой просительницы и потому с готовностью сказал:

— Ханум, приказывайте, я сам, словно раб, готов служить вам и выполню любое ваше повеление.

Ибрагим принялся улыбаться начальнику стражи и благодарить его. А начальник стражи еще больше влюбился в красотку и повел ее в темницу, затаив тысячу надежд и желаний. Начальник стражи открыл двери первой темницы и показал ханум заключенных, а она дала каждому по золотому. Так они навели всех заключенных, а было их больше тысячи. Наконец они пришли к дверям одной темницы, которая была заперта на большой замок.

— Начальник стражи,— попросила девушка-Ибрагим,— я хочу и сюда заглянуть.

— Ханум,— ответил начальник стражи,— эта темница для убийц. К тому же сейчас и стражника нет...

— Все равно, хочу заглянуть сюда!

— Пусть будет так,— сказал начальник стражи, вытаскивал ключ, открыл двери, и они вдвоем вошли внутрь. Посреди темницы лежала колодка.

— Что это такое? — спросил Ибрагим.— Странная вещь. Зачем она нужна?

— Мы привязываем их к погам убийц, чтобы те не могли бежать.

— А как вы это привязываете? — спросил Ибрагим.

Начальник стражи уже потерял голову от страсти к красотке, поэтому он сел на колодку, просунул ногу в дыру и сказал:

— Вставьте в отверстие щеколду и увидите, как это делают. Ибрагим не заставил себя ждать, как можно бы-

стрее продел щеколду, заковал начальника стражи в колодку, потом взял железный прут и огрел что есть мочи начальника стражи и закричал:

— Эй, кровожадный кровопийца! Или теленка моего верни или отдай сто туманов.

Начальник стражи взгляделся и видит — о горе! — это вовсе не девушка, а тот самый юноша с базара. Начальник стражи стал кричать, вопить, звать на помощь, а Ибрагим продолжал лупить его железным прутом, пока тот не потерял сознания. Когда он и кричать перестал, Ибрагим сбросил чадру, стер румяна с лица и покинул темницу.

Прошло много времени. Видят стражники, что их начальник не подает голоса, вошли в темницу — о горе — начальник валяется в луже собственной крови. Они немедленно доложили султану, что в темницу приходила какая-то красивая женщина, избил начальника стражи и убежала. А султан приказал:

— Ступайте немедленно, приведите лучших лекарей страны, пусть они его вылечат.

Но к какому бы лекарю ни обращались, получали один ответ: «Лечить бесполезно, он вот-вот умрет».

А царевич Ибрагим уже прослышал об этом, переоделся лекарем, взял лист бумаги и чернильницу и уселся у входа самой большой мечети города.

Когда все врачи отказались лечить начальника стражи, султан приказал поискать, не осталось ли в городе еще лекаря.

Стражники снова стали искать повсюду знающих людей и набрали наконец на того, что сидел у входа в мечеть. Они не мешкая отвели его к султану.

— Да буду я жертвой за падишаха, — сказал лекарь. — Я непременно вылечу вашего больного.

— Что для этого нужно? — спросил султан.

— Натопленная баня, — ответил лекарь, — да немного сиропу. А лекарства я уж сам приготовлю.

Султан приказал стражникам:

— Сейчас же затопите баню, покауда господин лекарь вернется со своими лекарствами!

— Ваше величество, — обратился к нему лекарь, — пока я буду лечить больного, пусть дворцовый оркестр играет в бане музыку.

— Хорошо, — сказал султан и отдал приказание.

А Ибрагим тотчас же пошел на базар, накупил ос, по-

садил их в бутылку, закупорил ее и сирятал под халатом. Потом он купил шкатулку с разными лекарствами и отпра-вился прямо во дворец султана.

Баня стояла как раз напротив дворца, а двери ее выхо-дили на улицу. На музыку дворцового оркестра собрались люди, особенно много народу было вокруг бани. Лекарь показался народу, вошел в баню, выставил оттуда посторонних и остался один на одии с начальником стражи. А начальник стражи вот уже часа три как пришел в себя, он взмолился:

— Почтеннейший лекарь, ради Аллаха, спаси меня от когтей смерти.

— Сейчас я намажу твои раны зельем,— ответил ле-карь,— и оно тотчас вылечит тебя.

Он подошел к больному, натер его тело сиропом из бутылки, а потом повернулся к нему и закричал:

— Эй, насильник! Или теленка моего отдай, или же сто туманов!

Взглянул начальник стражи и видит, что это тот самый юнеша, который наказал его! Он стал униженно просить:

— Не мучай меня больше, я отдам тебе все, чего твоя душа захочет.

— Мне ничего не нужно, я хочу только отомстить за тех, которых ты притеснял и обижал,— закричал Ибрагим, откупорил бутылку, и оттуда вылетел рой ос. Они слетелись на запах сиропа, облепили начальника стражи и стали жалить его изо всей мочи. Вопли его разносились по всей бане, а Ибрагим вышел наружу и сказал тем, кто стоял на страже у входа:

— Я вылечил начальника стражи, можете забирать его.

Все с радостными криками бросились в баню, а Ибрагим воспользовался суматохой и был таков. Он не стал мешкать, пошел прямо в свою комнату, снял одежды лекаря, надел другое платье и отправился во дворец падишаха. А султану уже доложили, что начальник стражи поправился, да так поправился, что даже в двери не пролезает. Когда султан узнал все обстоятельства дела, он пришел в ярость, велел взломать двери бани и вытащить начальника стражи, который почти был мертв и еле-еле дышал.

Султан велел тотчас же созвать всех лекарей и приказал им скорее приступить к лечению.

— Чтобы завтра же он пришел в сознание и заговорил! — приказал грозно султан, и лекари взялись за дело. Как только начальник стражи пришел в себя, он взмолился:

— Ваше величество, да буду я жертвой за вас! Ведь этот лекарь был тот самый юноша, который убил мою дочь, а меня исколотил в темнице железным прутом, так что я превратился в месиво. В бане мне пришлось натерпеться еще больше. Покуда во мне теплится жизнь, он не оставит меня в покое. Ради бога, избавьте меня от него!

— Как нам быть? — спросил султан везира. — Как поймать этого злодея?

— Есть только один способ изловить его, — ответил везир. — Надо на главной площади поставить на огонь несколько больших котлов. Во все котлы нальем воды, а в одном сварим похлебку. Глашатаю велим кричать, что похлебку эту раздадут во здравие начальника стражи. А сам начальник стражи пусть будет поблизости. Этот негодяй непременно придет разыскивать начальника стражи — тут мы его и схватим!

Султан одобрил совет везира и приказал сделать, как тот придумал.

Как только царевич Ибрагим прослышал об этом, он облачился в одежды хаммала *, так что его узнать нельзя было, пошел на кухню султана, подхватил котлы с водой и похлебкой и поставил на главной площади, где было приказано. В это время принесли начальника стражи и положили поблизости. Как только Ибрагим увидел его, он пошел к себе, облачился в одеяния царевича, сел на своего быстроногого скакуна и помчался прямо на площадь. Вид у него был грозный, люди на улицах разбегались кто куда. Он влетел во весь опор на площадь, подскочил прямо к начальнику стражи и закричал:

— Эй, мерзавец! Или теленка моего верни или отдай сто туманов!

Затем он выхватил меч, ударил и поскакал назад, разгоняя толпу. Пока люди опомнились, его и след простыл.

Когда об этом доложили султану, тот пришел в неоникуемую ярость, грозно закричал своим военачальникам:

— Что вы за вояки, если не можете справиться с одним человеком?

— На этот раз мы его непременно поймем, — стали они клясться и приказали окружить начальника стражи кольцом воинов, чтобы они схватили юношу, как только тот попытается приблизиться.

А Ибрагим, как только въехал во двор, где он остановился, спешился, бросил поводья рабу, вошел в дом, переоделся в лохмотья нищего, повесил одну руку, словно калека, закрыл один глаз, словно слепой, захромал на одну ногу, приклеил бороду и усы, взял с собой миску нищего и посох и пошел на площадь. На площади он стал жалобно кланчить милостыню, плакать и причитать и все время приговаривал:

— Подайте ради имама Резы! *

Никто не стал препятствовать нищему калеке, он подошел к начальнику стражи и попросил:

— Эй, начальник стражи, ради бога, подай похлебки слепому нищему калеке.

— Прочь отсюда! — закричал начальник стражи. — Как я могу подать? Видишь, я ни рукой, ни ногой пошевелить не могу!

— Я помогу тебе встать, подай, — просил нищий.

А начальник стражи подумал: «Может быть, бои да-

рует мне исцеление, если подам милостыню такому несчастному?» Он и не подозревал, что нищий был послан богом, чтобы покарать его за дурные дела. Словом, начальник стражи решил подать милостыню, калека помог ему встать, подвел к котлу с похлебкой. Тут Ибрагим и говорит ему на ухо:

— Начальник стражи, верни теленка или отдай сто туманов!

Начальник стражи как закричит:

— Эй, мерзавец! Ты и теперь, когда я еще жив, не хочешь оставить меня в покое?! Не успел начальник стражи закричать, чтобы юношу схватили, как Ибрагим бросил его в котел с кипящей водой. Люди увидели, бросились на Ибрагима, но он снял бороду и усы и скрылся в толпе. А стражники и зеваки тщетно искали слепого и хромого нищего с бородой и усами. Когда им не удалось найти его, они стали говорить:

— Наверное, это был не человек, а ангел, которого послал Аллах, чтобы покарать начальника стражи, а заодно и его дочь.

А Ибрагим пошел к себе в комнату и сказал рабу:

— Мне здесь больше нечего делать, я сделал все, что хотел. А теперь мне надо идти за листьями дерева тутии из сада дочери падишаха пери.

— Что же ты собираешься делать? — спросил раб.

— Это уж предоставь мне, а ты побудь здесь, покуда я не вернусь.

Ибрагим отправился в баню, помылся, переоделся в опрятные одежды, сел на коня, выехал за городские ворота и подумал: «О боже, что мне делать и по какой дороге двигаться?» И тут он вспомнил, что его наставник однажды учил его: «Если ты когда-нибудь очутишься в пустыне и не будешь знать, куда идти, то закрой глаза, и произнеси семь раз молитву и повернись на месте. Когда раскроешь глаза, то будешь стоять лицом к тому направлению, которое тебе нужно. Туда и иди без опасений».

Царевич Ибрагим выполнил наказ своего наставника, и когда раскрыл глаза, то стоял лицом к пустыне.

Он не мешкая отправился в дорогу. За три дня он прошел путь трех лет и пришел наконец к саду дочери падишаха пери. А стражами в том саду были дивы*, дикие звери и гули*. Но счастье Ибрагима не дремало, и в день его прихода сторожил там благочестивый старик мусуль-

мани. Ибрагим подошел к нему, приветствовал и остановился смиренно и покорно перед ним.

— О юноша из рода людей,— обратился к нему старик,— как ты оказался в стране пери?

— Отец,— отвечал Ибрагим,— я прибыл из Чина, и сам я житель Чина. Я слеп и пришел за листьями дерева тутии.

— Юноша, ты же не слепой!

— Воистину глаза мои не слепы, но сам я слеп, так как не могу раздобыть листья тутии, и потому мне нужен проводник. У меня есть старый слепой отец, он-то и просил меня достать ему этих листьев. А я не знаю, где их раздобыть и как. Теперь, отец мой, веришь в то, что я слеп?

Старик засмеялся и ответил:

— Ты мусульманин, и я мусульманин, мы единоверцы, поэтому я помогу тебе. Чтобы раздобыть эти листья, надо многое знать. Первым делом, тебе надо войти в этот сад и пойти ко дворцу, где спит дочь падишаха страны пери. Сначала оставь рядом с ней палку, потом — ночной колпак, потом немного еды, а потом уж положи рядом с ней ее башмаки. После этого разорви ее платье, а еще нарисуй ей на щеке мушку, да так, чтобы никто, кроме тебя, не мог ее стереть. Пояс ее завяжи узлом, чтобы никто, кроме тебя, не мог его развязать. Все это ты должен сделать так, чтобы не разбудить девушку,— иначе тебе не спастись! Только после этого ты, пройдя через пустыню, попадешь в сад. Первое дерево не даст тебе сорвать с него листья. На втором дереве листья желтые, они тебе не годятся. То, что тебе нужно, растет на третьем дереве, которое будет тянуть ветки все выше и выше. Ты должен изловчиться и сорвать листья. А потом поскорее уходи прочь.

Ибрагим поблагодарил старика, вошел в сад, шел, шел — и пришел ко дворцу. Ну и красавица была дочь падишаха пери! Она блистала, словно солнце, но Ибрагим мешкать не стал, сделал все по совету старика и ухитрился не разбудить девушку. А потом двинулся прямо к деревьям. Первое дерево не дало сорвать с себя листья. Второе дерево с желтыми листьями он сам не стал трогать. Когда же Ибрагим подошел к третьему дереву и попытался сорвать листья, оно стало поднимать ветви выше, но он изловчился, ухватился за веточку и сорвал семь листьев. Ибрагим положил листья в маленькую шкатулку, вышел из сада, простился со стариком, прошел немного по дороге, закрыл

глаза, семь раз произнес молитву, повернулся кругом, открыл глаза, сел на коня и поехал.

Через три дня Ибрагим прибыл в страну Миср, въехал в караван-сарай и сказал рабу:

— Я привез листья дерева тутии, осталось у меня здесь одно дело — вызволить своих братьев.

Он тотчас отправился на поиски, нашел братьев, привел в караван-сарай и по простоте душевной рассказал им обо всем, что с ним случилось, а потом добавил:

— А теперь поднимайтесь, возьмите одежду и деньги, ступайте в баню, вымойтесь, оденьтесь, а потом мы вместе двинемся домой.

Пошли братья пристыженные: младший брат совершил столько подвигов, а они, старшие, так опозорились. Испугались они, что отец станет любить младшего сына больше прежнего, передаст ему трон и венец, а им придется служить младшему брату. И тогда они сговорились сгубить Ибрагима, забрать листья тутии и сказать отцу, что это они сами раздобыли их.

Братья сходили в баню, помылись, оделись и в полночь все вместе выехали из города и двинулись в Чин. Долго ехали, а потом остановились отдохнуть в тени деревьев. Им захотелось пить, они пошли к колодезю, чтобы набрать воды, видят: колодезь глубокий, а веревки нет. Тут Джамшид предложил:

— Придется нам спуститься по одному в колодезь, там напиться воды.

Он сам первый спустился в колодезь, напился, поднялся наверх. Когда же в колодезь, чтобы напиться, полез Ибрагим, братья сбросили вниз камень и разбили ему голову. Они были уверены, что он умер, убили его раба, захватили все его имущество и шкатулку с листьями тутии и двинулись в путь.

А несчастный Ибрагим — голова разбита, кровь ключом бьет — остался в колодезе между небом и землей. Живой. А наверх подняться не может. Тут видит он: в стене колодезца большая дыра — с великим трудом добрался до нее. Словом, когда человеку суждено жить, то даже собака может спасти его. Собака Ибрагима видела, как старшие братья сбросили Ибрагима в колодезь и убили его раба. Она убежала прочь и бежала по стени, пока не увидела в полуфарсанге * от колодезца шатер одного пастуха. Собака пошла поближе и завыла.

— Наверное, собака проголодалась,— сказал пастух,— пойдите бросьте ей кусок хлеба.

Собака схватила хлеб и понеслась с ним к колодцу. Там она бросила хлеб вниз и стала выть. Ибрагим увидел, как верна ему собака, вспомнил о коварстве братьев, из глаз его полились слезы, и он сказал:

— О верная моя собака! Ты благородная тварь. Настанет день, и ты по воле Аллаха станешь моей избавительницей от смерти.

А к нему уже вернулись силы, он изловчился, выловил из воды кусочек хлеба и поел. Тогда собака вернулась к тому шатру и снова завывала. Старший пастух опять сказал:

— Эта собака сильно проголодалась, дайте ей еще хлеба. Пастухи бросили ей еще три куса хлеба, видят, что собака и на этот раз не стала есть, схватила хлеб в зубы и побежала в том же направлении, что и в первый раз.

Спустя час собака вновь прибежала и завывала. Старший пастух был человек мягкосердечный, он сказал:

— Тут что-то есть. Бросьте ей еще три куса хлеба, надо разузнать, что здесь кроется?

Собаке опять бросили хлеба, но на этот раз она не притронулась к нему, а продолжала выть, вилять хвостом и поворачивать голову в сторону, откуда пришла.

Старший пастух понял, что тут есть какая-то тайна и что собака хочет раскрыть им ее.

— Ступайте следом за собакой,— велел он своим сыновьям,— посмотрите, куда она пойдет и чего ей надобно.

Сыновья пастуха пустились вслед за собакой и пришли к колодцу. Собака стала заглядывать в колодец и лаять, а из колодца в ответ на лай послышался человеческий голос. Они подошли ближе и слышат:

— О верный пес мой! Ты намного благороднее моих братьев. Они бросили меня в колодец, за добро отплатили мне злом. А ты, четвероногая тварь, пытаешься помочь мне, приносишь хлеб и хочешь спасти. О верный пес! Ты намного благороднее моих подлых братьев!

Тогда один из юношей снял верхнюю одежду, спустился в колодец, добрался до Ибрагима, приветствовал его и сказал:

— Не бойся, юноша, мы пришли, чтобы спасти тебя. Поднимайся наверх.

— О благородный человек,— отвечал Ибрагим,— я не в силах двигаться и вылезти отсюда.

— Садись ко мне на спину, я подниму тебя!

Сын пастуха посадил Ибрагима на спину и, цепляясь за выступы на стенах колодца, стал подниматься вверх, призывая на помощь имама Али *. Как только они поднялись, братья обмыли раны Ибрагима, перевязали его, посадили его на круп коня и поехали к отцу.

Ибрагим пробыл у пастуха несколько месяцев, пока не зажили раны на голове и не вернулись его силы. И вот в один прекрасный день мимо шатра пастуха проходил караван, и Ибрагим пошел к каравану, чтобы послать весточку отцу. А это был караван купцов Чина, которые после удачных сделок возвращались из Мисра в Чин. Как только Ибрагим узнал об этом, он пошел к старшине купцов, назвал себя. Купец внимательно поглядел на него, признал в нем царевича Ибрагима, обнял его крепко, поцеловал и воскликнул:

— Да буду я жертвой за тебя! Как ты здесь очутился?

— О старшина,— ответил Ибрагим.— Я прошу тебя задержаться здесь на день или два, чтобы я мог проститься с пастухом, которому я обязан добром. Я расскажу вам о себе и вместе с вами отправлюсь в Чин.

— Да буду я жертвой за тебя! — воскликнул старший купец.— Мы все — покорные рабы нашего падишаха, и твое желание для нас закон. Что бы ты ни приказал, я выполняю с великой охотой.

И он тотчас приказал каравану подойти к шатру пастуха, снять выюки с верблюдов и разбить палатки.

Когда наступил вечер, Ибрагим рассказал купцу о своих злоключениях с отъезда из Чина до этого часа. Купец был так поражен, что из его глаз ручьем лились слезы, потом он пал к ногам Ибрагима и сказал:

— Да буду я жертвой за тебя! Пусть весь мой караван принадлежит тебе. С этого часа я буду твоим покорным рабом, который держит стремя твоего коня.

Ибрагим поблагодарил его от души и сказал:

— Прошу у тебя одного: дай мне хорошее платье, доброго коня и закаленный меч. А этому старому пастуху дай тысячу туманов *, — вот уже шесть месяцев как я живу у него. А потом мы вместе двинемся в путь. Несомненно, отец поступит по справедливости и передаст мне власть — уж тогда я не забуду твоих услуг.

Купец сейчас же выполнил его желания. Утром они простились со стариком, который безмерно был рад щед-

рой награде, и двинулись в Чин. Они ехали три месяца, пока ни прибыли наконец в столицу Чина.

А сейчас оставим их и поговорим о подлых братьях. Когда Джамшид и Шамшир бросили своего младшего брата в колодез на гибель, убили его раба и забрали все его деньги, они направились в Чин. Они были в пути три месяца, прибыли наконец в царство отца, вошли во дворец, приписали все подвиги Ибрагима себе и положили перед отцом листья дерева тутии. А падишах все это время очень тосковал по сыновьям, плакал днями и ночами и говорил:

— О если бы у меня вовсе не было глаз! Не пришлось бы мне тогда отправить своих любимых сыновей скитаться по горам и долам! Не пришлось бы подвергать их опасности от когтей и зубов хищников!

Когда же сыновья вернулись, падишах несказанно обрадовался и спросил:

— А какие вести у вас об Ибрагиме?

— Мы даже не знали, что он выехал из дому, — ответили братья. — Зря, отец, вы его отпустили! Ведь он еще молод, и у него нет житейского опыта. А такая дальняя поездка опасна. Мы не надеемся, что он благополучно вернется.

— Уповаю на Аллаха, — сказал падишах. — А теперь велите принести маленькую ступку, посмотрим, на что годятся ваши листья.

Принесли ступку, растолкли листья, и сделали настой и капнули в один и другой глаз падишаха. Сначала глаза падишаха немного горели, потом из них полились слезы, и он прозрел! Как только обитатели дворца услышали об этом, весть распространилась по всей столице. Повсюду зажгли светильники, и началось празднество, которое длилось семь дней и семь ночей.

А падишах Фагфур снял со своей головы венец и возложил на голову Джамшида, старшего сына, а Шамшира назначил его великим везиром. Так два старших брата предательством и коварством достигли власти и стали вести жизнь, полную веселья и пиров. Они погрязли в пороке и разврате, и совсем перестали заниматься делами государства и подданных.

Прошел год, а может меньше, и вот однажды ночью пришли к Фагфуру вестники и доложили, что вернулся царевич Ибрагим. Тот несказанно обрадовался и приказал:

— Пусть войдет немедленно.

Ибрагим вошел, отвесил земной поклон, попросил разрешения сесть, рассказал о всех своих злоключениях и довел рассказ до того места, где братья бросили его в колодезь и сбросили на голову камень. Он рассказал и о том, как он спасся из колодеца, как лечился у старого пастуха, как купец помог ему вернуться к отцу.

А Джемшиду лазутчики донесли о возвращении Ибрагима. Когда Ибрагим разговаривал с отцом, Джемшид сидел за дверью, и как только брат окончил свой рассказ, он распахнул дверь, смело подошел к отцу и крикнул:

— Этот дурак все выдумал! Он жлет! Уж я покараю его!

И он приказал схватить Ибрагима и отрубить ему голову.

Бедняга Фагфур был в полном подчинении у сына и не мог ничего сделать, чтобы спасти Ибрагима. Он стал рыдать и лить слезы, упал к ногам Джемшида, умоляя простить Ибрагима. Кое-как удалось ему вырвать Ибрагима из лап смерти, но Джемшид повелел на всю жизнь заточить его в темницу. А бедняга Ибрагим проливал слезы, в сердце его бушевало пламя, и он говорил себе: «Зачем я вернулся в Чин? Зачем не остался служить благородному пастуху? Ведь у меня был бы кусок хлеба и жил бы я на свободе!».

На этом оставим их и поговорим о дочери падишаха пери. Вскоре после того как Ибрагим сорвал листья тутии и покинул сад, дочь падишаха пери проснулась, огляделась и видит, кругом что-то странное. В одном месте лежит палка, в другом — еда, в третьем — ночной колпак, платье ее разорвано, на лице ее нарисована мушка, а пояс затянут узлом. И тут она вспомнила, что когда-то видела во сне красавца юношу, в которого она тут же влюбилась. А когда проснулась, то как ни пыталась изгнать из памяти его образ, ей никак это не удавалось. Она потихоньку рассказала об этом одному из бывалых старцев-пери, который постиг разные тайны. Он же посоветовал ей молчать и пообещал, что в скором времени этот юноша прибудет из Чина, чтобы сорвать в ее саду листья тутии для глаз своего отца.

— Будь всегда настороже, — предупредил старец, — и как только он появится, захвати его, и уж тогда ты сможешь провести свою жизнь в веселье и наслаждении, и неге с ним.

И вот дочь падишаха видит — о горе! — этот юноша был здесь, сорвал листья тутии, перехитрил ее, разорвал ее платье, завязал на поясе узел, нарисовал на щеке мушку и убежал.

Она расстроилась, пришла в сильный гнев и тотчас отправила письмо к отцу, в котором известила о том, что случилось.

«Человек сотворил такое,— писала она,— надо отомстить ему». Падишах пери пришел в неопишемую ярость, собрал сто тысяч дивов, зверей и гулей и отправил их к дочери, чтобы она сама возглавила их, повела на Чин и отомстила за себя. «Преврати царство Чина в прах,— закончил падишах послание к дочери,— насыпь прах в торбы и развей на четыре стороны».

Дочь падишаха пери обрадовалась и двинулась на Чин во главе отцовской рати. Она прибыла к воротам столицы Чина, и в городе распространилась весть об этом. Жители столицы перепугались, воздели руки к небесам, стали молиться об избавлении от дивов и нечистой силы. А дочь падишаха пери послала к Фагфуру посла с требованием:

— Вышли ко мне того, кто сорвал листья тутии в моем саду, и я прошу тебя. А иначе я насыплю прах всей твоей державы в торбы и каждую торбу развею по ветру в другой стране.

Тогда Фагфур пришел к Джамшиду, который царствовал и говорит:

— Дорогой сын! Ты сам видишь, рать джинов * заполнила всю нашу державу. Они требуют того, кто сорвал листья дерева тутии в саду падишаха их страны. Ведь это ты сорвал листья! Отправляйся к ним, посмотри, чего они хотят.

— Конечно, отправлюсь, я вовсе не боюсь их,— ответил Джамшид и велел снарядить тут же войско в сто пятьдесят тысяч человек. Он сел на коня и поскакал впереди войска прямо на лагерь дивов. Как только Джамшид прибыл в ставку, он велел передать: «Я прибыл. Какое ко мне дело?» — «Войди ко мне»,— велела ответить ему дочь падишаха пери. «Приходи сама»,— ответил Джамшид.

Тогда она послала одного дива, тот схватил Джамшида и полетел вместе с ним к дочери падишаха.

— Это ты пробрался в мой сад? — спросила она.— Говори правду, ибо только в правде твое спасение.

— Да, это был я. Я пробрался в сад и сорвал листья тутии,— ответил Джамшид.

— А где доказательство? — спросила девушка. Джамшид растерялся и не смог ничего ответить. Тогда дочь падишаха пери велела разрубить мечом его на четыре части и повесить каждую часть над городскими воротами.

Затем она опять послала гонца к Фагфуру с требованием прислать того, кто пробрался в ее сад, а не то она развеет прах страны по всему миру. Фагфур пришел к Шамширу:

— Дорогой сын, ведь это ты пробрался в сад дочери падишаха пери. Тебе надо отправиться к ней и держать ответ!

— Хорошо, я пойду,— согласился Шамшир, велел снарядить войско, отправился прямо к дочери падишаха пери, и она спросила:

— Эй, Шамшир, это ты пробрался в мой сад и сорвал листья тутии?

— Да,— ответил Шамшир.

— А где доказательство? — спросила она, и он растерялся. Она приказала и его четвертовать и повесить останки над городскими воротами.

Вновь поехал к Фагфуру посланец с требованием прислать того, кто пробрался в сад. «Твои прежние посланцы,— писала девушка,— сказали неправду и были наказаны как за самый тяжкий грех».

И тут Фагфур сказал:

— О горе! Воистину Ибрагим был прав. Подтвердилось его обвинение против братьев. Что же мне теперь делать? Ведь он настрадался от нас и вряд ли пойдет к диван и гулям...

Но он волей-неволей послал за Ибрагимом и стал просить его отправиться к дочери падишаха пери. Ибрагим ответил посланцам:

— Ступайте и скажите отцу, почему он в тот день, когда меня бросили в темницу, не вызволил меня? Почему не велел выпустить меня на свободу? А теперь, когда ему туго, он хочет освободить меня! Не выйду я из темницы!

Тогда вельможи и сановники, которые видели, что дела державы очень плохи, заставили Фагфура набить свои сапоги землей, повесить их на шею, закрыть глаза, а потом накинули ему на шею веревку и поволокли к темнице, чтобы он в таком унижении просил прощения у сына.

Когда Ибрагим увидел отца в таком унижении, ему стало стыдно, он вскочил на ноги, пал к ногам отца, стал просить прощения, снял с отцовской шеи сапоги, высыпал из них землю, открыл ему глаза, и они вдвоем вернулись во дворец. Ибрагиму передали письмо дочери падишаха пери и сказали:

— Никто не сомневается в том, что только ты сумел пробраться в сад дочери падишаха пери. А если ты ответишь на ее вопросы, то и вовсе никаких сомнений не останется.

А Ибрагим с первого взгляда влюбился в дочь падишаха пери, потому с радостью принял ее приглашение. Он поцеловал письмо, позвал гонца и сказал:

— Передай царевне, что я прибуду с великой охотой.

На другой день утром он во всем великолепии выехал в ставку дивов. Царевна послала навстречу ему своих саповников, встретила его с большим почетом, так как была уверена, что на этот раз прибудет именно тот, кто пробрался в ее сад.

Ибрагим подъехал к шатру дочери падишаха пери, а за ним шли невольники в золотых поясах, с золотыми булавами, кони в богатой сбруе. Как только царевна взглянула на Ибрагима, она убедилась, что это он приснился ей. От радости она чуть не лишилась сознания, но сумела сдержаться, встала, встретила Ибрагима, обняла его, усадила рядом с собой на трон, а потом спросила:

— Это ты пробрался в мой сад?

— Да, это я приходил за листьями тутии, чтобы вылечить глаза моего отца.

— Каковы твои доказательства? — спросила царевна.

— Семь доказательств у меня, — отвечал Ибрагим. — Первое — палка, второе — сложенные вместе башмаки, третье — ночной колпак, четвертое — еда, пятое — разорванное платье, шестое — узел на поясе, седьмое — мушка на лице.

— Прекрасно! — воскликнула девушка и приказала принести шербет и сладости, начала потчевать Ибрагима, а потом говорит:

— О царевич Ибрагим! Узел, который ты завязал у меня на поясе, я не могу развязать, а мушку на лице не могу стереть. Развяжи этот узел и сотри мушку.

— Пока я не женюсь на тебе, — говорит Ибрагим, — это невозможно сделать.

— Я-то не против,— сказала девушка,— но надо спросить разрешения у моего отца. Как он прикажет, так и поступлю.

Она велела тут же привести писца и продиктовала свою просьбу в самых ласковых выражениях. А шах пери ответил дочери: «Ты уже в таком возрасте, когда сама можешь решать. Ты рассудительна и сама лучше меня определишь, что для тебя лучше. Если ты считаешь, что сын падишаха Чина достоин тебя, то я даю свое согласие на свадьбу».

Когда пришел ответ, девушка показала его Ибрагиму, и они очень обрадовались. Они отправились в столицу Чина, город убрали по-праздничному, и Ибрагим женился на дочери падишаха пери. Они справили свадьбу, и пир продолжался семь ночей и дней.

В первую брачную ночь Ибрагим развязал узел, который никто, кроме него, не мог развязать, стер нарисованную им мушку. Падишах пери уступил свое царство зятю, падишах Чина тоже отдал сыну трон, так что Ибрагим стал падишахом двух держав — царства людей и царства пери. А рассказ учит тому, что зло есть зло, а добро — добро.

СКАЗКА ПРО ХАРКЕНА И ПРОРОКА МУСУ

Было так, а может, и не было. Однажды, когда пророк Муса* собрался на гору Синай для беседы с богом, дорогу ему преградил один бедняк харкен* и сказал:

— Эй, Муса, сегодня, как закончишь беседу с господом богом, скажи, чтобы он и на нас обратил свой взор, может, выберемся мы тогда из нужды!

Бедняк этот жил тем, что собирал и продавал хворост и терновник. Муса пообещал бедняку выполнить его просьбу и отправился к горе Синай. Помолился он там, поговорил с богом и вечером собрался назад. И только когда поравнялся с харкеном, вспомнил, что забыл передать богу его просьбу. А бедняк подошел к пророку поближе и спрашивает:

— Эй, Муса, довел ли ты до господа бога мою просьбу?

Пророку Мусе стыдно стало, отдал он бедняку свои четки, ценные и дорогие, и сказал:

— Продай эти четки, добрый человек, а деньги потрать на свои нужды. Посмотрим, какова будет воля Аллаха дальше.

Бедняк очень обрадовался и пошел прямо на базар продавать четки. По дороге он попался на глаза начальнику стражи. Увидел тот дорогие четки в руках бедняка, оглядел его лохмотья и грозно сказал:

— Ну-ка, выкладывай, чьи это у тебя четки? Ты их наверняка украл! Такие четки только у хакима * бывают!

С этими словами начальник стражи вырвал четки у бедняка из рук. Бедняга харкен стал было возмущаться, но начальник стражи велел своим стражникам схватить наглеца и бросить в темницу.

Видит бедняк, плохи его дела — ограбили да еще в тюрьму засадят, опозорят его, — и пустился бежать подалее от беды. Улочку за улочкой оставлял он за собой, пока закоулками не добрался до своей лачуги. Дома он рассказал обо всем случившемся жене.

— Не горюй, все в воле бога! Значит, суждено было так. Аллах щедр и великодушен, снова поможет нам! — говорит жена.

На следующее утро, когда Муса шел к горе Синай, харкен сказал ему:

— Эй, Муса, четки, что ты дал мне вчера, отнял у меня начальник стражи, да еще хотел меня в тюрьму посадить — еле ноги от него унес. Сегодня после беседы скажи богу, пусть обратит свои взоры на нас!

Пророк Муса согласился и продолжал свой путь. Надо же было так случиться, что Муса и в этот раз позабыл сказать богу о бедняке. Вспомнил он про него уже вечером, когда возвращался с горы и опять повстречал его.

Харкен ждал пророка у дороги. Муса достал свой кошелек с золотом и отдал бедняку, говоря:

— Потрать это золото, а там посмотрим, какова будет воля Аллаха!

Харкен очень обрадовался. Взвалил на спину вязанку и поспешил к городу. Прошел немного, захотелось ему справить нужду. Сбросил на землю вязанку, положил на нее кошелек с золотом и отошел в сторону. Пока он занимался своим делом, откуда ни возьмись, подлетела ворона, подхватила клювом кошелек и унеслась прочь.

Снова харкен вернулся домой со слезами на глазах и с горечью в сердце. Рассказал он о случившемся жене. Та стала его утешать:

— Не горюй, все в воле Аллаха! Как он захочет, так и будет!

Наутро, когда пророк Муса направлялся к горе Синай, харкен опять подошел к нему и сказал:

— Эй, Муса, лишился я и твоего кошелька с золотом. Вчера его ворона утащила. Еще раз скажи богу, пускай обратит на нас свои взоры, может, выберемся в конце концов из нужды.

В этот день пророк Муса не забыл про бедняка. После беседы с богом он поведал ему о злоключениях харкена в прошедшие два дня и передал его просьбу.

— Эй, Муса,— донесся до пророка голос бога,— скажи этому моему рабу, что отныне его дневная выручка возрастет на один шай*!

Вечером пророк Муса, возвращаясь с горы Синай, увидел бедняка, поджидавшего его у дороги, и сказал ему:

— Сказать тебе правду, так вчера и позавчера я забыл о твоей просьбе, не говорил о тебе богу, а тебе дал свои четки и кошелек. Сегодня я выполнил твое поручение. Бог сказал, что отныне твоя выручка увеличится в день на один шай.

Обрадованный харкен взвалил на спину свою ношу и понес в город к хозяину, которому обычно продавал свой хворост. Тот спросил его:

— За сколько я покупал у тебя вязанку до сих пор?

— За пять шаев,— ответил харкен.

— Хорошо,— сказал хозяин,— с сегодняшнего дня буду платить тебе шесть.

Харкен, получив на шай больше, чем всегда, сказал себе: «Истрачу-ка я эту прибавку сейчас же, куплю рыбу».

Купил он рыбу и отнес домой. Жена взяла рыбу, чтобы почистить и сварить ее, стала вынимать внутренности и вдруг увидела в животе у рыбы круглый прозрачный камень величиной с яйцо,— он весь светился!

Она побежала к мужу и показала ему находку.

— Повезло нам,— сказал тот...— У нас как раз лампы нет, вот и будет нам камень светить вместо лампы.

Поужинали муж с женой и легли спать.

В этот самый вечер к городским воротам подошел ка-

раван с товаром для хакима. Время было позднее, и ворота оказались заперты. Купец, ведший караван, долго упрашивал стражу открыть ворота, объяснял, что он привез товары хакиму, что он старейшина купцов этой страны, но проку было мало. Ворота ему не открыли, сказали, что до утра ни входить, ни выходить из города не положено и пока не рассветет, караван не впустят. Купцу ничего не оставалось, как подчиниться судьбе. А он устал и проголодался.

— Пойди посмотри, нет ли где поблизости жилья, может, сумеешь достать нам немного хлеба и воды, — велел он слуге.

Слуга отправился искать жилье и скоро увидел вдали свет. Пошел на свет и оказался у жалкой лачуги харкена. Постучался слуга, харкен проснулся и спросил, что ему надо.

— Дай мне какой-нибудь еды, я отнесу своему хозяину.

— Стулай, братец, своей дорогой, да упокоит бог твоего отца! Нам самим есть нечего.

Слуга вернулся к купцу и рассказал, что нашел бедняка, да ничего не сумел у него достать.

— Дай-ка я сам схожу к нему, может уговорю, — решил купец.

Пришел он к лачуге, постучался. Харкен снова проснулся, открыл дверь и сердито спрашивает:

— Что тебе надо, братец, чего спать не даешь?

— Добрый человек, я пришел попросить у тебя поесть чего-нибудь, — ответил ему купец.

— Я ведь сказал, нет у меня ничего!

Пока они говорили, купец заметил на полке ярко светившуюся стекляшку.

— А что это у тебя так светит? — спросил он с удивлением.

— Нам это штука ночью вместо лампы служит.

— Продай ее мне,— предложил купец.

— Нет, она нам самим пужна.

— Я тебе сто туманов * дам.

Харкен подумал, что купец смеется над ним, и говорит:

— Мало даешь!

— Тысячу туманов,— сказал купец.

— Мало даешь,— опять говорит бедняк.

— Десять тысяч туманов!

Короче говоря, сошлись они на пятистах тысячах туманов. А харкен подумал про себя: «А что, если я возьму у него сейчас деньги, а он завтра пойдет к начальнику стражи жаловаться, что я их у него украл?» Рассудив так, бедняк сказал купцу:

— Наша сделка возможна только с одним условием. А условие вот какое. Завтра утром, когда пойдешь к хакиму, захвати меня с собой и при нем скажи, что ты даешь мне эти деньги за мой камень.

Купец согласился, и утром оба отправились ко дворцу хакима.

По дороге купец подумал, что если хаким узнает, за что он платит такие деньги бедняку, заберет камень себе.

Поэтому, представ перед хакимом, купец сказал:

— О владыка, долгие годы я ничего не знал о своем брате и вот вчера вечером вдруг нашел его в этом городе. Я привел его с собой предста-

вить вам и передать ему при вас половину своего богатства, чтобы он мог заняться торговлей.

Хаким оглядел харкена, остался доволен его благородной осанкой, стройным станом и решил оставить его при себе.

— Незачем ему заниматься торговлей, пусть остается в моем дворце и присматривает за моими делами,— сказал хаким и велел тут же отвести харкена в баню и одеть его в чистые роскошные одежды.

Разбогатевший харкен купил поблизости от дворца хакима большой дом, убрал его богатой утварью. Дни он проводил у хакима, присматривая за всем, что делалось во дворце.

Как-то прогуливался он по саду перед дворцом и увидел начальника стражи, а в руках у него те самые четки, которые дал харкену пророк Муса. Харкен немедленно подозвал его к себе и стал поносить:

— Ах ты негодник, такой-сякой, разве не говорил мне, что эти четки должны быть у хакима! Как же они очутились теперь в твоих руках? Для того ты их у меня отнял, злодей?!

Начальник стражи упал ниц и залепетал:

— Пощади меня! Согрешил я, виноват! На, возьми свои четки и прости меня!

Харкен, получив свои четки, отпустил начальника стражи без наказания.

Прошло несколько дней. Хаким призвал к себе харкена и сказал ему:

— Какая-то ворона не дает мне ночью спать. Вели срубить в саду деревья, на которых гнездятся вороны.

Харкен тотчас же приказал принести пилу и спилить деревья. И вот с верхушки одного дерева прямо к ногам харкена упал кошелек с золотом. Это оказался тот самый кошелек, который утащила ворона в лесу. Харкен, хоть и был теперь богатым, очень обрадовался золоту.

Короче говоря, дела у харкена день ото дня шли лучше.

Прошло время.

Как-то в город с большим караваном товаров прибыл тот самый купец, который купил у харкена камень. Харкен сказал себе: «Я многим обязан этому человеку. Приглашу-ка его к себе в дом, угощу как следует, покажу, как я теперь живу».

Так он и сделал. Пригласил купца к себе, угостил достойно, рассказал, как хорошо пошли его дела со дня их встречи. После обеда они совершили намаз, и тут дьявол разбудил в душе купца зависть и стал подстрекать его досадить харкену. Усмехнулся купец и сказал ему:

— Да будет тебе известно, что твоя стекляшка оказалась на редкость дорогим камнем, я продал его за несколько миллионов туманов.

Но харкен выслушал его слова равнодушно, мало того, сам расстроил купца!

— Эй, друг, ты за него полмиллиона отдал, а мне он достался почти даром. В тот день, когда ты прибыл к нам, я купил рыбу за один шай, в ее животе мы и нашли этот камень.

Услышал это купец, завопил во всю мочь и упал. И разбил его паралич. Сколько его ни лечили, ничего не помогло, он умер.

О его смерти сообщили хакиму. Говорят, нет у него ни жены, ни детей, как быть с его достоянием?

— Разве вы не знаете, что харкен — его брат? — удивился хаким.— Все добро купца должно перейти к нему.

После этого харкен долгие годы прожил в благоденствии, владея несметным богатством.

ДЕРВИШ И ХАТЕМ ТАИ

Жил на свете нищий дервиш*. Пошел он однажды к дому одного человека и стал петь. Ему дали пол-лепешки, а он говорит:

— Что это вы дервишу подаете только пол-лепешки?

— Мы ведь не Хатем Таи* — ответили ему.— Если хочешь больше, то ступай к Хатем Таи.

Дервиш расспрашивал, расспрашивал — и пришел наконец к дому Хатем Таи. Он стал петь молитвы, и ему вынесли ягва в золотых посудилах. Дервиш удивился и сказал только:

— Ничего мне не надо, я хочу только повидать Хатем Таи.

— Ну так входи и иди в ее комнату,— сказали ему. Он вошел в комнату, сказал приветствие и сел.

— О Хатем,— начал дервиш,— я хочу задать тебе один вопрос, если на то будет твое согласие.

— Говори.

— Откуда ты раздаешь столько милостыни? Даже золотые тарелки оставляешь нищим!

— Дервиш, я тоже хочу знать одну тайну. Разузнай эту тайну, уж потом я поведаю тебе свою — был ответ.— У городских ворот сидит слепец и просит подаяния, он всегда говорит: «Во имя Аллаха, тот, кто сжалятся надо мной, пусть станет таким же, как я». Почему?

Дервиш пришел к слепцу и говорит:

— О слепец! Какая тайна в том, что ты говоришь, чтобы каждый, кто сжалятся над тобой, стал таким же, как ты? Ведь так люди ничего тебе не дадут!

— Если ты хочешь знать мою тайну,— ответил слепец,— знай, что есть на свете кузнец. Он открывает кузню, разжигает горн и поднимает молот, но даже и не смотрит на железо, а с самого утра, как придет в кузню, глаз не сводит с дерева против двери, а вечером возвращается домой, так и не сделав ничего. Пойди и разузнай его тайну, и уж потом я раскрою тебе свою.

Дервиш отправился на базар, нашел кузню, дня два наблюдал за кузнецом и убедился, что слепец прав. Тогда он пошел к кузнецу, приветствовал его и спросил:

— Эй, кузнец, едва ты откроешь свою кузню и до самого вечера ты не отводишь глаз от этого дерева. Что за причина тому? Ведь дело-то у тебя стоит!

— Дервиш,— отвечал кузнец,— если хочешь постичь мою тайну, ступай к реке. Там есть рыбак, он с утра до вечера бросает сеть, а пойманную рыбу выпускает в реку. Если ты узнаешь его тайну и поведаешь мне, то я готов поведать тебе свою.

Приходит дервиш к реке и видит, правда, рыбак бросает сеть в реку, ловит рыбу, а потом вновь пускает ее в реку. Дервиш подошел к нему, приветствовал и спросил:

— Эй, рыбак, в чем причина того, что ты ловишь сетью рыбу, а потом вновь выпускаешь ее в реку? Что это за тайна?

— Почтенный дервиш,— отвечал рыбак,— есть на свете тайна, которую я сам хочу разгадать. Раскрой эту тайну, поведай мне, и я открою тебе свою. Есть на свете падишах, живет он в своем дворце, а во дворце у него

есть собака. Есть у падишаха дочь, прекрасная, как полный месяц, которую он держит в клетке. Когда падишаху приносят еду, то приносят блюдо и для собаки. Когда собака наестся, обедаки дают дочери. Пойди узнай, какая в этом тайна, и тогда я тебе поведаю свою.

— Хорошо,— согласился дервиш и двинулся в путь. Но путь был далек. И вот пришел он однажды к дереву, сел под ним отдохнуть. Вдруг видит, что большая змея собирается взобраться на дерево. Дервиш ударил змею по голове посохом и убил. А потом услышал с дерева крики птиц. Он отрезал кусок змеи, бросил наверх и сказал:

— Съешьте кусочек мяса!

И заснул. Тут прилетела огромная птица Симорг* и закричала:

— Эй, подлый человек! Это ты всякий раз пожираешь моих птенцов?

Но птенцы, как только услышали, стали кричать:

— Не трогай его! Не трогай! Он убил нашего врага.

От их криков и писка дервиш проснулся, вскочил, а Симорг его спрашивает:

— Эй, человек! Как ты здесь очутился?

— Я иду, чтобы разузнать тайну одного падишаха,— отвечал дервиш. И он рассказал Симоргу о том, что его привело сюда.

— Кому падишах поведаст свою тайну, того тотчас убивает. Но ты возьми мое перо, всегда храни при себе и не бойся. Когда падишах откроет тебе тайну и захочет убить тебя, ты попроси у него разрешения подняться на крышу и совершить перед смертью намаз*. Как только поднимешься на крышу, сейчас же сожги мое перо. Я тут же прилечу и спасу тебя.

— Хорошо,— ответил дервиш и пошел прямо во дворец падишаха. Там он начал читать молитвы, а потом сказал рабам падишаха:

— Ступайте и скажите падишаху, что я — дервиш из дальних стран. Мне негде остановиться в этом городе, найдите для меня местечко.

Рабы доложили о дервише падишаху, а он был очень гостеприимным и потому приказал:

— Ступайте, приведите его сюда.

Дервиш поселился во дворце падишаха и прожил там несколько дней. Присмотрелся он и убедился, что в самом деле падишах держит в клетке дочь, прекрасную, как

полный месяц. Во дворце была также собака, которую кормили редкими яствами. Когда собака наелась, дочь падишаха выволакивали из клетки и ударами плетей заставляли есть собачьи объедки, а потом снова сажали в клетку.

И вот однажды дервиш обратился к падишаху:

— Ваше величество! Чего ради эта девушка должна питаться объедками собаки?

— Не доискивайся, дервиш! — ответил падишах. — Если я поведаю тебе тайну, то мне придется убить тебя. Коли ты согласен умереть, я открою тебе эту тайну, а коли нет — ступай по своим делам и не вмешивайся в мои.

Дервиш стал упорствовать и согласился принять смерть за тайну. Тогда падишах велел всем выйти и рыдая начал:

— Девушка, которую ты видишь, — говорил он, — не дочь моя. Она была моей женой. Я очень любил ее. Однажды ночью вижу я, что она не спит, беспокоится. Притворился я спящим, стал ждать. И вижу, она потихоньку встала, взяла золотой подсвечник от изголовья, пошла в другую комнату, переделась, украсилась на все семь ладов, взяла свечу и вышла из дворца. Я скорей оделся в платье дервиша, наложил в кашкуль * еды и пошел вслед за женой. Так мы пришли к башне, где жили мои гулямы *. Жена вошла в башню и поднялась наверх. Я же крался в ее тени и неотступно следовал за ней. Она вошла в комнату, где были мои гулямы и нукеры *. Они играли на сазе и пели, занимались своими делами. Я спрятался за дверь и смотрел в замочную скважину. Как только моя жена вошла в комнату, гулямы стали бранить ее за то, что она поздно пришла. А она стала оправдываться. «Этой ночью, — говорила она, — падишах был в моих покоях и никак не мог заснуть. Как только он заснул, я встала и пришла». В это время я нечаянно задел дверь, она закричала, и ко мне прибежала собака. Я кинул ей немного еды из кашкуля, она перестала лаять и стала есть. А я подавал голос: «О люди добрые! Я бедный дервиш из дальних стран. Пустите меня переночевать!»

Один из гулямов грубым голосом закричал: «Ступай себе мимо! Нам ослы не нужны!» Я опять стал просить и умолять, пока наконец они не сжалились и не сказали: «Войди и ложись в том уголке».

Я вошел, набросил на себя шубу, лег и притворился спящим. А гулямы и нукеры тем временем стали пить вино

с моей женой, веселиться, пировать, петь. Наконец от обилия вина все они опьянели. Но тут один из них случайно ли, нарочно ли встал, посмотрел на меня и говорит: «Друзья! Да ведь это падишах!» А другой отвечает: «Приятель, не дури. Откуда здесь быть падишаху?» Тут поднялся третий: «Клянусь Аллахом,— говорит,— это — вылитый падишах!» Тогда вмешалась моя жена: «Коли так, не раздумывайте, убейте его».

Гулямы набросились на меня, но тут вдруг в комнату вбежала собака, которую я накормил, бросилась на гулямов и стала рвать их на части. Пока они отбивались от собаки, я улучил момент, было у меня две ноги, так я еще две призял и пустился наутек. За мной прибежала и собака, и мы скрылись во дворце. Я лег в свою постель. Перед самым утром вошла жена и тоже легла спать.

Утром я позвал гулямов и нукеров и приказал всех казнить. А жену заточил в клетку, и с тех пор ее доля такова. Она должна есть объедки собаки, так как собака оказалась намного благороднее ее.

— Вот так, почтенный дервиш,— закончил падишах,— такова моя повесть. А теперь настал твой черед, придется отдать тебя палачу.

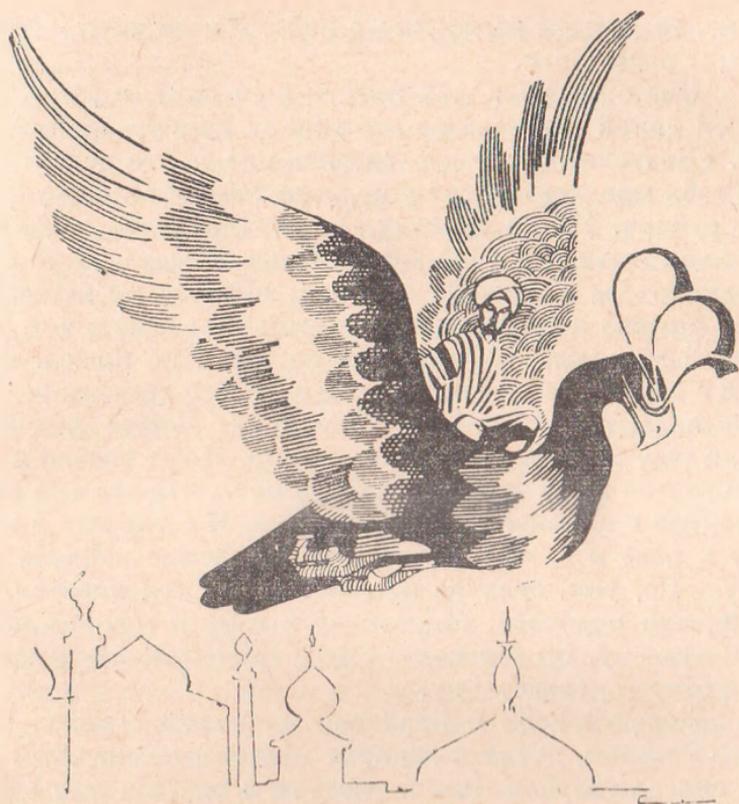
И падишах приказал позвать палача и отрубить дервишу голову.

— О падишах,— взмолился дервиш,— убить меня — твое право, но позволь мне подняться на крышу и совершить перед смертью намаз. Потом я затаюсь разок из кальяна, и уж после этого вели меня казнить. Если ты боишься, что я убегу, то пусть твои воины окружают весь дворец.

— Разрешаю тебе эту отсрочку,— сказал падишах, а дервиш встал, поднялся на крышу, вытащил перо птицы Симорг, спалил его, и в тот же миг перед ним предстала птица Симорг, схватила его в клюв, взлетела вместе с ним и поставила его под тем самым деревом, на котором было ее гнездо.

Оттуда дервиш пошел прямо к рыбаку и рассказал ему повесть о падишахе, а рыбак стал рассказывать о себе.

— Я всегда приходил ловить рыбу,— начал рыбак,— и вот однажды я забросил свою сеть в реку, стал тянуть, но она оказалась очень тяжелой. Еле вытащил я сеть, а в ней оказался сундук. Я подошел к сундуку и собирался было разбить крышку, как услышал изнутри голос: «Не

открывай сундук, я нагая. Приведи муллу и сочetaйся со мной браком — и тогда я дам тебе ключ от сундука, ты откроешь его, и я выйду наружу».

— Я пошел, привел муллу, тот заключил брак, девушка протянула мне ключ сквозь щелку, я открыл сундук и увидел перед собой полную луну! Мы вдвоем отправились в мою лачугу. А дома она говорит мне: «Больше не лови рыбу. Открой ювелирную лавку. Я тебе буду давать камни, а ты продавай их».

— После этого я открыл богатую лавку, жена дала мне много драгоценностей, а хижина моя превратилась в настоящий дворец. Стал я господином ювелиром.

— Сижу я однажды в своей лавке и приходит какая-то женщина с дорогими камнями, показывает мне. «Сколько они стоят?» — спрашиваю я, а она в ответ говорит: «Я их продам при условии, что ты женишься на мне». — «Идет», — согласился я. «А у тебя есть другая жена? — спросила женщина. «Да». — «Если ты хочешь жениться

на мне, то должен развестись с ней». — «Согласен, — отвечал я, — разведусь».

— Она объяснила, как пройти к ее дому, и ушла. А я пришел домой и рассказал это своему кумиру, подобному луне. «Почтенный рыбак, — сказала она. — Это ведь я сделала тебя ювелиром! Если я надоела тебе, изволь, я уйду в свой сундук. Запри крышку, а ключ просунь в щелку. А потом отнеси сундук к реке и брось в воду». Я не стал упрашивать ее и крикнул во гнев: «Сейчас же вставай!»

— Бросил я сундук в воду, потом стал искать тот дом, который мне назвала женщина, но так и не нашел. Вернулся в лавку — а там ни камней, ничего другого, только кости валяются да собаки грызут их. Пошел домой — и дома нет, стоит моя прежняя лачуга. И тут только я понял, что моя жена хотела испытать меня, что это она сама приходила с камнями и торговалась. И с тех пор я прихожу к реке и вновь бросаю сеть в надежде поймать тот сундук. По, увы, сундука нет. Вот и вся моя история.

Дервиш поднялся, отправился в путь и пришел наконец к кузнецу. Он рассказал ему о тайне рыбака и потребовал открыть свою тайну.

— Каждый день я приходил на кузню, — начал кузнец. — Вечером, когда я запираю мастерскую, на этом дереве сидела голубка. Она подлетала и бросала мне ашрафи *. Пока я, горемыка, не сказал однажды голубке: «Что это такое? Ты бросаешь мне только по одному ашрафи! Вот я поймаю тебя, распотрошу тебе зоб и вытащу оттуда все монеты».

— Вечером вижу, сидит голубка на дереве. Я подошел, схватил ее за хвост, хвост остался у меня в руке, а сама она улетела. А я вдруг оказался в саду, там на престоле сидит красавица, вокруг трона стоят сорок луноликих прислужниц. Та, что сидела на троне, говорит мне: «Эй, кузнец! В течение сорока дней ты будешь брать на ночь одну из прислужниц. А на сорок первую ночь я сама приду к тебе».

Но у меня не хватило сил ждать сорок дней. Пять или шесть ночей я провел с прислужницами, а на седьмую ночь попытался завладеть владычицей трона, и она сказала мне: «Потерпи немного, отвернись в сторону, а потом взойди на трон». Я отвернулся и вдруг — сижу я в своей кузне, бью молотом, а от того сада и луноликой и следа не осталось. И с тех пор я не могу отвести глаз от этого дерева и

только и мечтаю хоть раз еще увидеть голубку. Вот и вся моя тайна, о дервиш.

Дервиш поднялся и пошел прямо к слепцу. Он рассказал ему повесть кузнеца и попросил поведать его тайну.

— Я был хозяином караванных мулов,— начал слепец.— И вот однажды один купец навьючил на моих мулов пять вьюков ашрафи и попросил отвезти в другой город. А я не знал, что во вьюках находятся ашрафи, а не то я не согласился бы за такую плату. И вот только посередине пути я догадался, что это ашрафи. Я бросил наземь вьюки и потребовал: «Или ты отдашь мне два вьюка ашрафи, или я оставляю твой груз здесь».

Бедняге купцу ничего не оставалось, как согласиться. Проехали мы немного, и я опять бросил наземь его вьюки и говорю: «Или ты мне отдашь еще один вьюк, или поступишь как хочешь». И купец был вынужден отдать мне еще один вьюк.

— Прошли мы немного, я опять то же затеял, короче говоря, я стал хозяином всех пяти вьюков ашрафи. Но я смекнул, что это бесполезно, так как купец, как только мы прибудем в город, отберет у меня свои деньги. Я убил его и стал полновластным хозяином пяти вьюков ашрафи.

— Слушай дальше. В ту ночь я заснул, а воры угнали моих мулов вместе с ашрафи. Но и после этого десница возмездия не оставила меня в покое, и я ослеп на оба глаза. Вот потому, что я сам совершил такое злодеяние, я и говорю, чтобы каждый, кто сжалится надо мной, стал бы таким же, как и я.

Дервиш выслушал купца, пошел к Хатем и сказал:

— Вместо одной тайны я узнал целых пять. Хочешь, я расскажу тебе?

И дервиш рассказал все то, что слышал и пережил после того, как расстался с Хатем и закончил словами:

— А теперь расскажи свою тайну!

И вот она начала свой рассказ:

— У меня был муж, мерзкий и подлый. Он приглашал к себе гостей, подмешивал к их еде волшебный эликсир. Как только они прикасались к пище, тут же превращались в золото. Он же брал это золото и грузил на вьюки. И вот однажды мы были одни. Я сварила ужин, поставила перед ним.— Принеси-ка воды»,— сказал он.

— Я пошла за водой, а сама стала за ним подглядывать. Вижу: он берет эликсир и подсыпает в мою часть

плова. Я ничего не сказала, принесла воды и говорю ему: «Муженек, дорогой, из крайней комнаты слышится какой-то голос, пойди погляди, что там творится?» Как только он вышел, я повернула блюдо с пловом, так что плов с элексиром оказался напротив него, а передо мной — чистый. Муж вернулся и говорит: «Там никого нет». И мы сели за еду. Только он проглотил плов, как завопит: «Эй, мерзавка!» Потом опрокинулся навзничь и превратился в золото. И с тех пор все золото, которое он собрал, я раздаю людям. А теперь, дервиш, коли я поведала тебе тайну, то оставайся здесь, я выхожу за тебя замуж!

О САМОМ ПЛОХОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Жил один купец, очень богатый, да не очень счастливый, — не было у него детей. Сколько ни раздавал он денег на богоугодные дела, сколько ни помогал беднякам, не давал ему творец наследника. В конце концов купец дал обет: если господь пошлет ему сына, пожертвовать сто туманов *, отдать их самому несчастному, самому плохому человеку.

Услышал, видно, бог его слова — даровал ему сына.

Купец взял сто туманов и решил отдать палачу, думая, что он самый плохой и самый несчастный, оттого что творит зло и от этого мучается.

Явился купец к старшему палачу и сказал, что вот он просил у бога кое-что, господь исполнил его просьбу, и теперь он, согласно обету, должен отдать сто туманов ему — старшему палачу.

— Почему же мне? — удивился палач.

— А потому, что я по обету должен дать деньги самому плохому и самому несчастному человеку. Вы, палачи, всегда убиваете людей, отрубаете им уши, руки, ноги, колотите их палками, значит, вы самые плохие люди.

— Ты ошибаешься, — сказал ему палач. — Мы убиваем людей по приказу правителя города. Неси свои деньги ему, это он творит зло, а мы не по своей воле убиваем людей.

Купец взял свои сто туманов и отправился к правителю города. Сказал и ему то же, что старшему палачу.

— Ты ошибаешься,— заявил ему правитель.— Ежели я и отдаю приказ казнить людей, так только по решению кадия *. Возьми деньги и неси ему.

Купец отправился в дом кадия. Там он повторил всю свою историю и предложил ему сто туманов.

У кадия глаза загорелись, но он сказал:

— Видишь ли, твой обет не имеет силы, ты дал его не по правилам шарриата *.

— Что же мне делать? — огорчился купец.

— Давай поступим так,— сказал кадий.— Посмотри, сколько снегу навалило, засыпало весь дом и двор. Купи у меня этот снег за сто туманов.

Купец трижды произнес:

— Покупаю за сто туманов снег вокруг твоего дома!

После этого кадий взял у купца деньги, и тот ушел домой.

На другой день кадий послал к купцу слугу и вызвал его к себе. Купец отправился к кадию.

— Почему ты не уносишь снег, который купил у меня? Мой двор не место для твоего снега! — сказал купцу кадий.

— Куда же я его возьму? — растерялся купец.

— Не знаю, не мое это дело,— ответил кадий.

Что было купцу делать? Пришлось за большие деньги нанять людей и вывезти снег со двора кадия за город.

Наступило лето. Кадий снова вызвал купца к себе и спросил:

— Сколько харваров * снегу вывез ты с моего двора?

— Думаю, тысяч пятьдесят,— ответил купец.

— А почему нынче снег на базаре? — поинтересовался кадий.

— За харвар берут один туман,— ответил купец.

— Выходит, ты меня обманул! За сто туманов ты купил у меня пятьдесят тысяч харваров снега! А ведь на сто туманов ты должен был забрать только сто харваров снега! Сейчас же заплати за остальной снег или тотчас возврати его!

Отдал бедный купец все свои деньги кадию, но так и не рассчитался с ним полностью, остался ему должен большую сумму.

С тех пор купец всем говорил:

— Правда, разорился я, зато узнал, что хуже кадия нет на свете человека!

ХАМАДАНСКИЙ НИЩИЙ

Было время, жил на свете один хамаданец, очень бедный. Он ходил по городу и побирался. Просил подаяния с утра до вечера, а к вечеру у него набиралась горсть медяков.

Однажды повстречался ему незнакомцу и говорит:

— Эй, дружище! Да разве попрошайничать — занятие? Ты бы уж лучше делом каким-нибудь занялся, заработал себе на хлеб!

Нищий стал плакать и жаловаться:

— Куда мне пристроиться, чтобы заработать кусок хлеба? В нашем городе работы-то нет.

— Ступай в Исфахан. Я слышал, что там деньги на улице валяются, да прямо в кошельках.

А нищий впал в отчаяние от бедности и как только услышал его слова, повернулся к Хамадану спиной и обратил лицо к Исфахану.

Шел он, шел — и пришел наконец в Исфахан. Он отправился прямо на базар и вошел в одну лавку. Там сидел на подушках купец, а перед ним в кошельках лежали монеты. Не говоря дурного слова, хамаданец вошел в лавку, взял кошелек с монетами и повернулся, чтобы выйти. Тут купец схватил его за руку, отпустил несколько здоровенных затрешин и закричал:

— Хочешь, чтобы я стражников позвал?

А бедняга ему в ответ говорит:

— Бог ведаст, я не вор, я странник.

— Как же ты решился на этот скверный поступок?

— Я хамаданец, — отвечал нищий, — побирался в родном городе. Вот один встречный и сказал мне: «Ты зачем здесь побираться? Ступай в Исфахан, там деньги на улице валяются прямо в кошельках. Я сам только что оттуда». Ну, я и подумал, что деньги, которые лежат перед тобой, можно взять.

Купцу стало жаль его, и он сказал:

— Дорогой, ты, видно, совсем неопытен в делах. У нас никто задаром денег не отдаст, сколько бы их у него не было. Чтобы добыть деньги, надо работать. Так вот, я научу тебя, как добывать деньги, и к концу года у тебя будет тот самый кошелек с деньгами, о котором говорил тебе прохожий.

Сказал это купец, потом отвел хамаданца в дом, пока-
зал ему комнату и сказал:

— Вот твоя комната. Ходи по городу, собирай щепки
и всякий мусор и складывай в этой комнате, и так целый
год. Все это время я буду кормить тебя. А в конце года я
скажу тебе, как поступить дальше.

Хамаданец послушался купца, целыми днями бродил
по городу, собирал мусор, щепки и всякий хлам и склады-
вал в комнате. В конце года он пришел к купцу и говорит:

— А теперь дай мне обещанный кошелек с деньгами.

— Хорошо,— ответил купец, вышел из комнаты, по-
звал хаммала * и сказал:

— Забери этот мусор, отнеси на базар и продай. Вы-
ручку приноси мне.

Купец заплатил хаммалу за его труды и отпустил его.
Прошло две-три недели, купец вызывает хамаданца и го-
ворит:

— Вот возьми кошелек со ста туманами *, пусти их
в прибыльное дело и перестань попрошайничать. И знай,
что когда тебе сказали, будто в Исфахане деньги находят
прямо в кошельках, то это означало, что в нашем городе

умением и бережливостью можно раздобыть кошельки денег. Ну вот, ты научился зарабатывать на хлеб, я помогу тебе в этом, иди с богом и займись каким-нибудь прибыльным делом.

Хамаданец поблагодарил купца, вознес за него молитвы и двинулся в Хамадан. В пути остановился он по нужде, и вдруг видит, что у дороги сидит слепой и просит подаяния. Хамаданец решил оставить у него на хранение кошелек, пока справит пужду. Так он и сделал, но когда вернулся к слепцу и попросил свой кошелек, то слепой удивился:

— Какой кошелек?

Стал он божиться и клясться, а хамаданец — умолять и просить, но толку было мало, и тогда у них начался спор.

— О добрые люди! — кричал слепой. — Послушайте, какую напраслину возводит на меня этот человек!

Собрались люди, стали защищать слепца, а хамаданца укорять:

— Что это ты пристал к несчастному человеку? Мы знаем его много лет и не видели за ним ничего дурного. Он несчастный слепец. Лучше оставь его в покое и ступай своей дорогой! Если ты прибыл в наш город, чтобы так зарабатывать себе на хлеб, то ошибся. Здесь тебе не Хамадан, у нас орехи на улице не валяются!

Бедняга видит, что собралась толпа и что все стоят за слепого, замолчал, отошел в сторонку и призадумался. Думал он, думал, а потом сказал:

— Эй, слепой, я еще тебе покажу, сам не обрадусься!

С этими словами он сел поодаль и стал следить за слепым.

Наступил вечер, слепой поднялся и пошел своей дорогой, а хамаданец — за ним следом. Слепой вышел за городские ворота — он за ним. Слепой приблизился к каким-то развалинам и вошел внутрь. Хамаданец последовал за ним тихо-тихо, так чтобы никто не слышал его шагов. Слепой вошел в какую-то темную комнату, хамаданец на цыпочках за ним и спрятался в уголке.

Немного погодя в комнату собрались один за другим еще шесть слепых. Они приветствовали друг друга, сели в круг, поели, а потом каждый стал рассказывать о своих приключениях за день. Наконец настала очередь слепого, который присвоил кошелек.

— Друзья, — начал он, — я сегодня проявил великое

искусство и раздобыл денег раз в сто больше каждого из нас.

И он рассказал о том, как он забрал кошелек хамаданца.

— Прекрасно ты поступил,— сказали другие слепцы.— А теперь, по нашему обычаю, ты должен подбросить кошелек вверх, чтобы он достался тому, кто его найдет.

Слепец повиновался, достал кошелек и подбросил вверх. А хамаданец быстрее молнии кинулся, подхватил его на лету и снова спрятался в своем укромном уголке.

Затем слепцы заспорили о том, у кого больше денег.

— У меня больше всех,— стал хвастать один слепец и рассказал, где зарыты его деньги. Второй сказал, что у него намного больше, и указал свой тайник. Так все шесть один за другим назвали свои клады, а последний из них сказал:

— Я все свои деньги обменял на красивые ашрафи * с изображением шаха, спрятал их за подкладкой своего халата и зашил.

Хамаданец выслушал все их признания о кладях и стал ждать, пока они заснут. Когда слепые заснули, он вышел из комнаты, откопал все зарытые деньги, так что стало у него много монет. Он хотел было отказаться от денег, зашитых в халат, но очень уж зол он был на слепых, и вот он решил подождать до следующего дня.

Утром хамаданец пошел за слепцом, деньги которого были зашиты в халат, заметил место, где тот просил подаяние, потом пошел на базар, купил кувшин, налил туда немного сиропу и поставил перед пчелиным ульем. Когда в кувшин набились пчелы, он накрыл его платком, крепко завязал, подошел к слепцу и говорит:

— Приятель, пусть этот кувшин с медом побудет у тебя, пока я отойду по нужде. Потом я его заберу.

Слепец вспомнил рассказ своего друга о вчерашнем кошельке и подумал: «Вот бог и мне послал добычу». И он взял кувшин.

Хамаданец отошел в сторону и стал ждать. Слепец осторожно развязал горлышко кувшина, чтобы обмакнуть палец в сладкий мед, но оттуда роем вылетели пчелы, кинулись на слепца. Бедняга-слепец, чтобы отогнать пчел, снял халат, но тут подбежал хамаданец, подхватил халат и пустился наутек. Как только хамаданец вышел из города, он вытащил из-за подкладки золотые ашрафи, а халат бросил. Денег у него стало еще больше, и он сказал довольный:

— Правду говорят, что в Исфахане деньги валяются на улицах прямо в кошельках.

Он вернулся в родной Хамадан, начал торговать и сделался богатым купцом.

ШАХЗАДЕ ИБРАГИМ

Жил на свете падишах. Было у него три сына, а жена его умерла. И вот однажды падишах говорит сыновьям:

— Можете вы найти мне красивую жену?

— Конечно, можем, — ответили сыновья.

Падишах дал каждому сыну коня и сто туманов * и сказал:

— Ступайте по свету и привезите мне самую красивую девушку, какую только найдете.

Сыновья взяли коней и деньги, пустились в путь. Ехали они, ехали — и приехали наконец к воротам какого-то города. Навстречу вышли горожане и спрашивают:

— Добрые люди, куда путь держите? В какую страну направляетесь? Разве вы не знаете, что тот, кто покинет наш город, не найдет счастья и никогда не вернется домой.

— Я поеду, — сказал Ибрагим. — Пусть будет что будет. Но старшие братья, Джамшид и Хоршид, сказали:

— Неохота нам рисковать жизнью. Ступай, коли желаешь, а мы здесь останемся.

Они остались в том городе, один из них стал подручным у торговца сеном, другой — у бакалейщика. Ибрагим же один двинулся в путь. Долго он ехал и приехал наконец к другому городу. Смотрит: толпа собралась.

— Что случилось? — спрашивает.

— Мы сжигаем покойника, — ответили ему.

Подъехал он ближе, видит, правда, на костре в яме труп сжигают.

— А чем провинился этот покойник, что его надо сжечь? — спросил Ибрагим, а ему ответили:

— Мы всех своих покойников сжигаем. Только мы похороним человека, а он тут же вылезает из могилы. Вот и приходится нам сжигать своих мертвецов.

— Давайте все-таки похороним его, посмотрим, что из этого выйдет,— говорит Ибрагим, но горожане стали отказываться: это, мол, бесполезно, все равно мертвец окажется наверху. Однако и Ибрагим заупрямился:

— Похороните хотя бы этого, а я посмотрю, что из этого получится, как это он вылезет из могилы.

Жители города согласились, подняли покойника и понесли к кладбищу. Засыпали тело землей и повернули назад в город. Только Ибрагим остался на кладбище и сирятался за оградой. Прошел час или, может, больше, и пришел к могиле некто, ударил палкой — и могила разверзлась, ткнул палкой второй раз — и вся земля могилы рассыпалась, стукнул в третий раз — и покойник оказался на поверхности. Но Ибрагим, не теряя времени, подскочил к нему, схватил за руку и крикнул:

— А ну, отвечай, зачем ты такое вытворяешь?

Тот высвободился из рук Ибрагима и воскликнул:

— Так это ты отнял у меня кладбище! Ладно, доберусь я до тебя!

Сказал это, превратился в голубя и улетел. А Ибрагим опять зарыл покойника и вернулся в город.

На другой день похоронили еще одного покойника, а когда назавтра пришли проверить, видят — о чудо! — никто не тронул могилы. Горожане несказанно обрадовались, пришли всей толпой к Ибрагиму и спросили:

— Какую хочешь награду за эту великую услугу нашему городу?

— Ничего мне не надо,— ответил Ибрагим и поехал дальше.

Приехал он к другому городу. Видит, что все жители этого города едят пищу без соли.

— Почему вы не солите еду? — спросил Ибрагим и услышал в ответ:

— Мы приезжаем к соляным копам, набираем соли, грузим на ослов и трогаемся в путь. Но тут из реки появляется неведомая рука, хватает нашу соль и уносит в реку.

— Покажите мне,— говорит Ибрагим,— что это за рука, которая отбирает у вас соль.

И вот Ибрагим вместе с горожанами отправился к соляным копам. Они собрали соль, навьючили ослов и пустились вброд через реку, и тут из реки высунулась рука и хотела утащить соль в реку. Но Ибрагим схватил руку за запястье и вдруг слышит с речного дна голос:

— Эй, Ибрагим! Ты отнял у моей сестры кладбище, у меня соль отнимаешь... Подожди, сочтемся мы с тобой!

Так они и увезли свою соль. Когда жители города увидели нетронутые вьюки с солью, они радостно выбежали из города навстречу Ибрагиму и говорят:

— Ты оказал великую услугу нашему городу. Чего ты хочешь в награду?

— Ничего мне не надо,— ответил Ибрагим и снова пустился в путь.

Ехал он долго и приехал наконец к одному городу. Смотрит он и видит, что жители города до того грязные, что и говорить не стоит.

— Почему вы, добрые люди, не моетесь в бане? — спрашивает Ибрагим.

— А потому,— отвечают ему,— что стоит человеку пойти в баню, как он уж не возвращается. Вот мы и боимся туда ходить.

— Пойду-ка я сегодня в вашу баню! — говорит Ибрагим.

— Как же это ты пойдешь в баню,— удивились горожане,— если никто оттуда не возвращается? Ты что спятил?

— Может и спятил,— говорит Ибрагим.— Коли я не вернусь — так тому и быть. А коли вернусь, то и вы станете ходить в баню, избавитесь от этой грязи и скверны.

Ибрагим помянул имя Аллаха и бесстрашно вошел в баню. Он помылся хорошенько, потом подошел к водоему с холодной водой, чтобы зачерпнуть воды и умыться, услышал, что кто-то над ним говорит:

— Простите, наклоните голову пониже, я тоже хочу набрать воды!

Но Ибрагим не послушался, поднял голову и увидел руку с большим ножом. Оказывается, ему собирались отрубить голову! Он схватил руку за запястье и отнял нож. Тут раздался громкий голос:

— Эй, Ибрагим! Ты отнял кладбище у моей сестры, у другой сестры отнял соляные копи, а теперь у меня отнял баню. погоди, мы с тобой поквитаемся!

Вышел Ибрагим из бани, а там уж собрался весь городской люд. Как только Ибрагим показался, стали колоть жертвенных быков и баранов. А Ибрагим и говорит:

— Теперь никто не помешает вам ходить в баню. Мойтесь на здоровье!

Горожане поспешили в баню, вернулись целые и невредимые, и говорят Ибрагиму:

— Чего тебе надобно? Проси, чего пожелаешь.

— Ничего мне не надо, — ответил Ибрагим и снова пустился в путь.

Ехал он долго и приехал наконец к одному городу. Смотрит и видит, что тысяча собак пожирают сено. Поехал дальше и видит, что тысяча ослов пожирают кости.

«Что за странный город! — подумал он. — Сено дают собакам, а кости — ослам». Пошел Ибрагим, взял сено у собак и положил перед ослиами, кости же взял у ослов и отнес собакам.

Поехал он дальше и видит: четыре девы прекрасные, как полная луна, восседают на троне. Увидели они Ибрагима — и тотчас пришли в ярость и закричали:

— Эй, собаки! Хватайте этого парня!

А собаки в ответ:

— Мы сто лет кормились сеном, а он дал нам костей!

Тогда девы закричали:

— Эй, ослы! Хватайте его!

А те в ответ:

— Мы сто лет кормились костями, а этот юноша дал нам сена. Зачем же нам его хватать!

Ибрагим как ни в чем не бывало подошел к трону, тогда одна дева говорит:

— Это тот самый, что отнял у меня кладбище!

Вторая говорит:

— Это тот самый, что отнял у меня соляные копи!

Третья говорит:

— Это тот самый, что отнял у меня баню!

Тут Ибрагим подошел к самому трону, а самая младшая и говорит:

— Эй, Ибрагим! Я стану твоей женой.

— Хорошо, — ответил Ибрагим, — но с условием, что вы все вместе отправитесь со мной.

— Ты храбрый юноша, — ответили сестры, — потому мы и покоряемся тебе.

И они все вместе двинулись в путь. Ехали они долго и приехали наконец к тем воротам, у которых Ибрагим расстался с братьями. Здесь младшая сестра дала Ибрагиму прядь своих волос и сказала:

— Мой Ибрагим, люди очень завистливы и коварны. В неожиданный день разлучат они нас с тобой. Возьми эту

прядь волос и всегда храни при себе. Если мы с тобой разлучимся или же ты попадешь в беду, то сожги один волосок, и я тотчас прилечу к тебе и избавлю тебя от беды.

Ибрагим поблагодарил ее, взял волосы, положил в карман, и поехал к своим братьям. Хоршид был подручным у торговца сеном, Джамшид — у бакалейщика. Ибрагим рассказал братьям о своих приключениях и закончил рассказ так:

— Вместо одной привез я четырех жен. Две из них будут ваши, одну пусть забирает отец, а самую младшую я беру себе.

Когда братья выслушали рассказ Ибрагима и узнали, что младшую сестру он берет себе, они стали ему завидовать. Однажды они заманили его, бросили в яму, забрали себе жен, поехали к отцу и сказали:

— Мы не знаем, куда девался Ибрагим, он расстался с нами. А мы привезли вот этих жен.

Падишах был несказанно рад и решил:

— Сначала я женю вас, а потом справим мою свадьбу. Младшую сестру падишах спросил:

— За которого ты хочешь замуж?

А она в ответ:

— Вели глашатаям созвать народ, и пусть оба брата сразятся при всем народе, а я выйду за победителя.

Послушайте дальше. У колодца, куда братья бросили Ибрагима, один человек собирал хворост. Подошел он за водой к колодцу, — вдруг слышит оттуда стоны.

— Кто ты? — спрашивает он. — Человек, пери * или джинн? *

— О добрый человек, не джинн я и не пери, — слышит в ответ. — Я человек, братья из зависти сбросили меня в колодец.

— Потерпи немного, я скоро вернусь, — утешил его старик, побежал к своему шатру, взял длинную крепкую веревку, вернулся к колодцу и спустил туда веревку. Ибрагим обвязал веревку вокруг пояса, и старик вытянул его наверх. Он поблагодарил старика, дал ему несколько ашрафи *, которые завалились у него в кармане, и пошел прямо к отцовской столице.

Чтобы никто его не узнал, Ибрагим купил овечий сычуг, напялил себе на голову и нанялся подручным к торговцу сеном.

И вот однажды глашатаи стали сзывать народ на мейдан *, где будут состязаться в воинском искусстве два царевича. Торговец сеном предложил Ибрагиму:

— Пойдем с нами, посмотришь.

— Добрый человек,— сказал Ибрагим,— зачем такому плешивцу, как я, зрелища? Ты иди, а я лучше за лавкой присмотрю.

Торговец сеном пошел на площадь, а там уже собрался весь городской люд.

Как только он ушел, Ибрагим вошел в лавку, сжег один волосок возлюбленной, и она тотчас предстала перед ним. Ибрагим рассказал ей о том, что с ним приключилось, и попросил раздобыть ему боевые доспехи, скакуна и булатный меч. Девушка в тот же миг доставила ему все, что он просил. Ибрагим облачился в доспехи, опоясался мечом, запер лавку, сел на коня и поскакал к мейдану. Как только оба царевича прибыли на мейдан, Ибрагим на коне вылетел на середину и вызвал Джамшида. Показали они свое ратное мастерство, а потом Ибрагим так стукнул Джамшида по голове мечом, что тот рухнул на землю. Воины падишаха окружили Ибрагима, хотели схватить его, но он сокрушил их всех, вырвался с мейдана и поскакал к лавке торговца сеном. Он отпустил коня, надел свое прежнее платье, убрал и подмел лавку и сел ждать хозяина. Когда торговец вернулся, он сказал Ибрагиму:

— Зря ты сегодня не пошел, пожалеешь. Ну и потеха была! Какой-то всадник в зеленых одеждах скакал по мейдану как хотел, а потом ударил мечом шахзаде и поверг его с коня. Воины падишаха пытались схватить незнакомца, но куда им, не смогли. Ну и потеха!

— Хозяин, коли вы там были, почитай, и я был,— ответил Ибрагим.

Прошло много ли, мало ли времени, рана Джамшида зажила, и падишах снова предложил младшей сестре выбрать в мужья одного из сыновей. А она ответила то же, что и раньше. Падишаху поневоле пришлось опять сзывать народ на мейдан.

Когда торговец сеном уходил на игрище, он снова сказал:

— Ибрагим, смотри, как бы и сегодня не получилось также! Пойдем со мной.

— Идите, хозяин, а я опять посижу здесь, посторожу лавку.

Только торговец вышел, Ибрагим спалил волос девушки, она тотчас предстала перед ним, и он попросил:
— Сегодня добудь мне красные боевые доспехи, гнедого коня и хороший меч.

И девушка тут же доставила ему все, что он просил. Ибрагим облачился в доспехи, сел на коня, опоясавшись мечом и поскакал прямо к мейдану перед дворцом. Стал он гарцевать на коне, вызвал на состязание шахзаде Хоршида, поиграл с ним немного, а потом одним ударом меча свалил с коня. Воины шаха бросились на Ибрагима, но даже за пылью из-под копыт его коня не угнались.

— Что это за всадник такой храбрый, который ранит моих сыновей одного за другим? — спрашивал падишах, но никто не мог дать ему ответа, потому что никто и не знал. Поневоле и падишах замолчал.

Прошло много ли, мало ли времени, падишах сказал младшей сестре:

— Ну, теперь уж настала пора тебе выбрать себе мужа.

А девушка показала ему сережку и говорит:

— Я потеряла такую сережку. Велите изготовить к ней пару, и я выйду за того, на кого вы укажете. А иначе не соглашусь!

Падишах стал посылать сережку по ювелирам, но все они отказались. Наконец посланцы шаха прибыли к торговцу сеном и спросили:

— Не знаешь ли мастера, который изготовил бы такую сережку?

— Приятель, — отвечает тот, — да откуда мне знать? Я ведь торговец сеном, у меня нет друзей среди золотых дел мастеров. Знать не знаю...

— Хозяин, — вмешался Ибрагим, — оставь сережку, есть у меня знакомый мастер, может, возьмется за это.

— Не связывайся ты с ними, — стал хозяин уговаривать Ибрагима. — Если люди падишаха не нашли мастера, где уж тебе найти! Пусть уходят, мы займемся своими делами. Вряд ли твой приятель сумеет справиться с такой работой.

— Не бойся, хозяин, — ответил Ибрагим, — попроси их оставить сережку, слово даю, я найду человека, который изготовит к ней пару.

Торговец сеном уступил, попросил людей шаха оставить сережку и прийти на другой день.

— Если мой приятель, золотых дел мастер, справится, будет вам пара,— пообещал он.

На другой день в условленное время явились люди падишаха и получили две одинаковые сережки.

— Идите к падишаху, он наградит вас,— сказали они.

Торговец сеном пошел к шаху, получил богатый подарок. Обрадовался он, вернулся домой и говорит Ибрагиму:

— Ты принес мне счастье. Оставайся у меня, будешь мне вместо сына, я буду тебя любить.

А теперь послушайте о падишахе. Он показал сережку девушке и сказал:

— Вот и сережка тебе. А теперь говори, за которого из моих сыновей ты хочешь выйти замуж.

Когда девушка увидела вторую сережку, она решила, что пора действовать, и сказала:

— О падишах! Созови всех жителей столицы на мейдан, пусть твои сыновья состязаются в ратном искусстве, чтобы я могла посмотреть и выбрать того, кто храбрее.

Падишах велел глашатаям объявить его волю и собрать весь народ на мейдан. А сам подумал: «Сегодня я сам отправлюсь туда и посмотрю, кто это повергает в прах моих сыновей и почему его не могут схватить».

И вот собрался весь народ на мейдане, падишах также облачился в ратные доспехи и выехал на мейдан. Джамшид и Хоршид соревновались друг с другом и показывали свое воинское искусство. Вдруг со стороны показался тот самый храбрый юноша. Как только падишах увидел его, он поскакал навстречу. А шахские воины пришли в неистовство и поклялись, что на этот раз они его не упустят. Только Ибрагим и не взглянул на воинов,— он ведь мог одним махом их разогнать. А вот когда он увидел, что навстречу ему выехал падишах, тотчас спешился и стал ждать. Когда шах подъехал к Ибрагиму, он поцеловал стремя его коня и назвал себя. Падишах смотрел на него с удивлением и не знал, как поступить; правда ли это его младший сын? Наконец, он убедился, что перед ним и впрямь стоит Ибрагим, сошел с коня, обнял Ибрагима, поцеловал его и стал расспрашивать о его злоключениях.

— Много мне пришлось пережить,— ответил Ибрагим.— Лучше я расскажу обо всем во дворце.

Отец и сын сели на коней и вдвоем поехали во дворец. Братья перестали сражаться, а народ взирал с удивлением: что это за состязание было и кто такой этот юноша?

Отец и сын вошли во дворец, и Ибрагим рассказал обо всем том, что с ним приключилось.

— Как ты хочешь наказать братьев? — спросил падишах Ибрагима, а он ответил:

— Не хочу я их наказывать. Я простил их.

Он подошел к ним, поцеловал каждого, они тоже его поцеловали и крепко раскаялись в содеянном.

Спустя несколько дней начались свадьбы. Старшую сестру падишах взял себе, вторую отдал Дзамшиду, третью — Хоршиду, а самую младшую взял Ибрагим.

Долгие годы они царствовали, жили радостно. Ибрагим был самый справедливый из братьев, и народ любил его больше других.

ВЕРХ И ПОДКЛАДКА

Жил на свете падишах. У него было три дочери. И вот однажды спрашивает он своих дочерей:

— Верх важнее или подкладка?

— Дорогой отец, — ответила старшая дочь. — Конечно, верх важнее.

Вторая дочь подтвердила слова старшей. Отец согласился с ними, прошло минут пять, тут младшая дочь и говорит:

— Отец, подкладка важнее.

Шах рассердился на младшую дочь за непочтительность и несогласие с отцом, а везиру велел:

— Пусть глашатаи объявят, чтобы все красивые юноши страны собрались у дворцов старших дочерей.

Дочерям он сказал:

— В того, кто вам полюбится, бросьте золотой померанец.

Утром следующего дня все пригожие юноши собрались у дворцов старших дочерей. И старшие дочери бросали золотые померанцы в тех, кто им полюбится. Город нарядили в праздничное убранство, справили свадьбы и выдали девушек за этих юношей.

Прошло немного времени, и падишах приказал ве-
диру:

— Вели глашатаям, чтобы к дворцу пришли все ка-
леки, плешивые и слепые.

На поиски таких людей послали фаррашей *. И вот один из фаррашей пришел к старушке, а у нее был пле-
шивый сын, руки и ноги у него отнялись. Она держала
его в чуланчике в корзине. Понесли и его к падишаху.
Как увидел падишах калеку, тут же велел звать ахунда *
и выдать младшую дочь за него. С дочери падишаха сняли
ее роскошные наряды, надели на нее грубое платье из
карбаса * и отравили вместе с калекой к его матери.
По пути дочь падишаха молилась богу и говорила:

— О боже! Если отец покинул меня, то хоть ты не по-
кидай. Я иду в лачугу этого юноши, но уповаю только на
тебя.

Навстречу им вышла мать, открыла дверь и говорит:

— Это мой сын. Но что это за девушка?

— Это дочь падишаха, жена твоего сына.

— А зачем такому калеке жена? — удивилась мать.

— Такова воля падишаха, — ответили ей, — теперь уж
ничего не поделаешь.

Потом захлопнули дверь и ушли. А бедная старушка
стала искать, чем бы угостить невестку. Та подошла к
свекрови и говорит:

— Матушка, чем ты занимаешься? Покажи мне, я
стану помогать тебе.

— Нельзя, ты ведь падишахская дочь, — отнекивалась
та, но невестка настаивала, и тогда свекровь принесла ей
челнок и хлопок.

И вот однажды падишахская дочь думает: «Какой
прок от того, что этот юноша без рук, без ног сидит в
чулане, а старая мать кормит его?» Она пошла в чулан,
вытащила его оттуда, насыпала на пол комнаты немного
непла и усадила его там, хлеб поставила чуть поодаль,
а воду — в другой стороне. Бедняге поневоле пришлось
ползти к хлебу и воде, чтобы поесть. Постепенно его ноги
стали действовать, и он научился ходить, так что превра-
тился в пригожего и расторопного юношу.

Однажды пришел к ним в дом сосед крестьянин и го-
ворит:

— Сын мой, не хочешь ли пасти моих овец вместе
со мной?

Тот согласился и стал пасти овец. Он так хорошо с этим справлялся, что каждый хозяин старался переманить его к себе и предлагал увеличить плату.

Прошло много ли, мало ли времени, и один купец собрался поехать по делам в дальние края. У него не было слуги, стал он искать. Тогда один из крестьян указал на этого юношу и посоветовал взять его в услужение. Вот купец пошел к ним, постучался в дверь. Мать подошла к двери, спрашивает:

— Кто это?

— Здесь живет Хасан?

— Да, здесь.

— Пусть выйдет, у меня к нему дело.

Хасан посоветовался с женой, получил расписку на пятьдесят туманов * за каждый месяц и отправился вместе с купцом в путь.

Шли они, шли — и пришли наконец в пустыню. Ни воды там не было, ни людского жилья, а был всего лишь один колодец. Если кто-либо спускался в него за водой, то уже не мог вылезть. Поэтому никто никогда не решался спуститься в этот колодец. Купцы надумали бросить жребий, и жребий пал на хозяина Хасана, а он говорит Хасану:

— Спускайся в колодец, набери воды.

— По нашему договору я должен служить тебе на земле, а не под землей, — ответил Хасан.

Хозяин рассвирепел, но Хасан вытащил из-за пазухи договор, показал купцам и говорит:

— Вот посмотрите, где я должен служить ему?

Купцы прочитали договор, повернулись к купцу и говорят:

— Хасан правду говорит. Он должен служить тебе только на земле. Поторапливайся, спускайся сам в колодец, нам до смерти пить хочется!

Хозяин стал упрашивать Хасана, а тот в ответ на мольбы хозяина ответил:

— Я готов спуститься при одном условии.

— Что за условие? — спросили купцы.

— Пусть хозяин даст мне расписку, — ответил он, — что если я выйду живым из колодца, он отдаст мне половину своего состояния. Тогда полезу в колодец.

Все с ним согласились, только хозяин отказался. Стали купцы его уговаривать:

— Ведь он, если спустится в колодец, не выберется оттуда. Зачем ты упрямисься?

Так они уговорили купца, и он написал расписку. Купцы приложили свои печати¹, вручили расписку Хасану. Он же спрятал расписку за пазухой и стал спускаться в колодец. Спускается он и видит, что в колодце стоит трон и на нем восседает див*. От страха он приветствовал дива, а див ему отвечает:

— Эй, человек, если бы ты не сказал мне слов приветствия, я разорвал бы тебя в клочья. А теперь скажи, где приятнее всего?

Хасан не заставил себя ждать и ответил:

— Там хорошо, где сердцу хорошо.

— Да благословит тебя Аллах,— одобрил див, а потом сказал:

— Видишь вон ту лягушку? Какие у нее красивые глаза! Я давно влюблен в ее красивые глаза.

— Правда, они очень красивые,— согласился Хасан.

Диву и это понравилось, он взял Хасана за руку, и через отверстие в стенке повел его в большой чудесный сад и стал гулять с ним там. Он угостил Хасана плодами с деревьев, а потом говорит:

— А теперь пойдем, дадим воды тем, кто наверху.

Еще див дал ему несколько гранатов и спросил:

— Есть у тебя, куда положить их?

У Хасана была котомка за спиной, и он положил гранаты туда.

— Если проголодаешься в пути или захочешь пить — посоветовал ему див,— то поешь этих гранатов.

Когда они вернулись в колодец, Хасан закричал:

— Господа купцы, спустите ведро, я хочу подать воду.

Купцы все удивились, опустили ведро, и Хасан стал подавать воду. Тут див говорит Хасану:

— Спроси их, сколько ведер воды им еще нужно.

Хасан спросил, и купцы ответили:

— Пять ведер.

— Подай два ведра, в третий раз сам поднимайся, а не то они перережут веревку и оставят тебя здесь.

---

¹ В старом Иране именная печать была даже важнее собственноручной подписи и часто ее заменяла. На такой печати обычно был выгравирован и текущий год.

Хасан подал еще два ведра воды, а в третье сел сам. Когда купец увидел, что Хасан целый и невредимый выбрался из колодца, у него голова кругом пошла, а Хасан говорит другим купцам:

— А теперь разделите имущество хозяина пополам между нами.

Как ни пытался купец схитрить, Хасан не поддался, и наконец разделили весь товар. Тогда Хасан повернулся к купцу и говорит:

— Я и теперь остаюсь твоим слугой, только буду вести свою торговлю.

Они двинулись в путь и вскоре прибыли в город, куда направлялись торговать. Купцы поселились в караван-сараяе, сгрузили и разместили товары и разошлись по комнатам, чтобы отдохнуть с дороги. Вечером купцы стали веселиться и пировать, а Хасан, который был новичком в делах, сложил свой товар и лег прямо на него спать.

А теперь послушайте о хозяине караван-сарая. У него под караван-сараяем было подземелье, и там было спрятано сорок разбойников, чтобы грабить прибывших в караван-сарай купцов.

А еще вернемся немного назад. Когда Хасан выбрался из колодца, то купцы отравили в родной город вестника, что они счастливо и благополучно миновали пустыню и колодец. А Хасан попросил гонца:

— Ради бога, передай кое-что моей матери.

Он дал гонцу несколько туманов и два граната из тех, что ему подарил див, а потом сказал:

— Один гранат отдай матери, другой — дочери падишаха.

Самому гонцу он дал два тумана, чтобы тот хорошенько выполнил его поручение. Как только гонец прибыл в город, он первым делом пошел к дому Хасана, постучался в дверь. Старушка спрашивает:

— Кто это?

— Это дом Хасана? — говорит гонец.

— Да.

— Я еду от Хасана, он прислал вам кое-что.

Мать открыла дверь, гонец дал ей деньги и два граната и сказал:

— Один гранат тебе, а другой — невестке.

А старушка подумала при этом: «Разве нужны мне гранаты? Уж лучше чего-нибудь еще прислал бы». И она

положила их на полку. Как только невестка увидела гранаты, она взяла один, сняла кожуру и — о боже праведный! — он был полон яхонтов. «Боже! — подумала она. — Кто дал эти гранаты? Откуда они появились?» Она тут же пошла на базар, купила два граната и говорит свекрови:

— Матушка, давай съедим эти гранаты!

Но сначала она спрятала гранаты Хасана, а вместо них подложила купленные плоды. Старушка согласилась, и они вдвоем съели гранаты. Наутро дочь падишаха вызвала главного зодчего и говорит:

— Построй для нас за шесть месяцев дворец, выше и лучше шахского.

Зодчий согласился.

— Сколько понадобится денег? — спросила дочь падишаха, и он запросил сто тысяч туманов.

Что там говорить, она сунула руку в карман, достала сто яхонтов и подала зодчему. Как взглянул зодчий на них, так и обмер. Он собрался было уходить, но дочь падишаха говорит:

— А теперь пришли каменщика, пусть он подправит этот дом, пока будут строить дворец.

Каждый день дочь падишаха раз или два приходила на стройку и говорила:

— Купец должен вернуться из поездки через шесть месяцев, надо поскорее завершить строительство.

Ну а теперь послушайте о Хасане. Он спал на своем товаре в караван-сараяе. В полночь вдруг он слышит какой-то шорох. Он открыл глаза и видит, что хозяин караван-сарая отгреб мусор с середины двора, потом поднял каменную плиту, открыл вход в подземелье. Оттуда вышли сорок воров и унесли под землю имущество всех купцов. Тут Хасан стал ворочаться, вору испугались, что он проснется, не тронули его товар и скорей скрылись.

Настало утро, купцы проснулись и видят, что от их товаров ничегошеньки не осталось. С воплями и проклятиями вышли они из караван-сарая и отправились к правителю города.

— Вчера мы прибыли в ваш город, — стали они жаловаться, — легли спать, а утром проснулись, а наших товаров и след простыл. Или уплати стоимость наших товаров, или разыщи их!

Правитель назначил три дня сроку, и они вернулись в карван-сарай. А Хасан и виду не подал, что он знает обо всем.

По прошествии трех дней купцы снова пошли в присутствие правителя с криками и воплями, но вернулись ни с чем.

А Хасан меж тем подумал, что он и из этого дела извлечет пользу. Когда возвратились купцы, он и говорит им:

— Какой прок в том, что вы униженно просите правителя?

— Так куда же нам кинуться? — удивились купцы.

— Дайте мне расписку, — предложил Хасан, — и я разыщу ваши товары.

— Какую расписку? — спросили купцы, и Хасан ответил:

— Дайте расписку, что вы признаете меня старшиной над вами.

Купцы дали Хасану расписку, а он добавил еще:

— Если ваш товар найдется, то вы отдадите мне десятиую долю.

Купцы согласились и с этим условием и дали ему вторую расписку.

Как только Хасан получил расписку, он помазал голову глиной¹, отправился прямо к правителю, стал требовать справедливости и закричал:

— Коли ты не можешь управлять городом и соблюдать законность, то откажись от власти, пусть люди сами заботятся о своих делах!

После долгих препирательств он заявил правителю:

— Я хочу поговорить с тобой наедине.

Правитель пригласил его в отдельную комнату, и Хасан предложил:

— Если ты уступишь мне свою власть на один день, то я найду этот украденный товар и еще много наворованного впридачу. Но с условием, что, если я разыщу наворованное, ты дашь мне пятьдесят тысяч туманов. А если не разыщу — можешь рубить мне голову.

Правитель принял его условия и написал расписку. Хасан переночевал там, а утром облачился в одеяния правителя и воссел на его престол. Затем он приказал вои-

¹ В старину в Иране голову мазали глиной челобитчики.

нам сесть на коней, сам также сел на коня, и они поехали на охоту. Хасан разрешил воинам настрелять серн — правитель до того запрещал на них охотиться, — и они повеселились вволю. На обратном пути Хасан спросил одного слугу, где находится караван-сарай, в котором обворовали купцов.

— Как раз посреди города, — ответил слуга, и они поскакали прямо к караван-сараяю. Здесь Хасан спросил хозяина:

— Куда девался товар этих купцов? Хороший ты, видно, хозяин караван-сарая!

— Что я могу поделать? — стал оправдываться хозяин.

Купцы, увидев правителя, подняли крик и шум.

— Я приехал известить вас, — сказал правитель. — И если на то будет воля Аллаха, я разыщу ваши товары.

Потом он повернулся к хозяину и спрашивает:

— Почему у тебя двор такой грязный? Что это за навоз и мусор здесь?

И он приказал убрать со двора навоз, и тут вдруг показалась каменная плита.

— Эта плита пригодится мне, — сказал правитель. — Заберите ее.

Плиту подняли, и под ней оказалась дверца.

— Что это такое? — удивился правитель.

— Откуда мне знать, ваша милость? — взмолился хозяин, а правитель приказал одному воину спуститься под землю. Тот посмотрел вниз, да как закричит:

— Велик Аллах! Там спрятан весь товар купцов!

Тогда послали несколько воинов, они вынесли весь товар, а отдельно сложили то, что было наворовано раньше.

Хасан возвратился в присутствие правителя. После обеда он вернул правителю его одежды, облачился в свое платье, получил с правителя пятьдесят тысяч туманов, пришел к купцам и говорит:

— Долг платежом красен!

Бедняги купцы признали его старшиной и отдали десятую долю своих товаров. Хасан получил от правителя разрешение и взял себе также другое имущество, которое было найдено в подземелье, а купцам сказал:

— Я оплачу ваши расходы, задержитесь на несколько дней в этом городе, пока мне купят мулов.

Хасан отправился на базар, купил мулов, навьючил на них свой товар, и они двинулись в путь.

Когда до родного города остался всего один переход, Хасан подумал: «Когда я покидал родной город, я был голодранцем. А теперь у меня тысячи вьюков товара. Приеду я в родной город, где же мне разместить товар? Попрошу-ка я купцов обождать здесь денек-другой, пока я приготовлю в городе место для товаров».

А утром он предложил купцам:

— Будьте моими гостями. А пока подождите здесь день-два, я поеду в город и приготовлю все, что нужно.

Купцы приняли его приглашение, а Хасан вместе с одним слугой отправился в город. Прибыл он в город, подошел к воротам дома, а их и не узнать! Он стал сомневаться, его ли это дом. «Может, моя мать померла и кто-нибудь купил наш дом»,— подумал он, но потом все-таки постучал в дверь. Старушка открыла дверь, Хасан узнал мать, но мать его не узнала, так как никогда не видела сына в таком одеянии.

— Матушка, ты не узнаешь меня? — спросил Хасан.

— Нет, кто ты?

— Да я же твой сын!

— Мой сын никогда не носил таких платьев!

— Дорогая матушка, видно, богу захотелось, чтобы я посыл.

И он показал свои приметы. Мать узнала его, обняла, стала целовать, тут Хасан увидел свою жену и спрашивает:

— Что это за девушка?

— Да это та самая дочь падишаха!

— Да неужели она до сих пор живет у нас? — воскликнул он.

— Конечно.

Тогда он стал расспрашивать о доме, стройке:

— Откуда у вас деньги на все это?

— Да вот дочь падишаха, — отвечала мать, — спрятала в своих косах несколько яхонтов. Она продала их и построила дом.

Тогда к Хасану подошла жена, приветствовала его. Он обрадовался, ответил на приветствие с лаской и уважением и сказал:

— У меня очень много товаров. Где бы мне сложить их?

Жена засмеялась и ответила:

— Я велела построить дворец со складами и караван-сараем.

Она взяла его за руку, потом они сели на коней, поехали ко дворцу. Когда Хасан увидел дворец, он онемел от изумления, а потом спросил:

— Откуда ты на это деньги раздобыла?

— Из твоих денег,— ответила жена.

— Да разве у меня были деньги? — удивился он.

— Они были в тех самых гранатах, которые ты нам прислал.

— Разве гранаты были монетами? — изумился он.

— Да,— ответила она,— еще один остался.

Сняли они с граната кожуру, а там оказались драгоценные камни.

— Да ведь у меня есть еще несколько таких гранатов! — воскликнул Хасан.— Они лежат у меня в сундуке.

— Послушай, старшина купцов,— говорит ему жена,— есть у меня к тебе одна просьба.

— Проси,— сказал Хасан.

— Когда приедут твои купцы, они пойдут навестить шаха. Ты с ними не ходи. Сам первый пригласи падишаха в гости. А свои подарки отправь шаху через слугу.

Хасан обещал выполнить ее просьбу, поцеловал ей руки и вышел из дворца.

Оттуда он поехал прямо к купцам, они навьючили свои товары и отправились в город. Все поехали по домам, а староста — во дворец. Спустя несколько дней он отправил дары падишаху. Прошло немного времени, и он пригласил шаха в гости.

А теперь послушайте о дочери падишаха. Она решила встретить отца пышно. От сада до ворот дворца разостлали шелковые ковры, от ворот дворца до дверей постелили шали. От дверей дворца до подножия трона разбросали золотые монеты и драгоценные камни. А мужу своему она сказала:

— А ты стой и совершай намаз*.

Падишах вошел во дворец и подивился роскоши и великолепию, каких даже у себя не видел. Слуги купца разбрасывали шахским слугам золотые монеты, а те подбирали их, толкая друг друга. Спустя час кунец вошел в зал. Он поклонился шаху, а шах оказал ему милостивый прием. Они посидели за трапезой, а потом удалились в

отдельную комнату. А шах тем временем думал: «Хорошо бы заполучить такого зятя!» Тут как раз открылся занавес, в зал вошла жена Хасана, поцеловала землю перед отцом, упала к нему на руки и расплакалась.

— Кто это? — удивился падишах, а Хасан встал и вышел.

— Дорогой отец! — воскликнула дочь. — Или ты не признаешь родную дочь?!

Посмотрел шах и видит, что это и впрямь его младшая дочь. Он обнял ее, поцеловал. А дочь говорит отцу:

— Дорогой отец! Ты тогда разгневался на меня и отдал за этого юношу. И теперь люди меня презирают. Я прошу тебя прислать за мной людей, пригласить в твой дворец и выдать замуж с почетом.

Шах согласился и вернулся к себе во дворец.

На другой день падишах послал нескольких придворных за дочерью, она ушла с ними. Перед уходом Хасан спросил ее:

— Когда ты вернешься?

— Завтра вечером.

Наступил вечер следующего дня, но она не вернулась. Прошло несколько дней — она все не возвращается. Тогда Хасан послал за ней, шах согласился отпустить дочь, но потребовал с Хасана большой выкуп, а потом семь дней и ночей справляли свадьбу.

Кончилась свадьба, и младшая дочь говорит отцу:

— Дорогой отец, позволь мне слово сказать.

— Говори, — разрешил падишах.

— Теперь ты поверил, что я была права, когда говорила, что подкладка важнее верха?

— Как это? — спрашивает шах.

— А вот так, — отвечает дочь. — Если бы ты был прав, то тот юноша-калека оказался бы важнее твоей дочери. Но важнее-то оказалась я. У него не работали руки и ноги, я заставила их ожить. Потом я уговорила его заняться делом. А когда он уехал по делам, я в его отсутствие починила дом и построила дворец. Вернулся он и без всяких затруднений поселился в том дворце. А принял он тебя с таким почетом и роскошью тоже по моему указанию. А свадьба эта, как ты сам знаешь, была придумана тоже мною. Ну, вот теперь скажи, верх или подкладка важнее?

Падишах обнял дочь, поцеловал в уста, признал ее правоту, подарил ей несколько деревень, раскаялся в прошлом и стал любить ее больше всех.

Как исполнил бог желания девушки и юноши, пусть он исполнит наши желания!

ГЛУПАЯ ЖЕНЩИНА

Жила на свете глупая женщина, было у нее семь дочерей. Такая она была бедная, несчастная, на всех семи небесах к ней не благоволила ни одна звезда¹. Вот пришла она однажды в лавку мануфактурщика, а с ней была ее старшая дочь. Лавочник стал отмерять ситец, но тут мать выхватила из его рук меру и давай колотить дочь и приговаривать: «Уж я тебе покажу!»

Дочь, конечно, плачет, зовет на помощь.

— За что ты ее бьешь? — спрашивает мануфактурщик. — Она ведь ничего плохого не сделала, словечка дурного не промолвила.

— Да пошлет мне Аллах смерть! — воскликнула мать. — А ты слышал, что она говорит?

Мануфактурщик стал просить передать ему слова дочери, но мать упиралась и приговаривала:

— Проклятие мне! Да я провалюсь от стыда, если повторю ее слова!

Но лавочник не отставал, и наконец мать сказала:

— Она говорит, что хочет за тебя замуж выйти.

— Вот хорошо! — воскликнул лавочник. — У меня нет жены, и я женюсь на ней.

На следующее утро заключили брачный контракт, и они поженились.

Прошло много ли, мало ли времени, мать взяла вторую дочь и пошла с ней в лавку торговца чаем.

— Почтенный, — обратилась она к лавочнику, — отведи мне немного сахара и чаю.

---

¹ По средневековым мусульманским представлениям, землю окружали семь твердых и прозрачных подвижных небесных сфер, на каждой из которых была укреплена одна из планет; по утверждению астрологов, судьбой человека управляли различные небесные тела и звезды.

Бакалейщик стал отвешивать чай и сахар, как вдруг мать набросилась на дочь и принялась лупить ее.

— За что ты ее бьешь? — спрашивает лавочник.

— Пусть бог пошлет ей смерть, пусть покарает ее! Она меня опозорила!

— Что же она такое сказала или сделала?

— Стыдно мне передавать ее слова! — воскликнула мать, но он настаивал, и мать сказала:

— Она говорит, что хочет стать твоей женой.

— Ну и хорошо, я не женат, готов на ней жениться.

— Очень уж я бедная, — созналась мать. — Как может моя дочь надеяться выйти замуж за такого человека?

— Не нужно мне богатство жены, я готов жениться на ней и на бедной.

На следующее утро сыграли свадьбу, и девушка перешла в дом мужа.

Потом мать повела третью дочь в лавку торговца хной и выдала ее замуж за него. Таким же способом она выдала четвертую дочь за бакалейщика, пятую — за москательщика, шестую — за ахунда *, седьмую — за мясника.

Прошло несколько лет, и захотелось матери навестить старшую дочь, посмотреть, как она живет. Купила она коробку халвы и пришла к дочери. Смотрит, своим глазам не верит: богато живет дочка, и черные невольники у нее, и черные невольницы.

Побежали слуги к хозяйке, докладывают, что мать пришла. Тут еще больше слуг выбегает навстречу ей, низко кланяются, приветствуют:

— Добро пожаловать! Добро пожаловать!

Потом зять вышел, встретил тещу любезно и почтительно. Настал вечер, мать собралась было домой, но ее не пустили, ночевать оставили. Поужинали они и легли спать.

В полночь мать встала и решила осмотреть дом дочери. Она зажгла лампу и пошла по комнатам. Ходит она, дивится достатку в доме. Наконец, она пришла в самую большую комнату, а там мануфактуры — помоги бог!

— Ну и дура моя дочь! — воскликнула мать. — Надо мне помочь ей!

Она тут же уселась и давай кроить приданое ребенку. Накроила чуть ли не триста пеленок, рубашонок, распашонок и всякой всячины.

— Пусть ослепнет эта дура! — говорит она о дочери. — Ну да я ее выручила. Слава Аллаху, с этим делом я справилась.

А дочь тем временем проснулась и встревожилась, так как она знала, что мать немножко глуповата. Встала она и видит, что в большой комнате горит свет.

— Неужто мать что-нибудь натворила? — подумала дочь, встала и пошла в большую комнату, а там на полу сидит мать, а рядом с ней груды изрезанных тканей.

— Мать, что это ты натворила? Что я мужу скажу?

— Ослепнуть бы тебе! — закричала мать. — Я исполнила свой долг! Зачем мне отвечать твоему мужу? И с тобой мне говорить нечего, отдавай мою коробку с халвой!

Она взяла свою халву и среди ночи вышла на улицу.

Прошло много ли, мало ли времени, и мать решила навестить вторую дочь. Пришла она в дом, ей оказали почтительный прием и усадили на почетном месте. Зять наговорил ей любезностей и закончил словами:

— Моя теща только теперь собралась навестить нас, не отпускайте же ее, пусть у нас переночует.

— Нет, я не останусь, у меня есть дела, — стала отнекиваться мать, но зять настаивал.

Дочь же знала о причудах и глупости своей матери и предупредила ее:

— Матушка, не срами меня перед мужем, не выкидывай никаких шуток!

— Успокойся, доченька, я лягу в уголке и никому не помешаю.

В полночь мать встала и решила посмотреть комнаты дочери. Видит, что у второй дочери достатка даже больше, чем у старшей. Вдруг попался ей какой-то кувшин, она сняла крышку и сунула в него руку. Захотела вытащить руку обратно, но не смогла. Как она ни старалась высвободить руку, ей это не удавалось, и она отказалась от этих попыток.

Тем временем проснулась дочь, видит, что мать накинула чадру и собирается уходить.

— Матушка, куда это ты собралась? — спрашивает она. — Могу ли я отпустить тебя в такое позднее время?

— Нет, дочка, не могу остаться, мне надо идти.

И мать показала дочери на кувшин и спросила, как ей быть, а дочь посоветовала:

— Когда все уснут, ты выйди из дому, стукни как следует о камень, он и разобьется.

Когда зять и дочь уснули, мать вышла из комнаты и увидела что-то светлое. Ей показалось, что это камень, и она с размаху двинула по нему кувшином, и тут раздались крики:

— Ой! Ой! Голову разбили!

А это, оказывается, был лысый слуга, и мать попала ему по голове. Дочь и зять вскочили с постели, прибежали и видят, что бедный слуга обливается кровью.

— Ты что натворила, мать? — спрашивает дочь, а мать в ответ только сказала:

— Оставь меня в покое, верни мою коробку с халвой, я пойду.

И она вернулась к себе домой.

Прошло много ли, мало ли времени, и мать решила навестить третью дочь. Пришла она к ней, а дочь после обычных приветов и расспросов говорит матери:

— Удивительно, что матушка вспомнила о нас после стольких лет!

Приготовили еду, мать уговорили остаться поужинать.

Она согласилась, но к еде не притронулась, и зять вслеп оставил ей ужин до утра. Так и оставили его в котле.

Но к полуночи матери стало невмоготу от голода, и она подумала: «Ведь ужин-то для меня оставлен. Съем-ка я его сейчас».

Встала она, пошла на кухню, сняла котел с

очага. Она решила сесть во дворе, в укромном месте, да случайно села на верблюда, который лежал там. Верблюд испугался, поднялся с места и помчался вокруг дома. Пронеслся зять и крикнул жене:

— Ступай посмотри, не убежал ли верблюд.

Вышли они и видят, что мать сидит верхом на верблюде. Дочь спрашивает:

— Матушка, что это за шутки?

— Не перечь мне! — крикнула мать. — Верни мою коробку с халвой. Я ухожу.

И в полночь она вернулась к себе.

Прошло еще некоторое время, и мать явилась к четвертой дочери. И здесь после приветствий и взаимных расспросов ее упростили остаться переночевать. Утром, когда все встали, дочь говорит матери:

— Матушка, у меня сегодня гости.

— Ну и прекрасно, ты ступай в баню, а я здесь управлюсь. Оставь мне свои ключи, я осмотрю комнаты, приберу.

Дочь согласилась, оставила ей ключи, а мать сразу же пошла по комнатам, стала их отпирать, все осматривать, да как начнет браниться:

— Ну и бестолковая же у меня дочь! И зачем это она столько парчи вокруг постели обмотала?

— А ну, живо несите тазы с водой! — крикнула она служанкам. — Надо вымыть эту парчу.

— Да разве парчу мочат в воде? — стали возражать служанки. — Ведь она испортится!

— Чтоб вам ослепнуть! — раскричалась мать. — Не лезьте не в свое дело! Я лучше вас разумею, что делать.

И служанки поневоле повиновались. Они принесли воду и принялись вместе с ней мочить парчу.

Потом мать полезла на крышу и опять кричит:

— Что за безжалостные люди! Что за кровопийцы! Когда у вас ноги потрескаются, что вы делаете? Растапливаете масло и смазываете трещины! Несите скорей наверх бурдюки с маслом, я помажу трещины на крыше.

Служанки не посмели перечить матери хозяйки и потащили наверх бурдюки с маслом. Она развязала горлышки бурдюков и сама вылила все масло на крышу.

Дочь вернулась из бани. Видит, что вся парча намочена, а мать и служанки толпятся на крыше.

— Матушка, что ты там делаешь? — спрашивает дочь, а мать отвечает ей:

— Нельзя же так! Ведь у тебя вся крыша потрескалась. Вот я и велела принести масло, теперь замазываю щели, чтобы они срослись.

Тут дочь раскричалась:

— Чтобы твоей ноги здесь не было во веки веков! Отправляйся к себе домой! Из-за тебя муж меня прогонит...

— А ты верни мою коробку с халвой! — отвечает мать. — Я уйду от тебя. Что с тобой толковать! Никогда у тебя в доме не будет порядка.

Взяла она свою коробку и пришла домой.

Прошло время, и мать решила навестить пятую дочь, что была за москательщиком. Взяла она коробку с халвой и пришла в дом дочери. После расспросов и взаимных приветствий они уговорили мать остаться на ужин. А было это зимой. Мать и говорит дочери.

— Дочка, дай ключи от комнат, посмотрю, хуже или лучше своих сестер ты живешь.

Взяла она ключи и пошла бродить по комнатам. Видит, что там полно масла и яиц. Она нашла корзину, наполнила ее яйцами и поставила себе на голову. Закутала голову чадрой, взяла небольшой бурдюк с маслом, спрятала под подол. А потом легла спать около курси *.

Вскоре масло растопилось и потекло у нее из-под ног. Зять вытянул во сне ногу, чувствует что-то жидкое.

— Жена! — крикнул он. — Посмотри, откуда течет.

— Спи спокойно, — отвечает жена, — я сейчас посмотрю.

Пришла она к матери, видит, что та спрятала под подол бурдюк с маслом, оно растопилось и потекло. Дочь подняла руки и стукнула ее по голове, так что все яйца разбились, и по лицу матери потекли желтки и белки.

— Мать, что ты натворила? — закричала дочь. — Видеть тебя больше не хочу!

— О чем говорить? — ответила мать. — Отдай мне коробку с халвой, я пойду к себе.

Она взяла коробку с халвой и вернулась к себе.

Прошло два или три дня, и мать решила навестить шестую дочь, которая была за ахундом. После приветствий и расспросов ее уговорили остаться на ужин. А эта дочь лучше других знала свою мать и сказала ей:

— Матушка, ради бога, не натвори почью чего-нибудь, а то осрамишь меня перед мужем. Муж у меня очень придиричивый и строгий. Постарайся не осрамиться.

— Успокойся, дочка,— сказала ее мать,— я лягу здесь в сторонке, ничего не стану вытворять, а утром пораньше уйду.

Зять, дочь и мать легли в одной комнате. Настала полночь. Мать хотела выйти по нужде, но дверь оказалась запертой. «Как же быть? — подумала она.— Как же быть?» Но так ничего и не придумала, ей стало невмоготу, она спяла с головы платок и наложила туда. Потом она стала ходить по комнате и искать отверстие, чтобы выбросить платок. А комната была с зеркалами, и ей показалось, что в стене есть отверстие, а это было отражение в зеркале. Она бросила свой платок прямо на зеркало, так что нечистоты разлетелись по комнате, часть их угодила на священные книги, а часть — на бороду и усы почтенного ахунда.

Ахунд вскочил и крикнул жене:

— Жена, вставай, посмотри, что это такое! Что-то льется в комнату. Ну и вонь!

Дочь встала, зажгла лампу, видит, что мать такое натворила, что и сказать нечего.

— Мать! — закричала она.— Что это за срам?

— Что мне с тобой говорить,— ответила мать.— Верни мою коробку с халвой, я ухожу.

— Подохнуть бы тебе! — закричала дочь.— Забирай свою халву и убирайся прочь! Чтобы впредь твоей ноги здесь не было!

Спустя два или три дня мать пришла в дом седьмой дочери. Приняли ее с почетом. После долгих расспросов и взаимных приветствий настала ночь, все поужинали и легли спать. Но мать не могла заснуть, встала и пошла осматривать дом. Ну и комнаты она увидела, прямо шахские палаты! Потом она пришла в хлев, а там на кольях, вбитых в стену, висели туши жирных баранов.

«Вот хорошо,— подумала она,— возьму-ка здесь курдюк, пожарю и съем». Она влезла на доску, чтобы дотянуться до туши, но доска выскользнула, и мать повисла на том крюке. Она попыталась было освободиться, но куда там! Тогда она заревела благим матом. Прибежали зять с дочерью и видят, что она натворила. Дочь стала бранить мать, а та только ответила:

— Не кричи на меня! Сначала освободи меня от вашего крюка, а потом верни мою коробку с халвой. Я уеду совсем из этого проклятого города!

Взяла она коробку с халвой, вышла из дома и покинула город. Шла она, шла — и пришла наконец к какому-то городу. Подошла к одному дому, а там суматоха какая-то.

— Что случилось? — спрашивает она.

— Умерла жена уважаемого купца, — говорят ей.

Как услышала она это, стала бить себя по лицу, рыдать и причитать:

— О несчастная сестра моя! Ненаглядная сестра моя! Мне бы умереть за тебя! Уж много лет ты писала мне, чтобы я навестила тебя. Вот я пришла к твоему бездыханному телу! Так нас судьба и разлучила!

Домочадцы видят, что к дому идет какая-то женщина, рыдает и бьет себя по лицу. Они поставили носилки с покойницей, подошли к ней и стали утешать ее:

— Господь да пошлет тебе здоровье! Таков этот бренный мир.

Но она стала плакать сильнее прежнего, так что они не могли слова вставить.

А теперь послушайте о вдове, муже покойницы. Он и жена дали друг другу клятву, что тот, кто переживет другого, будет сидеть на могиле покойного до своей кончины. И вот теперь ему предстояло сидеть на могиле жены, покуда смерть не заберет его. Для него там и постель приготовили, и отправился он на могилу.

Когда настала полночь, мать семерых дочерей оделась в белое, взяла колокольчики-бубенчики и остановилась за шатром, который муж поставил у могилы покойницы. Она начала стучать палкой по колокольчикам, и те загремели, зазвенели.

— Кто это? — закричал напуганный вдовец.

— Я Азраил*.

— Но ведь я сдержал свое слово! — стал оправдываться вдовец.

— А разве ты не знаешь, что сестра жены заменяет жену после ее смерти?

— Ради бога, не лишай меня жизни, — взмолился тот, — завтра же исполню твой наказ.

Вдовцу и в голову не приходило, что все это натворила с ним та самая женщина, которая так плакала и убивалась.

Вдовец пробыл у могилы положенные по обычаю три дня, и все три ночи она приходила и страдала его. Нако-

нец в третью ночь он поклялся наутро выполнить наказ Азраила.

Утром вдовец волей-неволей пришел домой и рассказал о том, что пережил, своей сестре и родным. Тогда они пошли к той женщине и попросили выйти замуж за вдовца, а она стала отказываться:

— Да как же это? Ведь саван моей сестры еще не истлел! Как не стыдно вам!

Но они настаивали на своем, упрасивали и уговаривали ее. Тогда она уступила, но с условием брак заключить в тот же день, а свадьбу отложить на сорок дней.

Спустя сорок дней справили свадьбу.

И вот однажды женщина велела служанке принести кувшин для омовения, пошла в отхожее место и стала там разговаривать сама с собой.

— Чего только ты не натворила женщина, — говорила она себе. — У тебя было семь дочерей, но ни гроша за душой. Ты выдала их всех за купцов. А на старости лет ты что выкинула? На кой ты на старости лет вышла замуж? Да разве у тебя была сестра? А как это ты превратилась в Азраила? Ну и повезло же тебе, женщина, на старости лет!

Так она говорила с собой и высказывала свои сокровенные мысли. А служанка слушала ее за уборной, а потом вдруг как крикнет:

— Ну, вот придет хозяин, я все ему расскажу!

Услышала женщина слова служанки, выбежала из уборной и сказала:

— Дорогая служанка, какие приятные речи ты говоришь! Покажи-ка язык, я посмотрю, намного ли он отличается от моего.

Служанка высунула язык, а она тут же отрезала его острым ножом.

Вечером купец пришел домой. Служанка начала мычать и показывать жестах на хозяйку.

— Что она там говорит? — спросил хозяин жену, а та заплакала, а потом сказала:

— Служанка спала, высунув язык. Вдруг прилетела ворона, выклевала ей язык и улетела.

Хозяин очень огорчился, но так никогда и не узнал правды.

И они зажили счастливой жизнью. Да пошлет нам бог такую же счастливую жизнь!

ПРО ТРЕХ ГОРБУНОВ

Жил в одном городе один горбун, на редкость вспыльчивый. Из-за всякого пустяка приходил он в ярость и обрушивался с бранью на жену. А жена у него была молодая, очень скромная и красивая.

Однажды, когда он, как обычно, сидел у порога своего дома на каменной скамеечке, подошли три других горбуна, играя на сазе * и напевая.

Горбун, хозяин дома, пригласил их к себе и стал с ними веселиться. Сам он услаждал свой слух игрой на сазе и разными мелодиями, а жене не разрешил даже в комнату войти послушать.

На другой день, когда горбун ушел по делам, снова пришли эти горбатые музыканты. Женщина пригласила их в дом и приняла как положено. Они начали петь, играть на сазе, и вдруг послышался стук в дверь.

Женщина перепугалась, не ожидала, что муж так скоро вернется домой. Боясь его гнева, она упрятала всех горбунов в большой сундук.

Через некоторое время муж-горбун опять ушел из дому, и женщина открыла сундук, чтобы выпустить горбунов. Но на беду все трое задохнулись и умерли. Она вышла на улицу и позвала хаммала * — здорового крестьянского парня.

Привела его к себе, показала ему одного из горбунов и договорилась, что он положит тело в мешок, отнесет к реке и незаметно бросит в воду. Она обещала хаммалу хорошую плату. Он выполнил поручение и пришел к женщине за вознаграждением. Женщина открыла сундук и говорит:

— Посмотри, горбун каким-то колдовским путем раньше тебя вернулся обратно сюда и снова забрался в сундук. Придется тебе вторично потопить его в реке, да как следует! Постарайся, и я заплачу тебе вдвое больше.

Удивился хаммал возвращению горбуна. «Наверное, в ночной темноте я не сумел его бросить прямо в воду,— подумал он,— ну на этот раз я так его потоплю, что никакая сила не поможет ему вернуться сюда».

Парень подхватил второго покойника, потащил к реке, сбросил и подождал, пока тело плюхнулось в воду и по-

шло ко дну. Теперь хаммал был уверен, что мертвый горбун не вылезет из реки. Но вернувшись к женщине, он нашел горбуна опять в сундуке!

На этот раз парень привязал к ногам покойника огромный камень и так швырнул его в реку. Возвращается назад и видит у самого дома женщины горбуна, который собирается войти в дом — а это был хозяин дома, но откуда хаммалу было знать? Хаммал, не дав ему опомниться, стукнул его палкой по темени, да так, что горбун тут же испустил дух. Хаммал отнес тело к реке, привязал два огромных камня к его шее, связал ему веревкой руки и ноги и только после этого потопил.

На этот раз женщина встретила его довольная — она хорошо наградила хаммала, избавившись от горбунов.

ПРАВЕДНИК

Жил на свете праведный человек. Жители его родного города были плутоватые и порочные, ему стали в тягость их дурные дела, и он покинул родной город и отправился в другой.

Пришел он в другой город и решил совершить намаз *. Подошел к мечети и слышит, как муэzzин * провозглашает:

— По словам жителей этого города, «Аллах акбар» *, по словам жителей этого города, «нет бога кроме Аллаха» *.

Праведник очень удивился и решил расспросить об этих странных словах имама * мечети. Входит он в мечеть, видит: суматоха там какая-то.

— В чем дело? — спрашивает он и вдруг видит сидит на полу не то мулла, не то имам, поставил рядом с собой бутылку вина и Коран * и приговаривает:

— Клянусь Кораном, вино не разбавлено! ¹.

«Что за странный город? — подумал праведник.— Пойду-ка лучше к имаму мечети и спрошу, что они тут вытворяют».

---

¹ В Иране многие сорта вина пили только разбавленными водой.

Подошел он к самому михрабу *, видит, что имам совершает намаз, а другие молящиеся следуют его примеру. Но имам, когда стоял, приподнимал ногу, а когда опускался для коленопреклонения, то задира л ногу выше головы. Видит праведник, было две загадки, а стало три!

— Пойду-ка я разузнаю, где находится их кадий *, и спрошу его, что тут происходит.

На улице он стал спрашивать и ему показали, где найти кадия. Вошел он в присутствие, видит там портного и хаммала *. А кадий выносит решение вырвать один глаз у портного и один — у хаммала.

Праведник очень удивился и воскликнул:

— Всеславный Аллах! Что они тут вытворяют?!

С этими словами он выбежал на улицу и стал спрашивать, как разыскать другого кадия, самого главного в городе. Ему показали дом самого справедливого и главного кадия в том городе.

Вошел он в присутствие главного кадия — ну и дела! — один мужчина при всем народе творит блуд с другим! Праведник так ошалел, что выскочил на улицу и побежал. Увидел прохорожего и взмолился:

— Друг, покажи мне в вашем городе богобоязненного кадия!

— Вот этот кадий,— сказал прохожий,— самый уважаемый в нашем городе.— К нему приходят за советом другие кадии.

Праведник пришел к тому кадию и говорит:

— Почетный кадий! Я покинул родной город и прибыл в ваш, чтобы поселиться там, где берегут благочестие. Пришел я сюда и вижу, что блуда и греховности здесь еще больше.

— Добрый человек,— спрашивает кадий,— что же греховного ты видел в нашем городе?

— Что может быть хуже этого! — воскликнул праведник.— Вхожу я в ваш город, подхожу к мечети, вижу муэз-

зин провозглашает: «По словам жителей этого города, „Аллах акбар“, по словам жителей этого города, „Нет бога кроме Аллаха“». А сам-то он какой же веры?!

— Это я придумал,— говорит кадий.— Мы назначали много муэззинов, но все они либо проворовывались, либо требовали увеличить жалованье. Тогда я велел назначить муэззином одного еврея. Вот потому-то он так странно провозглашает азан*.

— А почему тот мулла клянется на Коране и продает вино?

— Это тоже я придумал. Люди не покупали его вина. И я посоветовал ему клясться на Коране, что вино у него неразбавленное.

— Уразумел и это,— сказал праведник.— Но почему в доме кадия при нем самом двое предаются мерзкому блюду?

— И это я придумал. Один купец в нашем городе перед смертью завещал не передавать имущества его сыну, пока тот не достигнет совершеннолетия. Ко мне стали приходиться родные и просить передать сыну наследство, уверяя, что он уже совершеннолетний. И наконец я, чтобы убедиться в его совершеннолетию, приказал совершить этот мерзкий поступок.

— Мудрое решение! Но скажи мне, почему кадий велел вырвать один глаз у портного, а другой — у хаммала.

— Да ведь и это я придумал,— сказал кадий.— Этот портной совершил тяжкое преступление. И я вынес решение вырвать ему оба глаза. Потом вижу я, что это грешно, ведь каждый человек нуждается в обоих глазах, кроме хаммала, которому достаточно и одного. Вот потому я велел заменить один глаз портного глазом хаммала.

— Хвала тебе! Хвала — воскликнул праведник.— Мудрое решение ты вынес. Но почему тот имам в мечети во время совершения намаза поднимает ногу над головой?

— И это я придумал! — воскликнул кадий.— Да потому, что когда имам шел в мечеть, то угодил одной ногой в нечистоты, а настала уже пора намаза, собрались правверные, и у него не было времени помыть ноги. И тогда я посоветовал ему во время намаза не касаться молитвенного коврика оскверненной ногой.

Удивился праведник, попросился. Было у него две ноги, так он еще две взял взаймы и поспешил в родной город. «Хоть и развратен наш город, но все-таки намного лучше других»,— сказал он себе.

ПРИМЕЧАНИЯ *

Аббас Великий — шах Аббас I Сефевид (1587—1628), при котором Иран достиг значительного могущества, одержав ряд побед над Турцией и португальцами, имевшими колонию на юге Ирана. В эпоху Аббаса I в стране велось большое строительство, особенного расцвета достигла столица Ирана — Исфахан. С именем шаха Аббаса, как и с именами широко известного по «Тысячи и одной ночи» халифа Харуна ар-Рашида (786—809), султана Махмуда Газневида (997—1030) и ряда других исторических деятелей стран ислама связаны многочисленные предания, легенды и сказочные сюжеты.

Аз а н — призыв к молитве, являющейся одним из самых важных предписаний мусульманского вероучения, провозглашаемый муэззином (см.) высоким голосом, нараспев. Призыв состоит из семи формул, первая из которых — «Аллах акбар» («Бог велик»). У шиитов (одно из двух религиозных направлений, на которые разделился ислам в VII в.), составляющих большинство населения Ирана, азан может провозглашаться любым лицом, но в некоторых арабских странах исполнение азана считается искусством, требующим большого навыка.

Аз р а и л — ангел смерти у мусульман, с которым связаны различные поверья; так, например, собаки завывают по утрам потому, что они видят Азраила.

А й в а н — крытая галерея, терраса, образуемая столбами или колоннами, несущими перекрытие. В частных домах выходили во внутренний двор, во дворцовых зданиях примыкали к фасаду.

Али, и м а м — двоюродный брат и зять пророка Мухаммада Али ибн Абу Талиб, последний из четырех «праведных» халифов (правил с 656 по 661 г.), являющийся у мусульман-шиитов объектом поклонения и культа. Легендарным подвигам Али посвящены многочисленные религиозные, литературные и фольклорные произведения, в том числе объемистые прозаические «романы» — дастаны, исполнявшиеся профессиональными рассказчиками и сказочниками. См. также и м а м.

А л л а х а к б а р (араб.) — «Бог велик!». Первая формула азана (см.).

* Примечания составлены Ю. Е. Борщевским.

А м б а р д а р — хранитель амбара, склада.

А х у п д — лицо, получившее духовное образование и имеющее право быть школьным учителем или муллою (см.); в Средней Азии иногда употреблялось в значении образованного человека. В Иране слово получило распространение в эпоху Тимуридов (XIV в.).

А ш р а ф и — золотая монета весом в 3,47 г, введенная в Иране в XIV в.

Б е й т — в арабской и персидской поэзии двустопные, в котором должна быть выражена законченная мысль. Составляющие бейт стихи могут быть рифмованными и нерифмованными.

Б р а ч н ы й д о г о в о р — церемония заключения брачного договора обставлялась торжественно и была связана с различными обрядами и поверьями. Так, комната, в которой происходила церемония, не должна была иметь под собой пустоты, в ней могли находиться только такие женщины, которые были замужем лишь один раз, во время заключения договора смотрелись в зеркало, на скатерть выкладывался определенный набор предметов, продуктов и трав, имевших символическое значение, и т. д. Сам договор скреплялся подписями родителей, свидетелей духовенства.

Г а з е л ь — лирическое стихотворение, состоящее из ряда бейтов (см.) с единой рифмой (рифмовка по схеме *аа ба ва* и т. д.). Газели часто пели под аккомпанемент струнного инструмента.

Г у л ь — сверхъестественное существо, по некоторым персидским поверьям разновидность *ди ва* (см.), по другим — особый вид духов, обитающих в пустынях и горных ущельях, куда заманивают путников и пожирают их. «Видевшие гулей, — говорится в одном средневековом персидском сочинении, — рассказывают, что они от головы до пупка имеют человеческий образ, а от пупка до низа — лошадиный, а копыта у них ослиные» (цит. по *Нейрангистан*, пер. Н. А. Кислякова, в сб. «Переднеазиатский этнографический сборник», I, М., 1958, стр. 326). См. также *джинн*, *див*, *пери*.

Г у л я м — раб, слуга. В средние века в некоторых странах ислама составляли особые полки, нечто вроде дворцовой гвардии. Позднее этим термином в Иране часто называли домашних слуг и даже зависимых от крупного землевладельца крестьян.

Г я з — мера длины, двойной локоть, равная 102—104 см.

Д а с т а р х а н — скатерть, разостланная прямо на ковре и уставленная блюдами с пищей.

Д е м а в е н д — потухший вулкан, высшая точка (5604 м) горного хребта Эльбурз в Иране. С Демавендом связано много древних иранских легенд и преданий.

Д е р в и ш — бродячий мусульманский монах, принадлежавший к одному из многочисленных дервишских орденов, которые

были распространены на всей территории халифата и образовавшихся после его распада исламских государств. Дервишество представляло сложное явление, тесно связанное с мистико-аскетическим направлением в исламе — так называемым суфизмом; различные ордена имели особые формы одежды, свои уставы, ритуал и почитаемых ими святых, иногда довольно сложную иерархию. Рядовые дервиши часто промышляли нищенством, составлением чудодейственных талисманов и молитв и т. п. и пользовались репутацией «божьих людей», способных творить чудеса. Среди дервишей было, конечно, много шарлатанов, эксплуатировавших суеверие и религиозную фанатичность населения.

Д е х л и з — длинный крытый проход, ведущий от входных ворот во внутренний двор.

Д ж а н — букв. «душа»; при вежливом или ласкательном обращении присоединяется к имени в значении «милый», «дорогой».

Д ж и н н — в народной мифологии доисламских арабов — обитающие в пустыне духи; по кораническому преданию, джинны созданы Аллахом из пламени за несколько тысяч лет до создания Адама, занимают среднее место между человеком и ангелами и среди них есть как исповедующие ислам, так и «неверные». В арабском и иранском фольклоре в образе джинна смешались различные представления о сверхъестественных силах и джинн выступает иногда злым, иногда добрым духом, который в состоянии выполнить любую работу. Ср. г у л ь, д и в, п е р и.

Д ж о н а г — игра, напоминающая русскую игру «бери да помни».

Д и в — демон, бес, дух, чаще злой, но может выступать и добрым помощником героя сказки. Изображался обычно в виде обросшего шерстью рогатого чудища, с когтями на руках, коленях и пятках. В Иране с дивами связано много поверий и легенд. По некоторым из них, дивы могут раздуть свое тело и свободно перемещаться по воздуху, по другим — это дикие люди, когда-то жившие в лесах Северного Ирана и облачившиеся в звериные шкуры; некоторые дивы живут среди людей, в заброшенных банях, горах и пустынях, другие обитают вне населенных пределов, все они подчиняются сатане, одно из имен которого — Азизил. Ср. г у л ь, д ж и н н, п е р и.

Д и р х е м — серебряная монета, имевшая хождение во всех областях халифата и содержавшая 4,25 г серебра. В рассказах и сказках дирхем часто употребляется как общее название для всякой серебряной монеты. Этим же термином обозначается мера веса (3,148 г), употребляемая в ювелирном деле.

И м а м — основное значение слова — «предводитель», в особенности «предводитель каравана верблюдов», но в исламе так называют предстателя на молитве, движения которого повторяют все молящиеся; в каждой мечети имеется свой имам, а в крупных мечетях их бывает несколько. У мусульман-шиитов это

слово употребляется также и для обозначения халифа Али (см.) и его одиннадцати потомков, которые являются объектом поклонения верующих.

Има м Али см. Али, има м.

Има м Рез а см. Рез а, има м.

Ка д и й — мусульманский судья, разбирающий дела и выносящий решения на основании шариата (совокупности мусульманских религиозных и правовых норм) и фикха (мусульманского права). Назначались административными властями и в теории должны были являть собой эталон мудрости и справедливости, но история изобилует примерами продажных и невежественных кадиев, которые обходили законы в угоду властям и собственной корысти.

Ка л л е - па че — род похлебки, густой суп из бараньей головы и ножек.

Ка р ба с — грубая хлопчатобумажная ткань.

Ка ш ку ль — овальная металлическая, деревянная или сделанная из скорлупы кокосового ореха чаша для сбора подаваний, которую *дервиши* (см.) носили на цепи через плечо. В литературе этим же термином называют сборник различных по характеру текстов, взятых из разных источников.

К е б а б — жареное на вертеле мясо, подающееся с различными приправами.

К е д х о да — первоначальное значение — «хозяин дома», «владелец»; позднее — староста деревни или городского квартала.

Ко ра н — священная книга мусульман, состоящая из глав — сур, которые распадаются на аяты, т. е. отдельные стихи, по принятому в русском и европейском востоковедении переводу этого термина. Аяты, вошедшие впоследствии в Коран, представляли собой речения Мохаммеда (или приписываемые ему) и выдавались за откровения, ниспосланные свыше. При жизни Мохаммеда все эти «откровения» еще не были сведены в единый канон, хотя есть основания предполагать наличие частичной записи. После смерти Мохаммеда начался довольно длительный и сложный процесс сбора его речений, в результате которого было собрано не менее четырех версий Корана и только при третьем «справедном» халифе Османе ибн Аффане (644—655) была создана официальная версия Корана, далеко не сразу принятая верующими. Необходимость в толковании и чтении Корана вызвала к жизни целый ряд так называемых коранических наук, которые способствовали развитию арабской филологии, лексикографии и т. п.

К ра н — одна десятая тума на (см.).

Курси — в персидских домах часто не было печей и для обогрвания использовалась жаровня с раскаленными угольями, над которой ставился низенький квадратный столик — курси. Столик покрывался большим стеганым одеялом, и все члены семьи залезали по плечи, ногами к жаровне, под это одеяло.

Кыбла — направление на Мекку, лицом к которой следует стоять при совершении молитвы: в Мекке находится Кааба, священный храм мусульман и объект паломничества — хаджа (см.).

Кяриз — подземный оросительный канал; к подземному источнику, расположенному выше местности, куда надо доставить воду, опускают вертикальный колодез и такие же колодцы роют через каждые 5—10 м в направлении тока воды. На уровне воды колодцы соединяют подземными галереями овального сечения, которые в мягком грунте обкладывают цилиндрами из обожженной глины. Сооружение кяризов, которые иногда тянутся на десятки километров, очень дорогое и трудоемкое дело.

Луры — кочевые племена, говорящие на одном из иранских диалектов и населяющие горные районы на юго-западе Ирана. Луры, как и их соседи бахтияры, лишь номинально признавали власть центрального правительства и вели с ним упорную борьбу. В городском фольклоре кочевники — луры, бахтияры, курды, бедуны — часто представлены как неотесанные и некультурные люди, постоянно попадающие в смешные ситуации.

Ман — в старом Иране одна из основных мер веса (полная форма — «батман»). В различных городах и областях страны применялись различные по весу маны, от так называемого «тебризского мана» в 2,944 кг (по названию крупного торгового и политического центра Иранского Азербайджана — Тебриза) и до 13,8 кг.

Мачин см. Чин.

Мейдан — площадь, часто центральная часть города, на которой иногда играли в поло, происходили различные празднества и т. п. Центральная площадь Исфахана Мейдан-е шах, или «Шахский мейдан», славится своей архитектурой.

Миср — арабское название Египта, часто обозначавшее также только г. Каир.

Михраб — ниша в мечети, указывающая направление на Каабу (см. кыбла), стоя лицом к которой мусульмане произносят молитву. Михраб считался самым важным местом мечети и обычно был украшен изразцами, мозаикой, декоративными надписями и т. п.

Мулла — термин довольно широкого значения, которым, как правило, называли лиц, окончивших конфессиональную школу — медресе, где обучали толкованию Корана (см.), основам богословия и законоведения, религиозному преданию

и т. п. Сравнение мулл с западными священнослужителями не вполне точно, так как мулл не посвящали в звание, они не могли отпускать грехи или молиться за верующих, не имели и других регламентированных обязанностей европейских священнослужителей. По окончании медресе муллы могли становиться учителями начальных школ, и м а м а м и (см.) или проповедниками в мечетях и преподавателями в небольших медресе. Муллы составляли совершенно определенную прослойку, напомиравшую среднее европейское духовенство (с учетом указанных оговорок), и пользовались большим влиянием среди религиозно настроенных масс населения. Вместе с тем в сказках и других фольклорных произведениях они часто бывают объектом насмешки и сатиры.

М у с а — библейский пророк Моисей, которого Мохаммед называет в К о р а н е (см.) своим предшественником. Многие библейские легенды и сказания были заимствованы Мохаммедом и первыми мусульманами у евреев и христиан, вошли в кораническое предание и получили распространение в фольклоре народов, исповедующих ислам.

М у т а к а — небольшая подушка, валик, набитый пухом и перьями.

М у э з з и н — лицо, провозглашающее призыв к молитве (см. а з а н).

Н а м а з — ежедневная пятикратная молитва, совершение которой является одной из важнейших обязанностей верующих мусульман. Первая молитва («намаз-е бамдад») совершается перед восходом солнца, последняя — перед отходом ко сну, когда наступает полная темнота. Каждой молитве предшествует ритуальное омовение, сама молитва произносится по-арабски и совершается по установленному обряду. В городах и больших селениях к намазу призывают специальные лица — м у э з з и н ы (см.), провозглашающие с минаретов или других возвышений а з а н (см.).

Н о у р у з — древний иранский праздник Нового года, справлявшийся по солнечному календарю в день весеннего равноденствия. Празднуется в течение тридцати первых дней и сопровождается различными увеселениями, загородными прогулками и пикниками, преподнесением подарков и т. п.

Н у к е р — дружинник монгольской знати; с начала XIII в. составляли личную гвардию монгольских ханов. После завоевания Ирана монголами термин получил распространение в персидском языке и впоследствии часто означал вооруженного слугу или просто слугу.

П е р и — в иранской мифологии сверхъестественные существа, чаще всего выступающие в образе обольстительных женщин, которые могут быть как добрыми, так и злыми духами. У пери есть цари и царицы; они могут вселяться в людей, ко-

которые в таких случаях приобретают все их качества; по некоторым народным поверьям, пери часто появляются в садах в образе голубей. Поверья о пери восходят к глубокой древности. Ср. д ж и н н, д и в, г у л ь.

Реза, има м — прозвище восьмого шиитского имама (см.) Али ибн Мусы ибн Джафара ар-Резы, которого аббасидский халиф ал-Мамун в 816 г. объявил своим наследником и с которым он совершил паломничество в город Тус (недалеко от современного Мешхеда), к могиле своего отца Харуна ар-Рашида. Там ар-Реза был, согласно преданию, отравлен в 818 г., и вокруг его гробницы, ставшей местом паломничества шиитов, вырос современный город Мешхед (букв. «гробница принявшего мученическую кончину»), столица Хорасана (см.). Как и другим шиитским имамам, Резе приписываются всякие чудеса (способность вызывать дождь, заставлять виноград созревать зимой, проникновение в мысли собеседника и т. п.). Верующие обращаются к «заступничеству» Резы перед отправлением в морское или сухопутное путешествие, его именем клянутся, он «спасает» от бед при изгнании и т. п.

Са д р а з а м — титул, который был введен в Турции для первого или «великого» везира султаном Сулейманом I Великолепным (1520—1566). В Иране этим титулом награждали премьер-министров в правление последних шахов Каджарской династии. Здесь — в значении «первый, главный везир».

С а л а м а л е й к у м — обычная форма приветствия в странах ислама, куда проник арабский язык. Означает «мир вам»; ответом служит «валеikum салам» — «и вам мир».

С а р д а р — персидский термин, основное значение — «возглавляющий, главарь», отсюда — военачальник. В Иране XIX в. это слово часто входило в состав почетных титулов, например: «сардар-е зафар» — «победоносный военачальник», «сардар-е кулл» — «главнокомандующий» и т. п., но не обозначало конкретного воинского ранга.

С и к а н д ж е б и н — напиток, который варился из меда и виноградного уксуса средней крепости и перед употреблением разбавлялся водой. Служил также основой для приготовления ряда лекарственных микстур.

С и м о р г — чудесная огромная птица, по верованиям древних персов, отраженных в «Шах-наме», обитавшая в горах Эльбурза, вдали от населенных мест, в гнезде, покоящемся на колоннах из слоновой кости и сандалового дерева. По другим поверьям, живет в мифических, окружающих землю горах Каф. При приближении Симорга небо темнеет, словно его покрывают тучи; Симорг обладает даром речи, часто выступает в роли «ангела-хранителя» эпических и сказочных иранских героев.

С о л е й м а н, п р о р о к — библейский царь Соломон, который наряду с другими библейскими пророками вошел в число

исламских святых. В образе Солеймана сплелись легенды многих народов, в том числе и иранских; Солейман владел чудесным перстнем, на котором было вырезано одно из 99 имен Аллаха, дававшее ему власть над всеми живыми существами и духами; он понимал язык птиц, изобрел арабский и сирийский алфавиты; обладал несметными богатствами, тысячью дворцов, 700 женами, ковром-самолетом и т. п.

Т у м а н — персидская денежная единица, курс которой неоднократно менялся; делилась на краны (см.) и шайи (см.).

Ф а р р а ш — при дворах шахов и правителей так называли дворцовых слуг различных категорий, от уборщиков и курьеров до палачей. Кроме того, этим термином называли просто домашних слуг, которые также сопровождали хозяина при выходах из дома и путешествиях.

Ф а р с а н г — иранская мера пути, величина которой зависит от характера местности: различаются «тяжелые» и «легкие» фарсанги в зависимости от удобства дороги для передвижения, но в среднем это расстояние, которое можно проехать за час по данной дороге, равно приблизительно 6 км.

Ф а т х - А л и - ш а х — персидский шах из Каджарской династии, правил с 1797 по 1834 г. Монеты с портретом правящих шахов чеканились в Иране в разные времена, часто имели хождение и после смерти изображенного на них правителя.

Ф р а н к, **ф р а н к и** — европейцы, без уточнения национальности; так персы называли выходцев из Европы (Ференгистан) вплоть до конца XIX в.

Х а д ж — паломничество к мусульманским святыням в Мекке, входящее в число религиозных обязанностей мусульман. Человек, совершивший такое паломничество, получал почетное наименование «х а д ж и».

Х а к и м — правитель области или округа; третейский судья.

Х а м а д а н — Экбатана классических авторов, древний иранский город, расположенный у западной границы Ирана; в Хамадане находится могила знаменитого ученого и философа Ибн Сины (Авиценна).

Х а м м а л — носильщик.

Х а н у м — барыня, госпожа.

Х а р в а р — букв. «вьюк осла», мера веса в Иране, значение которой, как и значение мана (см.), колебалось в зависимости от местности. Приблизительно 290—300 кг.

Х а т е м Т а и — легендарный вождь арабского племени Тай, отличавшийся баснословной щедростью и ставший героем различных легенд и арабского народного романа, который был переведен на многие языки, в том числе и персидский. В настоящей сказке, включающей распространенный мотив о человеке, который все превращал в золото (ср. греческую легенду о мифическом царе Мидасе), этим именем названа его жена, очевидно, из-за присущей ей щедрости.

Х и н д — название Индии,ряду с «Хиндустан» распространенное в странах ислама и некоторых областях самой Индии.

Х о д ж а — почетный титул, дававшийся только гражданским и духовным высокопоставленным лицам: оптовым купцам, ведущим заморскую торговлю, министрам, вышедшим из ученого сословия, главам духовных орденов (см. дервиш). Титул встречается в Иране с XII в., но в XVIII—XIX вв. его обычно носили евнухи шахских гаремов.

Х о р а с а н — провинция на востоке Ирана, с древних времен игравшая очень важную роль в экономической и политической жизни страны и всего арабского халифата. Столица Хорасана — город Мешхед (см. Р е з а).

Х у р д ж и н — переметная сума, обычно изготавливаемая из узорчатой ковровой ткани.

Ч и н — название, под которым в Иране был известен Китай; происходит от искаженного названия китайской династии Цинь, первый император которой вступил на престол в 221 г. до н. э. **Ч и н** и **М а ч и н** — иногда так обозначались Внутренний и Внешний Китай, в сказках сочетание это означало часто просто Китай.

Ш а д д а д — имя легендарного царя, правившего в Южной Аравии, который вознамерился создать подобиерая на земле и выстроил город из серебра, золота и драгоценных камней (Ирам Зат ал-Имад), но был вместе со всей свитой уничтожен посланным свыше смерчем. В нарицательном значении — олицетворение злодейства и тирании.

Ш а й (или «шахи») — разменная монета, когда-то одна двухсотая часть т у м а н а (см.), одна двадцатая к р а н а (см.).

Ш а р и а т — совокупность всех религиозно-правовых и обрядовых норм ислама. Источники шариата — **К о р а н** (см.), мусульманское предание (сунна), высказывания видных богословов и законопедов и кияс — заключения, касающиеся правовых норм, выведенных путем аналогии из Корана и сунны.

Ш а х з а д е — букв. «рожденный от шаха», царевич.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Борщевский. Сказки древней столицы	5
Солнышко-ханум. Перевод Э. Джалишвили	13
Лжец. Перевод Н. Фарас	18
Сказка про глупую жену Резы. Перевод Э. Джалишвили	22
Сказка про дочь падишаха Чина. Перевод Э. Джалишвили	33
Кедхода и сорок одна жена. Перевод Н. Фарас	47
Что приключилось с шутом падишаха. Перевод Э. Джалишвили	50
Сказка о человеке по имени Ох. Перевод Н. Фарас	56
Мулла Бахлул и посол царя Ференгистана. Перевод Э. Джалишвили	65
Сказка о хитрой жене. Перевод Н. Фарас	75
Сказка про старуху и кошку. Перевод Э. Джалишвили	80
Про везиров и ложь. Перевод Э. Джалишвили	81
Хитрая жена, муж и луры. Перевод Н. Фарас	84
Сказка о ювелире, счастье которого заснуло и вновь пробудилось. Перевод Н. Фарас	86
Сказка про шахзаде Мохаммеда. Перевод Э. Джалишвили	89
Сокрушитель львов. Перевод Н. Фарас	104
Самый большой лжец. Перевод Э. Джалишвили	108
Листья дерева тутии. Перевод Н. Фарас	109
Сказка про харкена и пророка Мусу. Перевод Э. Джалишвили	130
Дервиш и Хатем Таи. Перевод Н. Фарас	136
О самом плохом человеке. Перевод Э. Джалишвили	144
Хамадапский нищий. Перевод Н. Фарас	146
Шахзаде Ибрагим. Перевод Н. Фарас	150
Верх и подкладка. Перевод Н. Фарас	158
Глупая женщина. Перевод Н. Фарас	170
Про трех горбунов. Перевод Э. Джалишвили	179
Праведник. Перевод Н. Фарас	180
Примечания	183

СКАЗКИ ИСФАХАНА

*Утверждено к печати Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор *Н. Б. Кондырева*

Художественный редактор *И. Р. Бескин*

Технический редактор *С. В. Цветкова*

Корректоры *А. В. Попкова* и *Г. В. Стругова*

Сдано в набор 29/XII 1966 г. Подписано к печати 18/IV 1967 г. Формат 84 × 108^{1/32}. Печ. л. 6,0. Усл. п. л. 10,08. Уч.-изд. л. 10,14. Бум. № 2. Тираж 100 000 экз. Изд. № 1421. Зак. № 4589. Цена 54 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.

ОПЕЧАТКА

	Напечатано	Следует читать
На обороте титуль- ного листа	51 кон.	54 кон.

Заказ 4589

Цена 54 коп.

